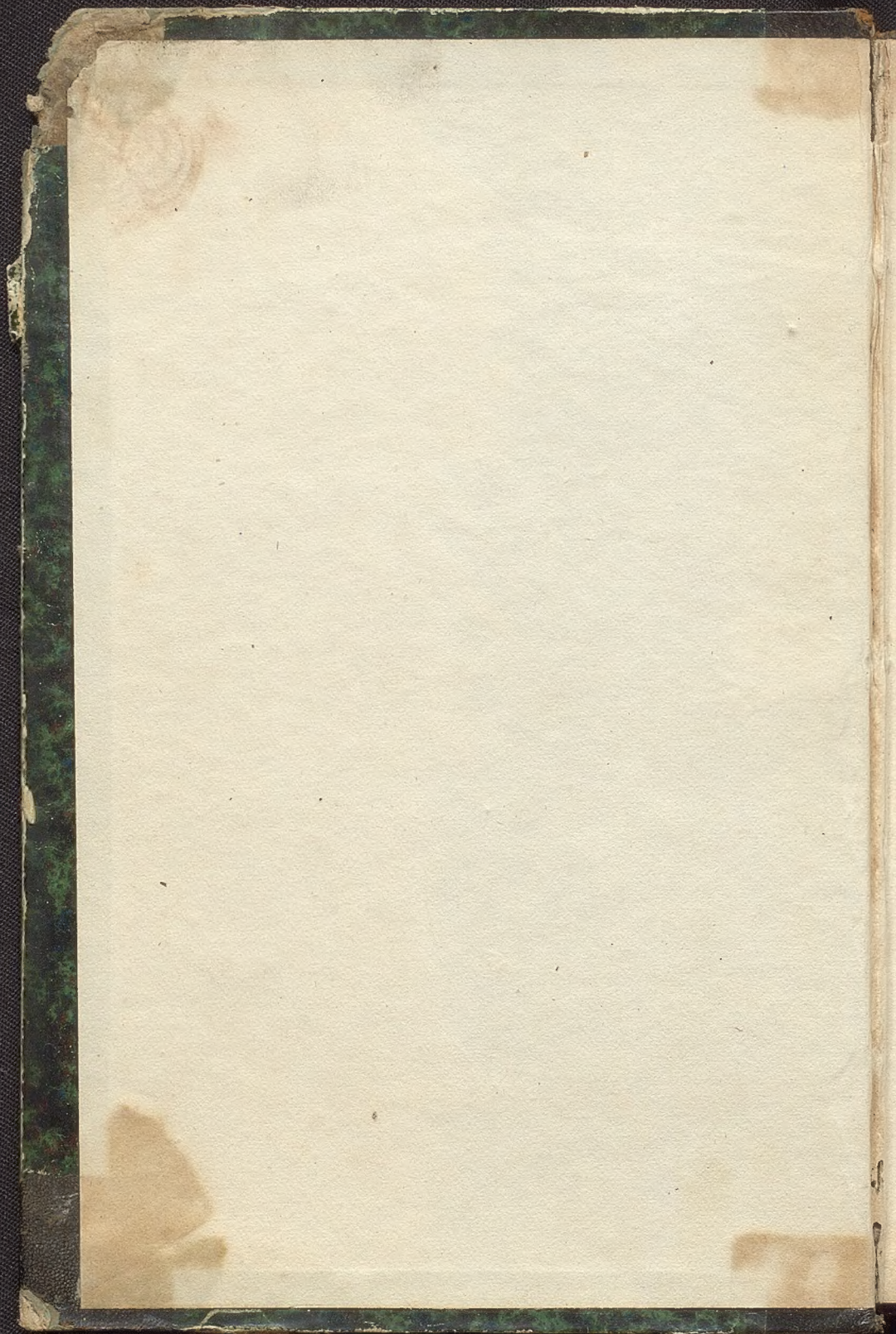
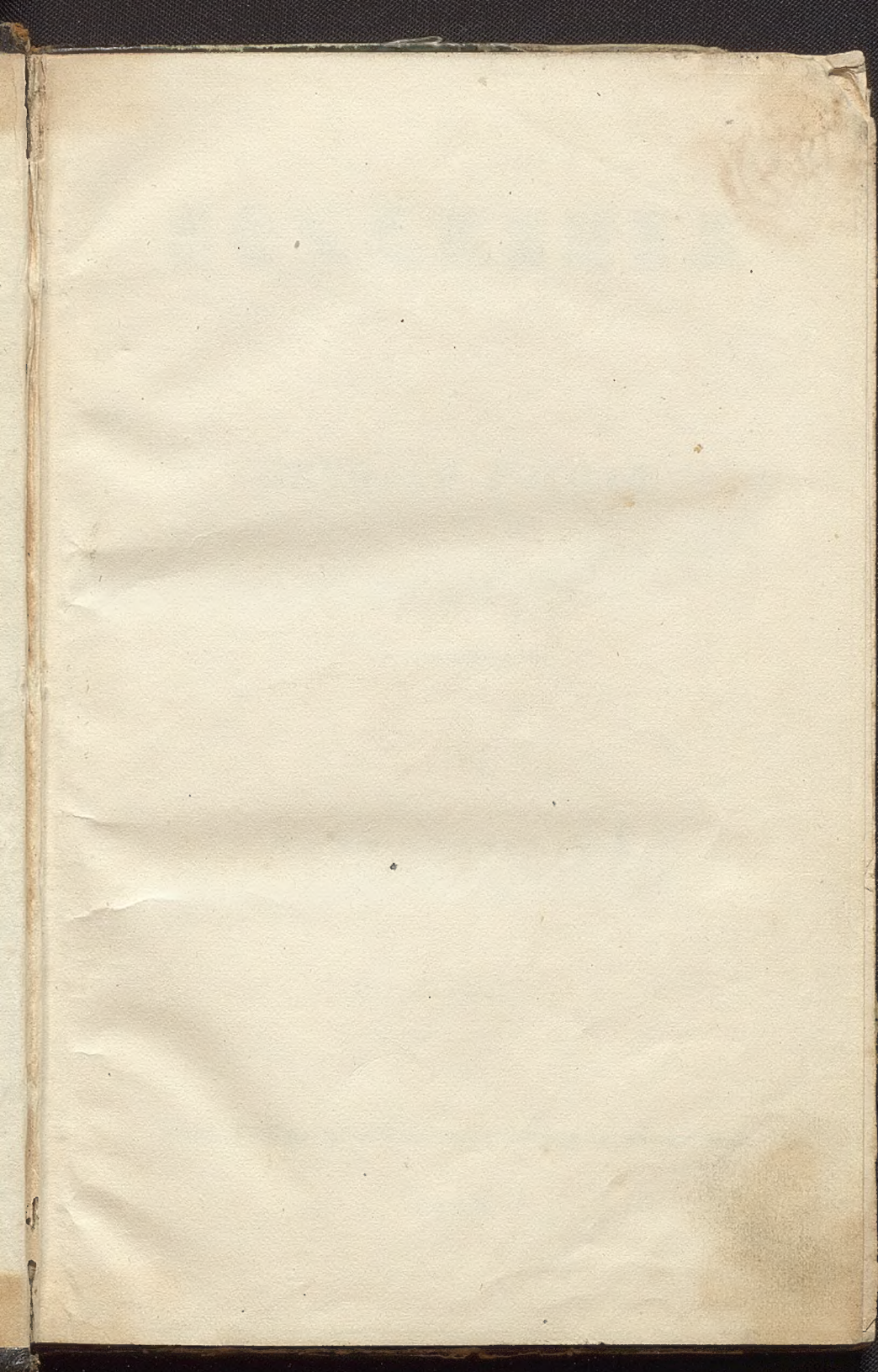
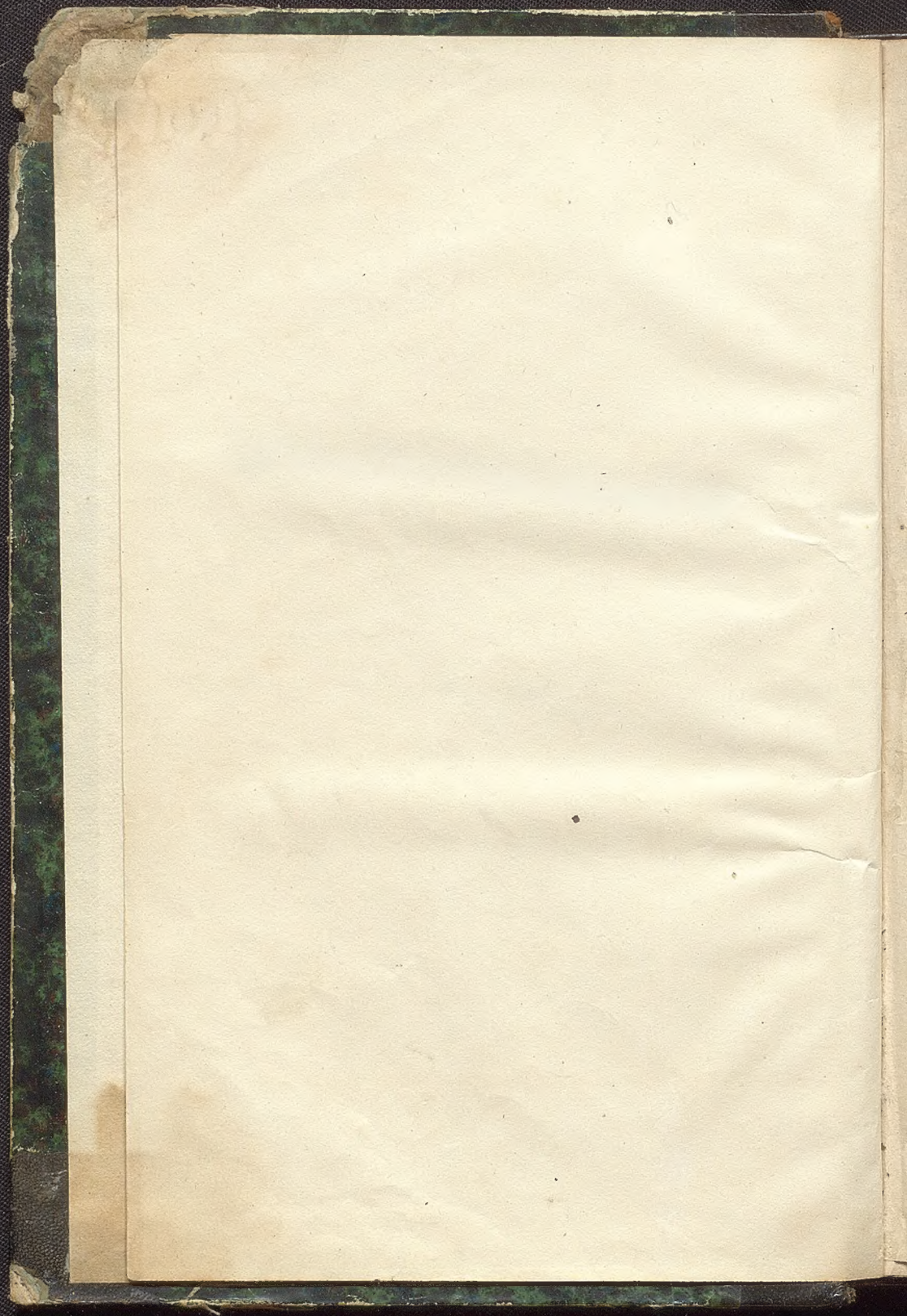

ОЧЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САВЕРИТЕРНЕРБЕРГЪ.

1842.

ВІСНИКЪ

ВІСНИКЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, сентября 30 дня 1842 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ВІСНИКЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. БОРОДИНА И К^о.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ

Инв. №

1447

КОМЕДИИ.

MEMORANDUM

РЕВИЗОРЪ.

На зеркало кеча пѣнять, коли рожа крива.

Неродная пословица.

ПЕРВОЕ

ИЗЪЯТЫЕ ИЗЪ ПЕРВОГО ТОМА
ПЕРВОГО ТОМА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

=

АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ СКВОЗНИКЪ - ДМУХАНОВ-
СКІЙ, городничій.

АННА АНДРЕЕВНА, жена его.

МАРЬЯ АНТОНОВНА, дочь его.

ЛУКА ЛУКИЧЪ ХЛОПОВЪ, смотритель училищъ.

Жена его.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ ЛЯПКИНЪ-ТЯНКИНЪ, судья.

АРТЕМІЙ ФЕЛИППОВИЧЪ ЗЕМЛЯНИКА, попечитель бо-
гоугодныхъ заведеній.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ ШПЕКИНЪ, почтмейстеръ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ДОБЧИНСКІЙ } городскіе

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ БОБЧИНСКІЙ } помѣщики.

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ХЛЕСТАКОВЪ, чиновникъ

изъ Петербурга.

ОСИПЪ, слуга его.

ХРИСТИАНЪ ИВАНОВИЧЪ ГШЕПЕРЪ, уездный лекарь.

ФЕДОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ЛЮЛЮКОВЪ } отставные чинов-

ИВАНЪ ЛАЗАРЕВИЧЪ РАСТАКОВСКІЙ } ники, почетные ли-

СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ КОРОБКІНЪ } ца въ городѣ.

СТЕПАНЪ ИЛЬИЧЪ УХОВЕРТОВЪ, частный приставъ.

СВИСТУНОВЪ

ПУГОВИЦЫНЪ } полицейскіе.

ДЕРЖИМОРДА }

АБДУЛИНЪ, купецъ.

ФЕВРОНЯ ПЕТРОВНА ПОШЛЕПИША, слесарша.

Жена унтеръ-офицера.

МИШКА, слуга городничаго.

Слуга трактирный.

Гости и гостицы, купцы, мѣщане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ.

Замѣчанія для господъ актеровъ.

ГОРОДНИЧІЙ, уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый, по-своему, человекъ. Хотя и взяточникъ, однако ведетъ себя очень солидно, довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говорить ни громко, ни тихо; ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ писшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомерию довольно быстръ, какъ у человека съ грубо-развитыми склонностями души. Онъ одѣтъ, по обыкновенію, въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стрижены съ просѣдью.

АННА АНДРЕЕВНА, жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная вполнину на романахъ и альбомахъ, вполнину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвчехъ. Очень любопытна, и при случаѣ выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ, потому только, что тотъ не находитъ что отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи, и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разные платья въ продолженіе піесы.

ХЛЕСТАКОВЪ, молодой человекъ лѣтъ двадцати-трехъ, тоненькій, худенькій; нѣсколько приглуповатъ, и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ; одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустышниками. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постоянного вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

ОСИНЪ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно, смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и любитъ самому-себѣ читать правоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровень, въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его стрѣй или синій поношенный сюртукъ.

БОБЧИНСКІЙ и **ДОБЧИНСКІЙ**, оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга: оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою, и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій

немного выше, серьёзѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязѣе и живѣе Добчинскаго.

ЛЯКНИНЪ-ТЯПКИНЪ, судья, человекъ прочитавшій пять, или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольподуменъ. Охотникъ большой на догадки, и потому каждому слову своему даетъ вѣсъ. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говорить басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

ЗЕМЛЯНИКА, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человекъ; но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, простодушный до наивности человекъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы ихъ всегда почти находятся передъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясеніе на всѣхъ разомъ, вдругъ. Вся группа должна перемѣнить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ-будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домъ городничаго.

Я В Л Е Н І Е I.

ГОРОДНИЧІЙ, ПОПЕЧИТЕЛЬ БОГОУГОДНЫХЪ ЗА-
ВЕДЕНІЙ, СМОТРИТЕЛЬ УЧИЛИЩЪ, СУДЬЯ,
ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ, ЛЕКАРЬ, ДВА КВАРТАЛЬ-
НЫХЪ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы
сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ
ѣдетъ ревизоръ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Какъ, ревизоръ?

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

Какъ, ревизоръ?

ГОРОДНИЧІЙ.

Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

АММОСТЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Вотъ-те на!

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

Вотъ не было заботы, такъ подай!

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ!

ГОРОДНИЧІЙ.

Я какъ-будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь спнились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, пошухали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» (*бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами*)... «и увѣдомить тебя». А, вотъ: «спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ

уздъ (*значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ-какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому-что ты человекъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...» (*остановясь*) ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито.... Вчерашняго дня...» Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...» и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

ГОРОДНИЧІЙ, *испуская вздохъ.*

Зачѣмъ! такъ ужъ видно, судьба! (*вздыхнувъ*) До-сихъ-поръ, благодареніе Богу, подбирались
томъ IV. 2

къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

ГОРОДНИЧІЙ.

Экъ куда хватили! Еще умный человекъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не дойдешь.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того.... вы не.... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ что далеко, а оно себя мотаетъ на усь.

ГОРОДНИЧІЙ.

Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предупредилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, протѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственные вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ,

чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да. И то же надъ каждою кроватью надписать по-латинѣ, или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ,— всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, еслибы ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

О! на-счетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше; лекарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣтъ, то и такъ выздоровѣтъ. Да и Христіану Ивановичу затруд-

нительно было бы съ ними изъясняться — онъ по-русски ни слова не знаетъ.

ХРИСТИАНЪ ИВАНОВИЧЪ *издаетъ звукъ
отчасти похожій на букву и, и
нѣсколько на: е.*

ГОРОДНИЧІЙ.

Вамъ тоже посовѣтоваль бы, Аммосъ Федоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводить всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завести его? только знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично.... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

ГОРОДНИЧІЙ.

Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все навремя лучше его принять, а тамъ, какъ пройдетъ ревни-

зоръ, пожалуй, опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ.... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода— это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню чѣмъ-то, развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это действительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посоветовать лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

ХРИСТИАНЪ ИВАНОВИЧЪ издастъ тотъ же звукъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ-поръ отъ него одтаетъ немного водкою.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называется въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ са-

мимъ Богомъ устроено, и волтеріянцы напрасно противъ этого говорить.

АММОСТЬ ѦЕДОРОВИЧЪ.

Что жъ вы полагаете, Антоць Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

АММОСТЬ ѦЕДОРОВИЧЪ.

Ну, нѣтъ, Антоць Антоновичъ. А вотъ, на-примѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пять-сотъ рублей, да супругъ шамъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? за то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я по-крайней-мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

АММОСТЬ ѦЕДОРОВИЧЪ.

Давѣдъ самъ-собою дошолъ, собственнымъ умомъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ я такъ толь-

ко упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать: врядь ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужь такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ-какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди конечно ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо.... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы взошедши на кафедру, не сдѣлать гримасу; вотъ такъ (дѣлаетъ гримасу); и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ-быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить, но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ, или другой кто, можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Что жъ мнѣ право съ нимъ дѣлать? я ужь

нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, когда зашелъ-было въ классъ нашъ преподаватель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

ГОРОДНИЧІЙ.

То же долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣній хваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покаместъ говорилъ объ ассиріанахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ. Ейбогу! сбѣжалъ съ кафедры и, что силы есть, хватъ стуломъ объ полъ. Оно конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать! отъ этого убытокъ казнѣ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Да, онъ горячъ! я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говорить: какъ хотите, для науки я жизни не пощажу.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую стропить, что хоть святыхъ выноси.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Не приведи Богъ служить по ученой части, всего боишься. Всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Это бы еще ничего. Инкогнито проклятое! Вдругъ заглянеть: а вы здѣсь голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? Ляпкинъ-Тяпкинъ — а подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній? — Земляника. А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!

Я В Л Е Н І Е II.

ТѢ ЖЕ И ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

А вы развѣ не слышали?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну что? какъ вы думаете объ этомъ?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

А что думаю? война съ турками будетъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, оба пальцемъ въ небо попали!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какая война съ турками! просто намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это ужъ извѣстно: у меня письмо.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

ГОРОДНИЧІЙ.

Да что я? страху-то нѣтъ, а такъ, немножко. Купечество да гражданство меня смущаетъ. Го-

ворять, что я имъ солоно пришелся, а я, вотъ ейбогу, если и взялъ съ него, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (*беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ-самомъ-дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитатъ: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Знаю, знаю.... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства, — смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это пренеприятное чтеніе! Иное письмо съ наслажденіемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ!

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ; а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль однакожъ, что вы не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю и описалъ балъ въ самомъ игривомъ.... очень, очень хорошо: «жизнь моя, милый другъ, течетъ» — говорятъ — «въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...» съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

АММОСЪ ОБЕДОРОВИЧЪ.

Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Ахъ батюшки!

ГОРОДНИЧІЙ.

Ничего, ничего. Другое дѣло, еслибъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейное.

АММОСТЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Да, не хорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шолъ-было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы поподчивать васъ собачонкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другаго.

ГОРОДНИЧІЙ.

Батюшка, не мило мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь и — шашть....

Я В Л Е Н І Е III.

тѣ же, бовчинскій и добчинскій оба входятъ запыхавшись.

БОВЧИНСКІЙ.

Чрезвычайное происшествіе!

ДОВЧИНСКИЙ.

Неожиданное извѣстіе!

ВСѢ.

Что, что такое?

ДОВЧИНСКИЙ.

Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу....

БОВЧИНСКИЙ, *перебивая.*

Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу....

ДОВЧИНСКИЙ, *перебивая.*

Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я расскажу.

БОВЧИНСКИЙ.

Э, нѣтъ, позвольте ужъ я.... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете....

ДОВЧИНСКИЙ.

А вы собѣетесь и не припомните всего.

БОВЧИНСКИЙ.

Припомню, ейбогу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я расскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да говорите ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣсть. Садитесь, господа! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ (всѣ

усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей). Ну, что, что такое?

БОВЧИНСКИЙ.

Позвольте, позвольте: я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ — такъ я тогда же забѣжалъ.... ужъ пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ. Я ужъ все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ....

ДОВЧИНСКИЙ, перебивалъ.

Возмъ будки, гдѣ продаются пироги.

БОВЧИНСКИЙ.

Возмъ будки, гдѣ продаются пироги. Да встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ и говорю ему: слышали ли вы о новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовернаго письма. А Петръ Ивановичъ ужъ слышали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая,

не знаю за чѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

ДОВЧИНСКИЙ, *перебивал.*

За боченкомъ, для французской водки.

БОВЧИНСКИЙ, *отводил его руки.*

За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ... энтото... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!.... Пошли къ Почечуеву, да на дорогъ Петръ Ивановичъ говорить: зайдемъ, говорить, въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе... да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... А въ трактиръ, говорить, привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ. Только-что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

ДОВЧИНСКИЙ, *перебивал.*

Не дурной паружности, въ партикулярномъ платьѣ....

БОВЧИНСКИЙ.

Не дурной паружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходить этакъ по комнатамъ и въ лицѣ этакое разсужденіе.... фizioномія.... поступки и здѣсь (*вертитъ рукою около лба*) много, много

всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: здѣсь что-нибудь не проста-сь. Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-сь, трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ также, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: кто, говоритъ, этотъ молодой человекъ? а Власъ и отвѣчаетъ на это: это, говоритъ.... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете; ейбогу не расскажете, вы пришепечиваете; у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... это, говоритъ, молодой человекъ, чиновникъ, да-сь, ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи, говоритъ: Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-сь, а ѣдетъ, говоритъ, въ Саратовскую губернію и, говоритъ, пристрашно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копейки не хочетъ платить. Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня такъ вотъ выше и вразумило. Э! говорю я Петру Ивановичу....

ДОВЧИНСКИЙ.

Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ «э!»

БОВЧИНСКИЙ.

Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. Э! сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежить въ Саратовскую губернію? — Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Кто, какой чиновникъ?

БОВЧИНСКИЙ.

Чиновникъ-та, о которомъ изволили получить нотацію — ревизоръ.

ГОРОДНИЧІЙ, въ страхѣ.

Что вы, Господь съ вами! это не онъ.

ДОВЧИНСКИЙ.

Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ; кому же быть какъ не ему? и подорожная прописана въ Саратовъ.

БОВЧИНСКИЙ.

Онъ, онъ, ейбогу онъ.... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ, увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу, больше потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своего желудка... да. Такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

ДОБЧИНСКІЙ.

Въ пятомъ номерѣ, подъ лѣстницей.

БОБЧИНСКІЙ.

Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

ГОРОДНИЧІЙ.

И давно онъ здѣсь?

ДОБЧИНСКІЙ.

А недѣли двѣ ужъ. Приѣхалъ на Василья Египтянина.

ГОРОДНИЧІЙ.

Двѣ недѣли! (*въ-сторону*) Батюшки, сватушки, выносите, свѣтые угодики! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! арестантамъ не выдавали провизіи. На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ, поношенье! (*хватается за голову.*)

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Что жъ, Антонъ Антоновичъ, ѣхать парадомъ въ гостиницу.

АММОСЪ ОБЕДОРОВИЧЪ.

Нѣтъ, нѣтъ. Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ: Дѣянія Іоанна Масона....

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому. Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось Богъ вынесетъ и теперь. (*обращаясь къ Бобчинскому*) Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

БОБЧИНСКІЙ.

Молодой, лѣтъ двадцати-трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Тѣмъ лучше: молодаго скорѣ пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь одинъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли протѣжающіе непріятностей. Ей, Свистуновъ!

СВИСТУНОВЪ.

Что угодно?

ГОРОДНИЧІЙ.

Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ, или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣ ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. (*Квартальный бѣжитъ впопыхахъ.*)

АРТЕМІЙ ФИЛИПPOBИЧЪ.

Пойдемъ, пойдемъ Аммосъ Оедоровичъ. Въ-самомъ-дѣлѣ можетъ случиться бѣда.

АММОСЪ ОЕДОРОВИЧЪ.

Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, — да и концы въ воду.

АРТЕМІЙ ФИЛИПPOBИЧЪ.

Какое колпаки! Больнымъ вѣльно габерь-супъ давать, а у меня по всѣмъ корридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

АММОСЪ ОЕДОРОВИЧЪ.

А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣзный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку — а! только рукою махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда. (*Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ ѣхаютъ, и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.*)

Я В Л Е Н І Е IV.

ГОРОДНИЧІЙ, БОВЧИНСКІЙ, ДОВЧИНСКІЙ И
КВАРТАЛЬНЫЙ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Что, дрожки тамъ стоятъ?

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Соятъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ступай на улицу.... или нѣтъ, постой! ступай принеси.... да другіе-то гдѣ? неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ такъ?

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до-сихъ-поръ не протрезвился.

ГОРОДНИЧІЙ, хватаясь за голову.

Ахъ Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ, бѣги прежде въ комнату,

слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ.

БОВЧИНСКИЙ.

И я, и я.... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! не ловко, да и на дрожкахъ не помѣстимся.

БОВЧИНСКИЙ.

Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-та, въ дверь этакъ посмотреть, какъ у него эти поступки....

ГОРОДНИЧІЙ, *принимая шпагу, къ
квартильному.*

Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ.... Экъ шпага какъ исцарапалась! проклятый купчишка Авдулинъ видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой. О лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужь просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ.... чортъ возьми, по улицѣ — по мѣтлѣ! — и вывели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вывели бы чисто.... Слышишь. Да смо-

три: ты! ты! я знаю тебя: ты тамъ кумаешься, да крадешь въ ботфорты серебрянныя ложечки, смотри, у меня ухо остро!... Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ, а? онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна; а ты стянулъ всю штуку. Смотри! не по чину берешь! ступай!

Я В Л Е Н І Е . V.

ТЪ ЖЕ И ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

ГОРОДНИЧІЙ.

А, Степанъ Ильичъ, скажите ради Бога, куда вы запропастились? На чтò это похоже?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

ГОРОДНИЧІЙ.

А Держиморда гдѣ?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

ГОРОДНИЧІЙ.

А Прохоровъ пьянъ?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Пьянъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ же вы это такъ допустили?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка, — повхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный поручикъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телегъ всякаго сору. Что это за скверный городъ: только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ, или, просто, заборъ, чортъ ихъ знаетъ откуда и нанесутъ всякой дряни! *(вздыхаетъ)* Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу:

довольны ли — чтобы говорили: всѣмъ довольны, ваше благородіе; а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, охъ, хо, хо, хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ (*беретъ вмѣсто шляпы футляръ*), дай только Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! (*вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ.*)

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

ГОРОДНИЧІЙ, бросая коробку.

Коробка такъ коробка! Чортъ съ ней! Да если спросятъ: отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордъ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставить

фонари подъ глазами, и правому и виноватому. Ёдемъ, ёдемъ, Петръ Ивановичъ (*уходитъ и возвращается*). Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарнизона надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ (*всѣ уходятъ*).

Я В Л Е Н І Е VI.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА *вбѣ-
гаютъ на сцену.*

АННА АНДРЕЕВНА.

Гдѣ жъ, гдѣ жъ они? Ахъ Боже мой!... (*отворяя дверь*) мужъ! Антоша! Антонъ! (*говоритъ скоро*) а все ты, а все за тобой. И пошла копаться: я булабочку, я косынку (*подбѣгаетъ къ окну и кричитъ*) Антонъ, куда, куда? что, пріѣхалъ? ревизоръ? съ усами! съ какими усами?

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Послѣ, послѣ, матушка.

АННА АНДРЕЕВНА.

Послѣ? вотъ новости послѣ! Я не хочу послѣ.... Мнѣ только одно слово: что онъ, полковникъ? А? (*съ пренебреженіемъ*) Уѣхалъ! я тебѣ вспомню это! А все эта: «маменька, ма-

менька, погодите, зашнурю сзади косынку; и сейчас. Вотъ тебѣ и сейчасъ!» Вотъ тебѣ ничего и не узнали! а все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ, просто, тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Да чтожь дѣлать, маменька? все равно, чрезъ два часа мы все узнаемъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Чрезъ два часа! покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ. Какъ ты не догадалась сказать, черезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать (*свѣшивается въ окно*) Эй, Авдотья! А! что, Авдотья, слышала, тамъ прѣхалъ кто-то.... Не слышала? глухая какая! Машетъ руками? пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ. А? скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай сейчасъ. Слышишь, побѣги, разспроси: куда поѣхали, да разспроси хорошенько, что за прѣзжій, каковъ онъ, слышишь! подсмотри въ щелку и узнай

все, и глаза какіе: черные, или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе. (Кричитъ до-тѣхъ-поръ, пока не опускается занавѣсъ и не закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щотка и прочее.

Я В Л Е Н І Е I.

ОСИПЪ, лежитъ на барской постели.

Чортъ побери, есть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ-будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой! что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошолъ, какъ уже изъ Питера! профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ

вишь ты; нужно въ каждомъ городѣ показать себя (дразнить его): «эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да объѣдь спроси самый лучший: я не могу ѣсть дурнаго объѣда, мнѣ нуженъ лучший объѣдъ». Добро бы было въ-самомъ-дѣлѣ что-нибудь путное, а то въдѣ елистратишка простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картинки — вотъ тебѣ и донграмся! Эхъ, надоѣла такая жизнь! право на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше; возмешь себѣ бабу; да и лежи весь вѣкъ на палатахъ, да ѣшь пироги. Ну кто жъ спорить, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: келтры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступить; пойдешь на Щукнинъ — купцы тебѣ кричатъ: почтенный! на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ расскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ въ небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредеть; горничная иной разъ заглянетъ та-

кая.... Фу, фу, фу! (*усмьхается и трясетъ головою.*) Галантерейное, чортъ возми, обхожденіе! Певѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говорить *вы*. Наскучило итти — берешь извозника, и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщеть. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой, чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виновать. Чтò съ нимъ дѣлать? Батюшка приметъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать — и куды!... пошолъ купить: ѣздить на извозникѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю — глядь и посылаютъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спустить, такъ-что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка, ейбогу правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублеви полтора ста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынокъ спустить рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего — ни почемъ идутъ. А отчего? оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по

прешпекту, въ картинки играть. Эхъ, еслибъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дна бъ четыре ты печесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? *(со вздохомъ)* Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится, вѣрно это онъ идетъ. *(Поспѣшно схватывается съ постели.)*

Я В Л Е Н І Е II.

ОСИПЪ И ХЛЕСТАКОВЪ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

На, прими это *(отдаетъ фуражку и просточку)*. А, опять валялся на кровати?

ОСИПЪ.

Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Врешь, валялся; видишь, вся склокочена.

ОСИПЪ.

Да на что мнѣ она? не знаю я развѣ что такое
томъ IV.

кровать? у меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

ХЛЕСТАКОВЪ *ходитъ по комнатѣ.*

Посмотри тамъ, въ картузь, табаку нѣтъ?

ОСИПЪ.

Да гдѣ жъ ему быть, табаку? вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

ХЛЕСТАКОВЪ *ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ.*

Послушай, ей, Осипъ?

ОСИПЪ.

Чего изволите?

ХЛЕСТАКОВЪ *громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ.*

Ты ступай туда.

ОСИПЪ.

Куда?

ХЛЕСТАКОВЪ *голосомъ вовсе першительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ.*

Внизъ, въ буфетъ.... Тамъ скажи.... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

ОСИПЪ.

Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ ты смѣешь, дуракъ?

ОСИПЪ.

Да такъ, все равно хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

ОСИПЪ.

Еще говорить, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы-де съ баринномъ, говорить, мошенники, и баринъ твой плутъ. Мы-де, говорить, этакихъ широмыжниковъ и подлецовъ видали.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А ты ужь и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

ОСИПЪ.

Говорить: этакъ всякій прїѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя. Я, говорить, шутить не буду, я прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну, ну, дуракъ, полно. Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

ОСИПЪ.

Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Начто жъ хозяинна? тыгъ поди самъ скажи.

ОСИПЪ.

Да право, сударь. . . .

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяинна.

(Осипъ уходитъ).

Я В Л Е Н І Е III.

ХЛЕСТАКОВЪ *одинъ*.

Ужасно какъ, хочется есть. Такъ немножко прошолся; думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ — нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, еслибъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ — и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привелъ. Какой скверный городишка! Въ овошенныхъ лавкахъ ничего не даютъ въ-долгъ. Это ужъ просто, подло. (*Насвистываетъ сначала изъ Роберта, потомъ: Не шей ты мнѣ, матушка, а наконецъ ни сѣ, ни то.*) Никто не хочетъ итти.

Я В Л Е Н І Е IV.

ХЛЕСТАКОВЪ, ОСИПЪ И ТРАКТИРНЫЙ СЛУГА.

СЛУГА.

Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Здравствуй, братецъ! Ну, что ты, здоровъ?

СЛУГА.

Слава Богу.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну что, какъ у васъ въ гостиницѣ? хорошо ли все идетъ?

СЛУГА.

Да, слава Богу, все хорошо.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Много проѣзжающихъ?

СЛУГА.

Да, достаточно.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Послушай, любезный, тамъ мнѣ до-сихъ-поръ обѣда не приносятъ, такъ пожалуйста поторопи, чтобъ поскорѣе, видишь мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

СЛУГА.

Да, хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ, никакъ, хотѣлъ идти сегодня же жаловаться городничему.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да что жъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отощать. Мнѣ очень ѣсть хочется; я не шута это говорю.

СЛУГА.

Такъ-съ. Онъ говорилъ: я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее. Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да ты урезонь, уговори его.

СЛУГА.

Да что жъ ему такое говорить?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ты растолкуй ему сурьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою.... Онъ думаетъ, что какъ ему, мужику, ничего, если не поѣстъ день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

СЛУГА.

Пожалуй, я скажу.

Я В Л Е Н І Е V.

ХЛЕСТАКОВЪ *однѣн.*

Это скверно однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ есть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что ли, продать.

Итъ, ужъ лучше поголодать, да прѣхать домой въ петербургскомъ костюмъ. Жаль, что Иохимъ не далъ напрокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, прѣхать домой въ каретъ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣдупомѣщику, подъ крыльцо съ фонарями, а Осипа сзади, одѣтъ въ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились: «кто такой, что такое?» а лакей входитъ: *(вытягиваясь и представляя лакея)* «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значить «прикажете принять.» Къ нимъ если прѣдетъ какой-нибудь гусь, помѣщикъ, и валитъ, медвѣдь, прямо въ гостиную. Къ дочекъ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: сударыня, какъ я.... *(потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой)*. Тьфу *(плюетъ)*, даже тошнитъ, такъ вѣтъ хочется.

Я В Л Е Н І Е VI.

ХЛЕСТАКОВЪ, ОСИПЪ, ПОТОМЪ СЛУГА.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что?

ОСИПЪ.

Несутъ обѣдъ.

ХЛЕСТАКОВЪ приклониваетъ въ ладо-
ши и слегка подпрыгиваетъ на
ступь.

Несутъ! несутъ! несутъ!

СЛУГА съ тарелками и салфеткой.

Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну, хозяинъ, хозяинъ.... Я плевать на твоего
хозяина! что тамъ такое?

СЛУГА.

Супъ и жаркое.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ, только два блюда?

СЛУГА.

Только-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Вотъ вздоръ какой! я этого не принимаю. Ты
скажи ему: что это въ-самомъ-дѣлѣ такое!... это-
го мало.

СЛУГА.

Нѣтъ, хозяинъ говорить, что еще много.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А соусу почему нѣтъ?

СЛУГА.

Соусу нѣтъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя ми-
мо кухни, тамъ много готовилось. И въ столо-

вой сегодня поутру двое какихъ-то коротенькихъ
человѣка ѣли семгу и еще много кой-чего.

СЛУГА.

Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ нѣтъ?

СЛУГА.

Да ужъ нѣтъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А семга, а рыба, а котлеты?

СЛУГА.

Да это для тѣхъ, которые почище-сѣ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ахъ ты дуракъ!

СЛУГА.

Да-сѣ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Поросенокъ ты скверный.... Какъ же, они
ѣдятъ, а я не ѣмъ? отчего же я, чортъ возьми,
не могу также? развѣ они не такіе же проѣзжаю-
щіе, какъ и я?

СЛУГА.

Да ужъ извѣстно что не такіе.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какіе же?

СЛУГА.

Обнаковенно какіе! они ужъ, извѣстно: они
деньги платятъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать; (*наливаетъ супъ и пьетъ*) что это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкуса нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другаго.

СЛУГА.

Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ, коли не хотите, то и не надо.

ХЛЕСТАКОВЪ, зацѣпилъ рукою кушанье.

Ну, ну, ну... оставь, дуракъ; ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую.... (*пьетъ*) Боже мой, какой супъ! (*продолжаетъ пить*) я думаю, еще ни одинъ чловѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу: какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла (*рпжетъ курицу*). Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу не много осталось, Осипъ, возьми себѣ. (*рпжетъ жаркое*) Что это за жаркое? Это не жаркое.

СЛУГА.

Да что жъ такое.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины.

(пстѣ) Мошенники, каналы, чѣмъ они кормятъ? и челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ. (ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ) Подлецы! совершенно какъ деревянная кора, ничѣмъ вытащить нельзя, и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ, мошенники! (вытираетъ ротъ салфеткой). Больше ничего нѣтъ?

СЛУГА.

Нѣтъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Каналы! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проезжающихъ.

СЛУГА *убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ.*

Я В Л Е Н І Е VII.

ХЛЕСТАКОВЪ, ПОТОМЪ ОСИПЪ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Право, какъ-будто и не ѣлъ; только-что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку.

ОСИПЪ *входитъ.*

Тамъ зачѣмъ-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ.

ХЛЕСТАКОВЪ, испугавшись.

Вотъ тебѣ на! Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что, если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что жъ? Если благороднымъ образомъ, я пожалуй.... нѣтъ, нѣтъ, не хочу. Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я какъ нарочно задамъ тону и перемигнулся съ одной купеческой дочкой.... нѣтъ, не хочу... Да что онъ, какъ онъ смѣетъ въ-самомъ-дѣлѣ? Что я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? (*бодрится и выпрямляется*) Да я ему прямо скажу: какъ вы смѣете, какъ вы.... (у дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ и сжесивается.)

Я В Л Е Н І Е VIII.

ХЛЕСТАКОВЪ, **ГОРОДНИЧІЙ** и **ДОВЧИНСКІЙ**.

Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугъ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза.

ГОРОДНИЧІЙ, *немного оправившись и протянувъ руки по швамъ.*

Желаю здравствовать!

ХЛЕСТАКОВЪ *кланяется.*

Мое почтеніе....

ГОРОДНИЧІЙ.

Извините.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ничего....

ГОРОДНИЧІЙ.

Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проезжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій....

ХЛЕСТАКОВЪ, сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко.

Да что жъ дѣлать?... я не виновать.... я право заплачу.... мнѣ пришлютъ изъ деревни. (Бобчинскій, выглядывая изъ-за дверей). Онъ больше виновать: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ — онъ чортъ знаетъ что, плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: вопяетъ рыбой, а не чаемъ. За что жъ я.... Вотъ новость!

ГОРОДНИЧІЙ робѣл.

Извините, я право не виновать. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ та-

кую. А если что не такъ, то.... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, не хочу. Я знаю что значить на другую квартиру: то есть въ тюрьму. Да какое вы имѣете право, да какъ вы смѣете?... Да вотъ я.... я служу въ Петербургъ.... (гордо) Я, я, я....

ГОРОДНИЧІЙ *въ-сторону.*

О Господи ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все рассказали проклятые купцы!

ХЛЕСТАКОВЪ, *храбрясь.*

Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой — не пойду. Я прямо къ министру! (стучитъ кулакомъ по столу). Что вы? что вы?

ГОРОДНИЧІЙ, *вытянувшись и дрожа
весьми тѣломя.*

Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькіе.... не сдѣлайте несчастнымъ человека.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму, вотъ прекрасно! (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугъ прячется.) Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

ГОРОДНИЧІЙ, дрожа.

По неопытности, ейбогу по неопытности. Недостаточность состоянія. Сами извольте посудить, казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если же и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платя. Что жъ до унтеръ-офицерской вдовы, занимающей купечествомъ, которую я будто-бы высъкъ, то это клевета, ейбогу клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да что? мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ....
(въ размышленіи) Я не знаю однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ, или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ.... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое; а меня вы не смѣете высъчь, до этого вамъ далеко.... Вотъ еще! смотри ты какой!... Я заплачу, заплачу деньги; но у меня теперъ нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копейки.

ГОРОДНИЧІЙ, въ сторону.

О тонкая штука! Экъ куда метнулъ! какого туману напустилъ! разбери кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да

ужь попробовать, не куда пошло, что будетъ, то будетъ. Попробовать на-авось. *(вслухъ)* Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать протѣжающимъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Дайте, дайте мнѣ въ займы; я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти, или хотъ даже и меньше.

ГОРОДНИЧІЙ, *поднося бумажникъ.*

Ровно двѣсти рублей, хотъ и не трудитесь считать.

ХЛЕСТАКОВЪ, *принимая деньги.*

Покорнѣйше благодарю. Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни.... у меня это вдругъ.... я вижу, вы благородный человекъ. Теперь другое дѣло.

ГОРОДНИЧІЙ, *въ-сторону.*

Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я таки ему вмѣсто двухъ-сотъ, четыреста вернулъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ)* Позови сюда трактирнаго слугу! *(къ городничему и Добчинскому)* А что жъ вы стоите! сдѣлайте милость са-

дитесь; (Добчинскому) садитесь, прошу покорнѣйше.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ничего, мы и такъ стоимъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Сдѣлайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня.... (Добчинскому) Садитесь. (Городничій и Добчинскій садятся. Добчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается.)

ГОРОДНИЧІЙ, въ-сторону.

Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его никогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ-будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. (вслухъ) Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому-что я не такъ, какъ нѣкій городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я кромѣ должности, еще, по христіанскому челолюбію, хочу, чтобы всякому смертному ока-

зывался хорошій пріемъ; и вотъ, какъ-будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

ГОРОДНИЧІЙ, въ-сторону.

Да, рассказывай, не зналъ чѣмъ заплатить! *(вслухъ)* Осмѣлюсь ли спросить: куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

ГОРОДНИЧІЙ, въ-сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе.

А? и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо остро. *(вслухъ)* Благое дѣло изволили предпринять. Въдь вотъ относительно дороги: говорить, съ одной стороны непріятности насчетъ задержки лошадей; а въдь съ другой стороны развлеченье для ума. Въдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до-сихъ-поръ ничего не выслужилъ въ Петербургъ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого по-толкаться въ канцелярію.

ГОРОДНИЧІЙ, въ-сторону.

Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика-отца припмелъ! (*вслухъ*) И на долгое время изволите ѣхать?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Право не знаю. Въдѣ мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрычъ, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За что жъ въ-самомъ-дѣлѣ я долженъ погубить жизнь съ мужиками. Теперь не тѣ потребности; душа моя жаждетъ просвѣщенія.

ГОРОДНИЧІЙ, въ-сторону.

Славно завязалъ узелокъ. Вретъ, вретъ, и нигдѣ не оборвется! А въдѣ какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну да стой! ты у меня проговоришься. Я тебя ужъ заставлю побольше рассказать! (*вслухъ*) Спра-

ведливо изволили замѣтить. Чтѣ можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хотя бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, анаграда не извѣстно еще когда будетъ. (окидываетъ глазами комнату) Кажется, эта комната нѣсколько сыра.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки кусаютъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Скажите! такой просвѣщенный гость и терпѣть, отъ кого же? отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться. Никакъ даже темно въ этой комнатѣ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать: почитать, или придеть фантазія сочинить что-нибудь, не могу — темно, темно.

ГОРОДНИЧІЙ.

Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я не достоинъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что?

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, недостойнѣ, недостойнѣ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да что жъ такое?

ГОРОДНИЧІЙ.

Я бы дерзнулъ.... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... но нѣтъ, чувствую самъ, это ужъ слишкомъ большая честь.... Не разсердитесь, ейбогу отъ простоты души предложилъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабацѣ.

ГОРОДНИЧІЙ.

А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня уже такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства, особливо если гость просвѣщенный человекъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Покорно благодарю. Я самъ тоже не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень правится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь,

больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженъе, уваженъе и преданность.

Я В Л Е Н І Е IX.

тѣ же и трактирный слуга, сопровождаемый осппомъ. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь.

СЛУГА.

Изволили спрашивать?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да; подай счетъ.

СЛУГА.

Я ужъ давеча подалъ вамъ другой счетъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я ужъ не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори, сколько тамъ?

СЛУГА.

Вы изволили въ первый день спросить обѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Дуракъ! еще началъ высчитывать. — Всего сколько слѣдуетъ?

ГОРОДНИЧІЙ.

Да вы не извольте беспокоиться: онъ. подождетъ. (слугъ) Пошелъ вонъ, тебѣ пришають.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, и то правда. (Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій).

Я В Л Е Н І Е X.

ГОРОДНИЧІЙ, ХЛЕСТАКОВЪ, ДОВЧИНСКІЙ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то богоугодныя и другія.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что тамъ такое?

ГОРОДНИЧІЙ.

А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ.... порядокъ какой...

ХЛЕСТАКОВЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ.

(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь).

ГОРОДНИЧІЙ.

Также если будетъ ваше желаніе оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Извольте, извольте.

ГОРОДНИЧІЙ.

Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

ГОРОДНИЧІЙ, *Добчинскому.*

Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

ДОВЧИНСКІЙ.

Ничего, я такъ.

ГОРОДНИЧІЙ, *тихо Добчинскому.*

Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ во всѣ лопатки и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе Земляникъ, а другую женѣ. (Хлестакову) Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку

къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да зачѣмъ же.... а впрочемъ тутъ и чернила, только бумаги, не знаю.... развѣ на этомъ счетѣ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Я здѣсь напишу. (*Пишетъ и въ тоже время говоритъ про-себя*) а вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика да бутылки-толсто-брюшки! Да есть у насъ губернская мадера, не казнета на видѣ, а слона повалить съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. (*Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену; всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается*).

ХЛЕСТАКОВЪ.

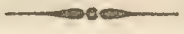
Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

БОВЧИНСКІЙ.

Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая наплепка. Я забѣгу къ Христіану Ивановичу: у него-съ есть пластырь такой, такъ вотъ оно и пройдетъ.

ГОРОДНИЧІЙ, дѣлая Бобчинскому
укорительный знакъ, Хлестакову.

Это-съ ничего. Прошу покорнѣйше, пожалуйста! а слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. (Осипу) Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему, тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! (пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому) Ужъ и вы! не нашли другаго мѣста упасть! и растянулся, какъ чортъ знаетъ что такое. (Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Комната перваго дѣйствія.

Я В Л Е Н І Е I.

АННА АНДРЕЕВНА, МАРЬЯ АНТОНОВНА *стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ.*

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну вотъ, ужъ цѣлый часъ дожидаемся, а все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ еще нужно копаться.... Не слушать бы ее вовсе. Экая досада! какъ парочно, ни души! какъ-будто бы вымерло все.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Да право, маменька, минуты черезъ двѣ все

узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна притти.
(*всматривается въ окно и вскрикиваетъ*) Ахъ,
маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ на кон-
цѣ улицы.

АННА АНДРЕЕВНА.

Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фанта-
зіи; ну да, идетъ. Кто жъ это идетъ? не боль-
шаго роста... во фракъ... кто жъ это? А? Это од-
нако жъ досадно! кто жъ бы это такой былъ?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Это Добчинскій, маменька.

АННА АНДРЕЕВНА.

Какой Добчинскій? Тебѣ всегда вдругъ вооб-
разится этакое! совсѣмъ не Добчинскій. (*Машетъ
платкомъ*). Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Право, маменька, Добчинскій.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну вотъ: нарочно, чтобы только поспорить.
Говорятъ тебѣ — не Добчинскій.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

А что? а что, маменька? видите, что Добчин-
скій.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну да, Добчинскій; теперь я вижу; изъ чего
же ты споришь. (*Кричитъ въ окно*). Скорѣй, ско-

рѣй! вы тихо идете. Ну что, гдѣ они? А? да говорите же, откуда, все равно. Что, очень строгій? А? а мужъ, мужъ? (*немного отступая отъ окна, съ досадою*) Такой глупый: до-тѣхъ-поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

Я В Л Е Н І Е II.

тѣ же и довчинскій.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго челоѣтика: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда жъ за ними? и я вотъ ни отъ кого до-сѣхъ-поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? и у васъ крестила вашего Ванчку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

ДОВЧИНСКІЙ.

Ейбогу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевести. Мое почтеніе, Марья Антоновна.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Здравствуйте, Петръ Ивановичъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, что? ну, разсказывайте: что и какъ тамъ?

ДОВЧИНСКИЙ.

Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, да онъ кто такой? генераль?

ДОВЧИНСКИЙ.

Нѣтъ, не генераль, а не уступить генералу. Такое образованіе и важныя поступки-съ.

АННА АНДРЕЕВНА.

А! такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу.

ДОВЧИНСКИЙ.

Настоящій. Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, расскажите: что и какъ?

ДОВЧИНСКИЙ.

Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ-было Антона Антоновича немного сурово; да-съ, сердился и говорилъ, что и въ гостищицѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за цего въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича, и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ переѣхалъ мысли и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія.... а то, признаюсь, уже

Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

АННА АНДРЕЕВНА.

Да вамъ-то чего бояться? вѣдь вы не служите.

ДОВЧИНСКИЙ.

Да такъ; знаете, когда вельможа говоритъ, чувствуешь страхъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, что жъ.... это все однакожъ вздоръ; расскажите, каковъ онъ собою? что, старъ, или молодъ?

ДОВЧИНСКИЙ.

Молодой, молодой человекъ: лѣтъ двадцатитрехъ; а говорить совсѣмъ такъ, какъ старикъ. Извольте, говорить, я поѣду и туда, и туда... (размахиваетъ руками) такъ это все славно. Я, говорить, и написать, и почитать люблю; но мышаешь, что въ комнатѣ, говорить, немножко темно.

АННА АНДРЕЕВНА.

А собой каковъ онъ: брюнетъ, или блондинъ?

ДОВЧИНСКИЙ.

Нѣтъ, больше шаптретъ, и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущенье даже приводятъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Что тут пишеть онъ мнѣ въ запискѣ: *(читаетъ)* «спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповав на милосердіе божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать-пять копѣекъ....» *(останавливается)*. Я ничего не понимаю, къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

ДОБЧИНСКИЙ.

А, это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

А да, точно. *(Продолжаетъ читать)*: «но уповав на милосердіе божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣ комнату для важнаго гостя, ту, что выклеена жолтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому-что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича; а вина вели побольше; скажи купцу Абдулицу, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то, я перерою весь его погребъ. Цалую, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій....» Ахъ Боже

мой! это однако жъ нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

ДОВЧИНСКИЙ, *бѣжитъ и кричитъ въ дверь.*

Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ).*

АННА АНДРЕЕВНА.

Послушай: бѣги къ купцу Авдулину.... постой, я дамъ тебѣ записочку *(садится къ столу, пишетъ записку и между-тѣмъ говоритъ)*: эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобъ онъ побѣжалъ къ купцу Авдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди сейчасъ придержи хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, рукомойникъ и прочее.

ДОВЧИНСКИЙ.

Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотреть, какъ тамъ онъ обзрѣвается.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ступайте, ступайте, я не держу васъ.

Я В Л Е Н І Е III.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штука: Боже сохрани
томъ IV.

ни, чтобы чего-нибудь не осмѣлялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Фи, маменька, голубое! мнѣ совсѣмъ не правится: и Ляпкина-Тяпкина ходить въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

АННА АНДРЕЕВНА.

Цвѣтное!... право, говоришь лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому-что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, маменька, вамъ неидетъ палевое!

АННА АНДРЕЕВНА.

Мнѣ палевое неидетъ?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Неидетъ, я что угодно даю, неидетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

АННА АНДРЕЕВНА.

Вотъ хорошо; а у меня глаза развѣ не темные? самые темные. Какой вздоръ говоришь! какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на треновую даму.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, маменька, вы больше червонная дама.

АННА АНДРЕЕВНА.

Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценой):* Этакое вдругъ вообразится! червонная дама! Богъ знаетъ что такое! *(По уходѣ ихъ открываются двери и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ.)*

Я В Л Е Н І Е IV.

МИШКА И ОСИПЪ.

ОСИПЪ.

Куда тутъ?

МИШКА.

Сюда, дядюшка, сюда.

ОСИПЪ.

Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ ты горемычное житье! на пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

МИШКА.

Что, дядюшка, скажите: скоро будетъ генералъ?

ОСИПЪ.

Какой генераль?

МИШКА.

Да баринъ вашъ.

ОСИПЪ.

Баринъ? да какой онъ генераль?

МИШКА.

А развѣ не генераль?

ОСИПЪ.

Генераль, да только съ другой стороны.

МИШКА.

Что жъ это, больше, или меньше настоящаго генерала?

ОСИПЪ.

Больше.

МИШКА.

Вишь ты какъ! то-то у насъ сумятицу подняли.

ОСИПЪ.

Послушай, мальй: ты, я вижу, проворный парень, приготовь-ка намъ что-нибудь поѣсть.

МИШКА.

Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово; простаго блюда вы не будете кушать, а вотъ какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустить.

ОСИПЪ.

Ну, а простаго-то, что у васъ есть?

МНІШКА.

Щи, каша, да пироги.

ОСИПЪ.

Давай ихъ, щи, кашу и пироги! ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! что, тамъ другой выходъ есть?

МНІШКА.

Есть. (Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату.)

Я В Л Е Н І Е V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ хлестаковъ; за нимъ городничій, далѣе попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, добчинскій и бобчинскій, съ пластыремъ на носу. городничій указываетъ квартальнымъ на полу бумажку—они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга въ-попыхахъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошія заведенія; мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проезжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

ГОРОДНИЧІЙ.

Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другаго помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ обѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

ГОРОДНИЧІЙ.

Нарочно для такого пріятнаго гостя.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я люблю поѣсть. Вѣдь на то живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, *подбѣгая.*

Лабарданъ-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, что ли?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, не много.

АРТЕМИЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ-поръ, какъ я принялъ начальство, можетъ-быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ, всѣ, какъ мухи выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность здѣшняго градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... словомъ, наимыѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что даже когда ложнись спать, все думаешь: Господи Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольнымъ.... Наградить ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по-крайней-мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пья-

нищъ мало.... то чего жъ мнѣ больше? ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, *въ-сторону*.

Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! дажь же Богъ такой даръ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Это правда. Я, признаюсь, люблю иногда замшествоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишки выкинутся.

БОВЧИНСКІЙ, *Добчинскому*.

Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ. Замѣчанія такія.... видно, что наукамъ учился.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скажите пожалуйста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты.

ГОРОДНИЧІЙ, *въ-сторону*.

Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! (*вслухъ*) Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ карты. Смотрѣть не могъ на нихъ равнодушно: и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля, или что-нибудь дру-

гое, то такое омерзение нападетъ, что, просто, плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь спились проклятыя. Богъ съ ними, какъ можно, чтобы такое драгоценное время убивать на нихъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ, въ-сторону.

А у меня, подлець, выпонтировалъ вчера сто рублей.

ГОРОДНИЧІЙ.

Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну, нѣтъ, вы напрасно однако же.... все зависитъ отъ той стороны, съ которой кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ.... ну, тогда конечно... Нѣтъ, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Я В Л Е Н І Е VI.

ТЪ ЖЕ, АННА АДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

ГОРОДНИЧІЙ.

Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.

ХЛЕСТАКОВЪ, *раскланивался.*

Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

АННА АНДРЕЕВНА.

Мнѣ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

ХЛЕСТАКОВЪ, *рисуеть.*

Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

АННА АНДРЕЕВНА.

Какъ можно-съ! вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Возлѣ васъ стоять уже есть счастье; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что наконецъ сижу возлѣ васъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ.... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Чрезвычайно непріятна. Привыкнуи жить, comparez vous, въ свѣтъ и вдругъ очутиться въ дорогѣ: грязные трактиры, мракъ певѣжества...

Если бъ, признаюсь, не такой случай, который меня.... (посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется передъ ней) такъ вознаградилъ за все....

АННА АНДРЕЕВНА.

Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ вамъ должно быть приятно.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень приятно.

АННА АНДРЕЕВНА.

Какъ можно-съ? Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отчего же не заслуживаете? вы, сударыня, заслуживаете.

АННА АНДРЕЕВНА.

Я живу въ деревнѣ....

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, деревня Впрочемъ тоже имѣетъ свои прігорки, ручейки.... ну, конечно, кто же сравнить съ Петербургомъ. Эхъ, Петербургъ! что за жизнь, право! Вы, можетъ-быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударить

по плечу: «приходи, братецъ, объѣдать!» Я только на двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только: тртр.... пошелъ писать. Хотѣли-было даже меня коллежскимъ ассессоромъ сдѣлать, да, думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ еще на лестницъ за мною со щеткою: позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ, говорить, сапоги почищу. (*Городничему*) Что вы, господа, стойте? пожалуйста садитесь!

ГОРОДНИЧІЙ.

В м ѣ с т ѣ. { Чинъ такой, что еще можно постоять.
АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.
Мы стоимъ.
ЛУКА ЛУКИЧЪ.
Не извольте беспокоиться.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Безъ чиновъ, прошу садиться. (*Городничій и всѣ садятся*). Напротивъ, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незаметно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: вонъ, говорятъ, Иванъ Александровичъ идетъ! А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго, солдаты выскочили изъ

гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго.

АННА АНДРЕЕВНА.

Скажите какъ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я ездѣ тоже разные водевильчики.... литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: «ну, что братъ Пушкинъ?»—«Да такъ братъ» отвѣчаетъ бывало: «такъ какъ-то все....» Большой оригиналъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Такъ вы и пишете? какъ это должно быть пріятно сочинителю. Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ впрочемъ много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Порма. Ужъ и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говорить: «пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь». Думаю себѣ: пожалуй, изволь, братецъ. И тутъ же въ одинъ

вечеръ, кажется, все написалъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это, что было подъ именемъ барона Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій Телеграфъ.... все это я написалъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ же, я имъ всемъ поправляю стихи. Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Такъ, вѣрно, и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, это мое сочиненіе.

АННА АНДРЕЕВНА.

Я сейчасъ догадалась.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, маменька, тамъ написано, что это Загоскина сочиненіе.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну вотъ: я и знала, что даже и здѣсь будешь спорить.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ахъ, да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. (*Обращаясь ко встѣмъ*). Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю.

АННА АНДРЕЕВНА.

Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпїемъ даются балы.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кастрюлькѣ прямо на пароходѣ прїѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку — паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился. Министръ иностранныхъ дѣлъ, фран-

цузскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморилъ, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ, скажешь только курьеркѣ: «на, Маврушка, шинель....» Что жъ я вру — я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоитъ..... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжать, такъ-какъ шмели, только и слышно: ж.... ж... ж... Иной разъ и министръ... (*городничій и прочіе съ робостію встаютъ съ своихъ стульевъ*) Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ, куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало: нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ, а разсмотрѣть — просто, чортъ возьми, видятъ, нечего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры.... можете представить себѣ, тридцать-пять тысячъ однихъ курьеровъ! каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте

департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатъ; хотѣлъ отказаться, но думаю дойдемъ до государя; ну, да и послушной списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, такъ и быть, говорю, я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо остро! ужъ я....» И точно бывало: прохожу черезъ департаментъ — просто землетрясенье — все дрожить, трясется, какъ листъ. (*Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе*). О! я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задамъ острастку. Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ-самомъ-дѣлѣ? я такой! Я не посмотрю ни на кого.... я говорю всѣмъ: я самъ себя знаю, самъ. Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш.... (*поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками*).

ГОРОДНИЧІЙ, *походя и трясясь
встѣмъ тѣломъ, силится выговори-
тить.*

А ва ва ва.... ва.

томъ IV.

ХЛЕСТАКОВЪ, *быстрымъ отрывистымъ голосомъ.*

Что такое?

ГОРОДНИЧІЙ.

А ва ва ва.... ва.

ХЛЕСТАКОВЪ, *такимъ же голосомъ.*

Не разберу ничего, все вздоръ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ва ва ва.... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть.... вотъ и команата и все, что пужно.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Вздоръ: отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа.... я доволенъ, я доволенъ. Отличный лабарданъ! отличный лабарданъ! (*выходитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій.*)

Я В Л Е Н І Е VII.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ХЛЕСТАКОВА И ГОРОДНИЧАГО.

БОБЧИНСКИЙ.

Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человекъ-то. Вонъ оно что значить человекъ. Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

ДОВЧИНСКИЙ.

Я думаю, чуть ли не генераль.

ВОВЧИНСКИЙ.

А я такъ думаю, что генераль-то ему и въ подметки не станетъ! а когда генераль, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ. Пойдемъ, расскажем поскорѣ Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

ДОВЧИНСКИЙ.

Прощайте, кумушка! (оба уходятъ.)

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ, *Лукъ Лукичу.*

Страшно, просто. А отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундиръ. Ну что, какъ проснется, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе. (Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училищъ, произнося): прощайте, сударыня!

Я В Л Е Н І Е VIII.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ахъ какой пріятный!

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ милашка!

АННА АНДРЕЕВНА.

Но только какое тонкое обращеніе! сейчас можно увидѣть столичную штучку. Пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! я, просто, безъ памяти. Я однако-жъ ему очень понравилась: я замѣтила — все на меня поглядываль.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣль!

АННА АНДРЕЕВНА.

Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Нѣтъ, маменька, право.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно. Гдѣ ему смотрѣть на тебя? и съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Право, маменька, все смотрѣль. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда рассказываль, какъ играль въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣль на меня.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, можетъ-быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. «А» говорить себѣ: «дай ужъ посмотрю на нее».

Я В Л Е Н І Е IX.

тѣ же и городничій.

ГОРОДНИЧІЙ, входитъ на цыпочкахъ.

Чш.... ш....

АННА АНДРЕЕВНА.

Что?

ГОРОДНИЧІЙ.

И не радъ, что напоилъ. Ну что, если хоть одна половина изъ того, что онъ говорилъ, правда? (*задумывается*) Да какъ же и не быть правды? Подгулявши, человекъ все несетъ наружу: что на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь, не прилгнувши, не говорится ни какая рѣчь. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздить.... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь.... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ; просто, какъ-будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

АННА АНДРЕЕВНА.

А я, никакой, совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго свѣтскаго, высшаго тона чловѣка; а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, ужъ вы — женщины. Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все: Фантирлюшки! Вдругъ брякнуть ни изъ того, ни изъ другаго словцо. Васъ посякутъ, да и только, а мужа и поминай какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ-будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Объ этомъ я ужъ советую вамъ не беспокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... (посматриваетъ на дочь).

ГОРОДНИЧІЙ, одинъ.

Ну, ужъ съ вами говорить!... Эка въ-самомъ-дѣль оказія! До-сихъ-поръ не могу очнуться отъ страха. (Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь) Мишка! позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. (Послѣ небольшого молчанія) Чудно все завелось теперь на свѣтъ: хотя бы народъ-то

ужь былъ видный, а то худенькій, тоненькій — какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя; а какъ надѣнетъ фракъ — ну точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давеча въ трактиръ, заламливалъ такія аллегоріи и екивоки, что, кажись, вѣкъ бы не добился толку. А вотъ наконецъ и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человекъ молодой.

Я В Л Е Н І Е X.

тѣ же и осипъ. *Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу и киваютъ пальцами.*

АННА АНДРЕЕВНА.

Подойди сюда, любезный?

ГОРОДНИЧІЙ.

Гш!... что? что? спитъ?

ОСИПЪ.

Нѣтъ еще, немножко потягивается.

АННА АНДРЕЕВНА.

Послушай, какъ тебя зовутъ?

ОСИПЪ.

Осипъ, сударыня.

ГОРОДНИЧІЙ, *жестъ и дочери.*

Полно, полно вамъ! (Осипу) Ну что, другъ, тебя накормили хорошо?

ОСИПЪ.

Накормили, покорнѣйше благодарю, хорошо накормили.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну что, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

ОСИПЪ, *въ сторону.*

А что говорить! коли теперь накормили хорошо, значить, послѣ еще лучше накормятъ. *(вслухъ)* Да, бываютъ и графы.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенькой!

АННА АНДРЕЕВНА.

А что, скажи пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

ГОРОДНИЧІЙ.

Да перестаньте пожалуйста! Вы такими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну что, другъ?

АННА АНДРЕЕВНА.

А чинъ какой на твоёмъ баринѣ?

ОСИПЪ.

Чинъ обыкновенно какой.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ахъ, Боже-мой! вы все съ своими глупыми разспросами! не дадите ни слова поговорить о

дѣлъ. Ну что другъ, какъ твой баринъ?... строгъ? любитъ этакъ распекать, или нѣтъ?

ОСИПЪ.

Да, порядокъ любить. Ужъ ему чтобы все было въ исправности.

ГОРОДНИЧІЙ.

А мнѣ очень нравится твое лицо! другъ, ты долженъ быть хорошій человекъ. Ну что...

АННА АНДРЕЕВНА.

Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ въ мундиръ ходитъ....

ГОРОДНИЧІЙ.

Полно вамъ, право, трещотки какія. Здѣсь нужная вещь. Дѣло идетъ о жизни человека.... (къ Осипу) ну что, другъ, право мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогъ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ; оно теперь холодновато. Такъ вотъ тебѣ пара цѣлковыхъ на чай.

ОСИПЪ, принималъ деньги.

А покорнѣйше благодарю, сударь. Дай Богъ вамъ всякаго здоровья; бѣдный человекъ, помогъ ему.

ГОРОДНИЧІЙ.

Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что, другъ....

АННА АНДРЕЕВНА.

Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего правятся твоему барину?....

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Осипъ, душенька! какой миленькій носикъ у твоего барина!

ГОРОДНИЧІЙ.

Да постоите, дайте мнѣ!.... (къ Осипу) А что, другъ, скажи пожалуйста: на что больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то есть что ему въ дорогѣ больше правится?

ОСИПЪ.

Любить онъ, по разсмотрѣнію, что какъ придется. Больше всего любить, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобы было хорошее.

ГОРОДНИЧІЙ.

Хорошее?

ОСИПЪ.

Да, хорошее. Вотъ ужъ на что я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобы и мнѣ было хорошо. Ейбогу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: «что, Осипъ, хорошо тебя угостили?» «Плохо, ваше высокоблагородіе!» «Э, говоритъ, это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты, говоритъ, напомни мнѣ какъ пріѣду.» «А, думаю себѣ, (махнувъ рукою) Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой!»

ГОРОДНИЧІЙ.

Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

ОСИПЪ.

За чѣмъ жалуете, ваше высокоблагородіе? (прятавъ деньги) развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

АННА АНДРЕЕВНА.

Приходи, Осипъ, ко мнѣ, также получишь.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Осипъ, душенька, поцалуй своего барина! (Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова).

ГОРОДНИЧІЙ.

Чш! (поднимается на цыпочки; вся сцена въ полголоса) Боже, васъ, сохрани шумѣть! идите себѣ! полно ужъ вамъ....

АННА АНДРЕЕВНА.

Пойдемъ, Машенька! я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

ГОРОДНИЧІЙ.

О, ужъ тамъ наговорять! я думаю, поди только, да подслушай! и уши потомъ заткнешь: (обращаясь къ Осипу) Ну, другъ....

Я В Л Е Н І Е Х І.

ТѢ ЖЕ, ДЕРЖИМОРДА И СВИСТУНОВЪ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Чш! экіе косолапые медвѣди стучать сапогами! такъ и валится, какъ-будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телеги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

ДЕРЖИМОРДА.

Былъ по приказанію....

ГОРОДНИЧІЙ.

Чш! (закрываетъ ему ротъ.) Экъ какъ каркнула варона! (дразнитъ его) былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ. (къ Осипу) Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ что нужно для барина. Все, что ни есть въ домъ, требуй. (Осипъ уходитъ) А вы, стойте на крыльцѣ и ни съ мѣста! И ни кого не впускать въ домъ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человека, что хочетъ подать на меня просьбу, взашей такъ пря-

мо и толкайте! такъ его! хорошенько! (показываетъ погою) слышите? чш.... чш.... (уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными).

=

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домъ городничаго.

Я В Л Е Н І Е I.

Входятъ осторожно почти на цыпочкахъ: аммосъ Ѳедоровичъ, артемій филипповичъ, почтмейстеръ, лука лукичъ, довчинскій и бобчинскій, въ полномъ парадѣ и мундирахъ.

Вся сцена происходитъ въ полголоса.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ, строитъ оспехъ полукругомъ.

Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ; да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздитъ и государственный совѣтъ распакаетъ! Стройтесь на военную ногу, непременно на военную ногу. Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой сто-

рсны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ.
(Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ).

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Воля ваша, Аммосъ Федоровичъ, намъ нужно
бы кое-что предпринять.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

А что жъ?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Ну, известно что.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Подсунуть?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Ну да, хоть и подсунуть.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Опасно, раскричится: государственный чело-
вѣкъ. Развѣ въ-видѣ приношенія со стороны
дворянства — какой-нибудь памятникъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Или же: вотъ-молъ пришли по почтѣ деньги,
неизвѣстно кому принадлежащія.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отпра-
вилъ куда-нибудь подальше. Слушайте, эти дѣла
не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государ-
ствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ? Пред-

ставиться нужно поодиночкѣ, да между четырехъ глазъ и того.... какъ тамъ слѣдуетъ; да чтобы и уши не слышали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается! Ну, вотъ вы, Аммосъ Оедоровичъ, первые начинайте.

АММОСЪ ОЕДОРОВИЧЪ.

Такъ лучшежъ вы: въ вашемъ заведеніи высокій посятитель вкусилъ хлѣба.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Такъ ужъ Лукъ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Не могу, не могу, господа! Я признаюсь, такъ воспитанъ, что заговорю со мною однимъ чинномъ кто-нибудь повыше; у меня просто и души нѣтъ, и языкъ, какъ въ грязь, завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Да, Аммосъ Оедоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

АММОСЪ ОЕДОРОВИЧЪ.

Что вы! что вы! Цицеронъ! смотрите, что выдумали. Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ, или гончей пшейкѣ...

ВСѢ, пристають къ нему.

Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи.... Нѣтъ, Аммосъ Федоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!... Нѣтъ, Аммосъ Федоровичъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Отвяжитесь, господа! (въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спышатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются вытти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются въ полголоса восклицанія.)

ГОЛОСЪ БОБЧИНСКАГО.

Ой! Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу!

ГОЛОСЪ ЗЕМЛЯНИКИ.

Отпустите, отпустите, господа, хоть душу на покаяніе — совѣтъ прижали.

(Выхватываются нѣсколько восклицаній: ай, ой! наконецъ всѣ вытираются и комната остается пуста.)

Я В Л Е Н І Е II.

ХЛЕСТАКОВЪ, одинъ, выходитъ съ за-
спанными глазами.

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда
томъ IV.

они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже
вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули
чего-то за завтракомъ; въ головѣ до-сихъ-поръ
стучить. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріят-
ностію проводить время. Я люблю радушіе, и
мнѣ, признаюсь, больше правится, если мнѣ
угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то чтобы
изъ интереса. А дочка городничаго очень не
дурна, да и матушка такая, что еще можно бы...
Пѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, правится такая
жизнь.

Я В Л Е Н І Е III.

ХЛЕСТАКОВЪ И СУДЬЯ.

СУДЬЯ, *входя и останавливаясь,
про-себя.*

Боже, Боже! вынеси благополучно; такъ вотъ
коляски и ломаетъ. (*вслухъ, вытиравшись и при-
держивая рукою шпагу*) Имѣю честь предста-
виться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, кол-
лежскій ассессоръ Ляпкинь-Тяпкинь.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

СУДЬЯ.

Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе во волю

дворянства, и продолжалъ должность до сего времени.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А выгодно однакоже быть судьей?

СУДЬЯ.

За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства. (въ сторону) А деньги въ кулакѣ, да кулакѣ-то весь въ огнѣ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А мнѣ правится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени ужъ не такъ.

СУДЬЯ, высовывал понемногу впередъ
сжатый кулакъ.

(Въ-сторону) Господи Боже, не знаю, гдѣ сп-
жу! Точно горячіе угли подъ тобою.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Что это у васъ въ рукѣ?

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, потерпевшій и
роилъ на полъ ассигнацій.

Ничего-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ ничего. Я вижу, деньги упали.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, дрожа встлѣлъ
лозгъ.

Никакъ нѣтъ-съ. (въ-сторону) О Боже! вотъ
ужъ я и подъ судомъ! и тележку подвезли схва-
тить меня!

ХЛЕСТАКОВЪ, *подымая.*

Да, это деньги.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, *въ-сторону.*

Ну, всеконечно, пропалъ! пропалъ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Знаете ли: дайте ихъ мнѣ взаймы.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, *поспѣшно.*

Какъ же-съ, какъ же-съ.... съ большимъ удовольствіемъ. (*въ-сторону*) Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! вывози, Пресвятая Матерь!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я, знаете, въ дорогъ издержался: то да сѣ... впрочемъ я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришло.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Помилуйте, какъ можно! и безъ того это такая честь.... Конечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усердіемъ къ начальству.... постараюсь заслужить.... (*приподымается со стула, вытянувшись и руки по швамъ*) Не смѣю болѣе беспокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанья?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какого приказанья?

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Я разумѣю, не дадите ли какого приказанья здѣшнему уѣздному суду?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ, ничего, покорнѣйше благодарю.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, *раскланивался и уходилъ, въ сторону.*

Ну, городъ нашъ!

ХЛЕСТАКОВЪ, *по уходѣ его.*

Судья хорошій человекъ!

Я В Л Е Н І Е IV.

ХЛЕСТАКОВЪ и ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *входитъ выткнувшись, въ мундиръ, придерживая шагу.*

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А! милости просимъ. Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ точно-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно — ну чтожь? Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Совершенная правда.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ точно-съ. (*въ-сторону*) А онъ однакожь ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А вѣдь однакожь признайтесь: вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ точно-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда ли?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Совершенно справедливо.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня конечно назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. (*глядя въ глаза ему; говоритъ про-себя*) А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. (*въ-слухъ*) Какой стран-

ный со мною случай: въ дорогъ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей займа?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Почему же, почему? за величайшее счастье. Вотъ-съ извольте. Отъ души готовъ служить.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Очень благодаренъ. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогъ, да и къ чему? Не такъ ли?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ точно-съ. (*встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпату.*) Не смѣю болѣе беспокоить своимъ присутствіемъ.... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтового управленія?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, ничего.

(*Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ.*)

ХЛЕСТАКОВЪ, раскуривая сигарку.

Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хороший человекъ. По-крайней-мѣрѣ услужливъ; люблю такихъ людей.

Я В Л Е Н І Е V.

ХЛЕСТАКОВЪ и ЛУКА ЛУКИЧЪ, который почти выталкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: чего робѣешь?

ЛУКА ЛУКИЧЪ, вытягивался не безъ трепета и придерживалъ шагу.

Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, милости просимъ. Садитесь, садитесь. Хотите ли сигарку? (подаетъ ему сигару.)

ЛУКА ЛУКИЧЪ, про-сбл въ перъшин-
мости.

Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Братъ или не братъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно не то, что въ Петербургъ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарки по двадцати пяти рублей сотенка, просто, ручки себѣ потомъ поцалуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закури-те. (Подаетъ ему свѣчу.)

ЛУКА ЛУКИЧЪ, пробуетъ раскурить
и весь дрожитъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да не съ того конца.

ЛУКА ЛУКИЧЪ, *отъ испуга выронилъ
сигару, плюнулъ и махнулъ
рукою про-себя.*

Чортъ поберн все! сгубила проклятая робость!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я признаюсь: это моя слабость. Вотъ еще на счетъ женскаго пола, такъ не могу быть равнодушень. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся, брюнетки или блондинки?

ЛУКА ЛУКИЧЪ, *находится въ совершенномъ недоумѣнн, что сказать.*

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Не смѣю знать.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь. Мнѣ хочется знать непременно вашъ вкусъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Осмѣлюсь доложить.... (въ сторону) И самъ не знаю, что говорю; въ головѣ все пошло кругомъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А! а! не хотите сказать. Вѣрно ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую заглазочку. Признайтесь, сдѣлала?

ЛУКА ЛУКИЧЪ, молчитъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А! а! покрасѣли, видите, видите! Отчего жъ вы не говорите?

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Оробѣлъ, ваше бла.... превос.... сѣят.... (въ сторону) Продалъ проклятый языкъ, продалъ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Оробѣли? А въ моихъ глазахъ точно есть что-то такое, что внушаетъ робость. По-крайней-мѣрѣ я знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Такъ точно-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Вотъ со мной престранный случай: въ доро-

гъ совсѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей займа?

ЛУКА ЛУКИЧЪ, хватаясь за карманъ, про-себя.

Вотъ же штука, если нѣтъ! Есть, есть. (*Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи.*)

ХЛЕСТАКОВЪ.

Покорно благодарю.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Не смѣю долѣ беспокоить присутствіемъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Прощайте.

ЛУКА ЛУКИЧЪ, летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ-сторону.

Ну слава Богу! авось не заглянетъ въ классы.

Я В Л Е Н І Е VI.

ХЛЕСТАКОВЪ и АРТЕМІЙ ФИЛИПPOBИЧЪ, вытнувшись и придерживая шагу.

АРТЕМІЙ ФИЛИПPOBИЧЪ.

Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Земляника.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Здравствуйте, прошу покорно садиться.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во вѣреннѣхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Радъ стараться на службу отечеству.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я признаюсь, это моя слабость: люблю хорошую кухню. Скажите пожалуйста, мнѣ кажется, какъ-будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Очень можетъ быть. *(помолчавъ)* Могу сказать, что не жалю ничего и ревностно исполняю службу. *(придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ въ полголоса)* Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи, посылки задерживаются.... извольте сами парочно розыскать. Судья тоже, который только-что былъ предъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держать со-

бакъ, и поведенія, если признаться прѣдъ вами, конечно, для пользы отечества, я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель, поведенія самаго предосудительнаго: здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ уже и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ.... и нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скажите пожалуйста! а я никакъ этого не думалъ.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Вотъ и смотритель здѣшняго училища. Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность. Онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все-это изложу лучше на бумагѣ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ люблю въ скучное

время прочесть что-нибудь забавное.... Какъ ваша фамилія? все я позабываю.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Земляника.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, да! Земляника. И что жъ, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Какъ же-съ; пятеро; двое уже взрослыхъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скажите, взрослыхъ! а какъ они.... какъ они того?...

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

То есть, не изволите ли вы спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, какъ ихъ зовутъ?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Николай, Иванъ, Елисавета, Марья и Перепетуя.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Это хорошо.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Не смѣя беспокоить своимъ присутствіемъ, от-

нимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности.... (раскланивается съ тѣмъ, чтобы уйти).

ХЛЕСТАКОВЪ, провожал.

Нѣтъ, ничего. Это все очень слышно, что вы говорили. Пожалуйста и въ другое тоже время... Я это очень люблю. (возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему) Ей вы! какъ васъ? я все позабываю, какъ ваше имя и отчество.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Артемій Филипповичъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, сомной странный случай: въ дорогъ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ займы рублей четырехста?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Есть.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скажите, какъ кстатн. Покорнѣйше васъ благодарю.

Я В Л Е Н І Е VII.

ХЛЕСТАКОВЪ, БОБЧИНСКІЙ И ДОБЧИНСКІЙ.

БОБЧИНСКІЙ.

Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

ДОБЧИНСКІЙ.

Помѣщикъ Петръ Ивановъ сынъ, Добчинскій.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А! да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали; что, какъ вашъ пось?

ДОБЧИНСКІЙ.

Слава Богу! не извольте беспокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, что присохъ. Я радъ.... (вдругъ и отрывисто) Денегъ нѣтъ у васъ?

ДОБЧИНСКІЙ.

Денегъ? какъ денегъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Взаймы рублей тысячу.

БОБЧИНСКІЙ.

Такой суммы, ейбогу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

ДОВЧИНСКИЙ.

При мнѣ-съ не имѣется, потому-что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, ну если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

БОВЧИНСКИЙ, шаря въ карманахъ.

У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

ДОВЧИНСКИЙ, смотря въ бумажникъ.

Двадцать-пять рублей всего.

БОВЧИНСКИЙ.

Да вы пощите-то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то вѣрно какъ-нибудь запали.

ДОВЧИНСКИЙ.

Нѣтъ, право и въ прорѣхѣ нѣтъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну все равно. Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ-пять рублей... Это все равно: *(принимаетъ деньги)*.

ДОВЧИНСКИЙ.

Я осмѣливаюсь попросить васъ, относительно одного, очень тонкаго обстоятельства.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что это?

ДОБЧИНСКИЙ.

Дѣло очень тонкаго свойства-съ: старшій-то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака....

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да?

ДОБЧИНСКИЙ.

То есть оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракъ, и все это какъ слѣдуетъ я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ, я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ то есть законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, пусть называется, это можно.

ДОБЧИНСКИЙ.

Я бы и не беспокоилъ васъ, да жаль на счетъ способностей. Мальчишка-то этакой..... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные расскажетъ и, если гдѣ попадетъ пожикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькіе дрожечки такъ ис-

кусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

БОБЧИНСКІЙ.

Да, большія способности имѣть!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, хорошо: я объ этомъ постараюсь, я буду говорить.... я надѣюсь.... все это будетъ сдѣлано, да, да.... (обращаясь къ Бобчинскому) Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

БОБЧИНСКІЙ.

Какъ же, имѣю очень низжайшую просьбу.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что, о чемъ?

БОБЧИНСКІЙ.

Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всемъ тамъ вельможамъ разнымъ: сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Очень хорошо.

БОБЧИНСКІЙ.

Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ-моль, ваше импера-

★

торское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ
Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Очень хорошо.

ДОВЧИНСКІЙ.

Извините, что такъ утрудилъ васъ своимъ
присутствіемъ.

БОБЧИНСКІЙ.

Извините, что такъ утрудилъ васъ своимъ
присутствіемъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ничего! ничего. Мнѣ очень пріятно. (*выпро-
возждаетъ ихъ.*)

Я В Л Е Н І Е VIII.

ХЛЕСТАКОВЪ, одинъ.

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, од-
накожъ, что меня принимаютъ за государствен-
наго челоѡька. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ
пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ
въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописы-
ваетъ статьи. Пусть-ка онъ ихъ общелкаетъ
хорошенько. Ей, Осипъ! подай мнѣ бумаги и
чернилъ! (*Осипъ выглянулъ изъ дверей, произнес-
ши: сейчасъ*). А ужъ Тряпичкину точно, если

это попадетъ на зубокъ, — берегись: отца роднаго не пощадить для словца, и деньгу тоже любить. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали взаймы. Пересмотрю парочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ.... какая замасленная бумажка! Восемьсотъ, девятьсотъ.... Ого! за тысячу перевалило.... Ну-ка теперь, капитанъ? ну-ка попадись-ка ты мнѣ теперь: посмотримъ, кто кого!

Я В Л Е Н І Е IX.

ХЛЕСТАКОВЪ и ОСИПЪ, съ чернилами и бумагою.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ! *(начинаетъ писать.)*

ОСИПЪ.

Да, слава Богу! Только знаете что, Иванъ Александровичъ?

ХЛЕСТАКОВЪ, пишетъ.

А что?

ОСИПЪ.

Уѣзжайте отсюда, Ейбогу уже пора.

ХЛЕСТАКОВЪ, пишетъ.

Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

ОСИПЪ.

Да такъ. Богъ съ ними со всеми! Погуляли здѣсь два денька, ну — и довольно. Что съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ! неровенъ часъ: какой-нибудь другой найдетъ. Ейбогу, Иванъ Александровичъ! а лошади тутъ славныя: такъ бы закатили!...

ХЛЕСТАКОВЪ, пишетъ.

Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

ОСИПЪ.

Да что завтра! Ейбогу поѣдемъ, Иванъ Александровичъ. Оно хоть и большая тутъ честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣ.... Въдъ васъ, право, за кого-то другаго приняли, и батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались.... такъ бы, право, закатили славно! а лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

ХЛЕСТАКОВЪ, пишетъ.

Ну хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй вмѣстѣ и подорожную возьми. Да

зато смотри, чтобы лошади хорошія были. Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдегеря катили! и пѣсни бы пѣли!... *(продолжаетъ писать)* Воображаю, Тряпичкинъ умретъ совсѣмъ...

ОСИПЪ.

Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобъ не прошло понапрасну время.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо. Принеси только свѣчу.

ОСИПЪ, *выходитъ и говоритъ за сценой.*

Эй, послушай, братъ! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не платитъ: прогонъ-молъ, скажи, казенной. Да чтобъ все живѣе, а не то-молъ баринъ сердится. Стой, еще письмо неготово.

ХЛЕСТАКОВЪ, *продолжаетъ писать.*

Любопытно знать: гдѣ онъ теперь живетъ: въ Почтамтской, или Гороховой. Онъ, вѣдь, тоже любить часто переѣзжать съ квартиры и не допла-

чивать. Нашшу наудалую въ Почтамтскую. (свертываетъ и подписываетъ).

ОСИПЪ, приноситъ свѣчу.

(Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды): куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не вѣрно пускать.

ХЛЕСТАКОВЪ, даетъ Осипу письмо.

На, отнеси.

ГОЛОСА КУПЦОВЪ.

Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

ГОЛОСЪ ДЕРЖИМОРДЫ.

Пошолъ, пошолъ! Не принимаетъ, спитъ. (Шумъ увеличивается.)

ХЛЕСТАКОВЪ.

Что тамъ такое, Осипъ? Посмотри, что за шумъ.

ОСИПЪ, глядя въ окно.

Купцы какіе-то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный. Машутъ бумагами, вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

ХЛЕСТАКОВЪ, подходит къ окну.

А что вы, любезные?

ГОЛОСА КУПЦОВЪ.

Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажите, государь, просьбу принять.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Впустите ихъ, впустите! пусть идутъ, Осипъ,
скажи имъ: пусть идутъ. (*Осипъ уходитъ.*)

ХЛЕСТАКОВЪ, *принимаетъ изъ окна
просьбы, развертываетъ одну изъ
нихъ и читаетъ.*

«Его высокоблагородному свѣтлости господи-
ну финансову отъ купца Абдулина....» Чортъ
знаетъ что: и чина такого нѣтъ!

Я В Л Е Н І Е X.

ХЛЕСТАКОВЪ и **КУПЦЫ,** *съ кузовомъ вина и са-
харными головами.*

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что вы, любезные?

КУПЦЫ.

Челомъ бьемъ вашей милости.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что вамъ угодно?

КУПЦЫ.

Не погуби, государь! обижательство терпимъ
совсѣмъ понапрасну.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отъ кого?

ОДИНЪ ИЗЪ КУПЦОВЪ.

Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинить, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватить за бороду, говорить: «ахъ ты татаринъ!» Ейбогу! Еслибы, то есть, чѣмъ-нибудь не уважили его; а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницъ его и дочекъ — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего мало-ей, ей! Придетъ въ лавку и что ни попадетъ, все беретъ: сукна увидитъ штуку, говоритъ: э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мнѣ. Ну и несешь, а въ штукъ-та будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

КУПЦЫ.

Ейбогу! такого никто не запомнить городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянъ беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть,

а онъ цѣлую горсть туда запустить. Имянины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не пуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говорить и на Онуфрія его имянины. Чтò дѣлать? и на Онуфрія несешь.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да это просто разбойникъ!

КУПЦЫ.

Ей-ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если чтò, велить запереть двери: «я тебя не буду» говорить: «подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать — это, говорить, запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селетки!»

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ахъ, какой мошенникъ! Да за это его просто въ Сибирь.

КУПЦЫ.

Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы то есть отъ насъ подальше. Не побрезгай отецъ нашъ хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцемъ и кузовкомъ вина.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совсемъ никакихъ взятокъ. Вотъ, еслибы вы на-

напримѣрь, предложили мнѣ займы рублей триста, ну, тогда совѣмъ другое дѣло: я могу взять.

КУПЦЫ.

Изволь, отецъ нашъ. (*вынимаютъ деньги*). Да что триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Извольте: займы — я ни слова: я возьму.

КУПЦЫ, *подносятъ ему на серебряномъ подносе деньги.*

Ужъ пожалуйста и подносики вмѣстѣ возьмите.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну, и подносики можно.

КУПЦЫ, *кланяясь.*

Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

ХЛЕСТАКОВЪ.

О, нѣтъ: я взятки никакихъ....

ОСИПЪ.

Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите! на дорогъ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ! подавай все! все пойдеть въ прокъ. Чтò тамъ? веревочка? давай и веревочку! и веревочка въ дорогъ пригодится: тележка обломается, или чтò другое — подвязать можно.

КУПЦЫ.

Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство. Если уже вы, то есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ какъ и быть: просто хотъ въ петлю пользай.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Непремѣнно, непремѣнно. Я постараюсь. (*купцы уходятъ; слышенъ голосъ женщины:*) Итъ, ты не смѣешь не допустить меня! на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Кто тамъ? (*подходитъ къ окну*) А, что ты, матушка?

ГОЛОСА ДВУХЪ ЖЕНЩИНЪ.

Милости твоей, отецъ, прошу! повели, государь, выслушать.

ХЛЕСТАКОВЪ, *изъ окна.*

Пропустить ее.

Я В Л Е Н І Е Х I.

ХЛЕСТАКОВЪ, СЛЕСАРША И ХАНТЕРЪ-ОФИЦЕРША.

СЛЕСАРША, *качаясь изъ ноги.*

Милости прошу!

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРША.

Милости прошу....

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да что вы за женщины?

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРША.

Унтеръ-офицерская жена Иванова.

СЛЕСАРША.

Слесарша, здѣшняя мѣщанка: Февронья Петрова Пашлепкина, отецъ мой....

ХЛЕСТАКОВЪ.

Стой, говори прежде одна: что тебѣ нужно?

СЛЕСАРША.

Милости прошу: на городничаго челомъ бую! Пошли ему Богъ всякое зло, чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его, ни въ чемъ никакого прибытку не было.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что?

СЛЕСАРША.

Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! да и по закону нельзя: онъ женатый.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

СЛЕСАРША.

Сдѣлалъ, мошенникъ, сдѣлалъ: побей Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтъ! чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ, если живъ у него, то чтобы и онъ, каналья, околѣлъ, или поперхнулся на вѣки, мошенникъ такой. Слѣдовало взять сына портнаго, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатой подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругъ полотно три штуки: такъ онъ ко мнѣ: на что, говоритъ, тебѣ мужъ, онъ уже тебѣ не годится. Да я-то знаю: годится, или негодится, это мое дѣло, мошенникъ такой. Онъ, говоритъ, воръ: хотъ онъ теперь и не укралъ, да все равно, говоритъ, онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты. Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! чтобы всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта божьяго, и если есть теща, то чтобы и тещѣ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, хорошо. Ну а ты? (*выпроставиваетъ старуху.*)

СЛЕСАРША, уходя.

Не позабудь, отецъ мой! будь милостивъ!

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРША.

На городничаго, батюшка, пришла...

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну да что, зачѣмъ? говори въ короткихъ словахъ.

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРША.

Высѣкъ, батюшка.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ?

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРША.

По ошибкѣ, отецъ мой. Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція не подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отпрапортовали: два дня сидѣть не могла.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Такъ что жъ теперь дѣлать?

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРША.

Да дѣлать-то конечно нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафъ. Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, хорошо! ступайте, ступайте, я распоряжусь. (въ окна высовываются руки съ просьбами) Да кто тамъ еще? (подходитъ къ окну) Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! (отходя) Падешь ли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!

ОСИПЪ, *кричитъ въ окно.*

Пошли, пошли! не время, завтра приходите!
(Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели съ небритою бороною, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ.)

ОСИПЪ.

Пошелъ, пошелъ! чего лѣзешь? (*утирается первому руками въ брюхо и вытирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь.*)

Я В Л Е Н І Е XII.

ХЛЕСТАКОВЪ И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отчего вы такъ испугались, сударыня?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Нѣтъ, я не испугалась.

ХЛЕСТАКОВЪ, *рисуетъ.*

Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который.... Осмѣлюсь ли спросить васъ: куда вы намѣрены были идти?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Право, я нѣкуда не шла.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отчего же, напримѣръ, вы нѣкуда не шли?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я думала, не здѣсь ли маменька....

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы нѣкуда не шли?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами.

ХЛЕСТАКОВЪ, *рисуетъ.*

А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла.... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать; никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принести удовольствіе.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Вы говорите по-столичному.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Для такой прекрасной особы какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Право я не знаю.... мнѣ такъ нужно было идти. (*Съѣла.*)

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какой у васъ прекрасный платочекъ!

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу милейшую шейку.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите; какой-то платочекъ.... сегодня какая страшная погода.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А ваши губки, сударыня, лучше всякой погоды.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Вы все этакое говорите.... Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на-память какіе-нибудь стишки въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Для васъ, сударыня, все что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Какіе-нибудь, этакіе: хорошіе, новые.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да что стихи! я много ихъ знаю.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ну скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да к чему же говорить, я и безъ того ихъ знаю.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я очень люблю ихъ....

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ..... ну и другіе..... теперь не могу припомнить, впрочемъ это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... (*придвигая стулъ.*)

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Любовь! Я не понимаю любовь.... я никогда и не знала, что за любовь... (*отдвигаетъ стулъ.*)

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отчего жъ вы отдвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

МАРЬЯ АНТОНОВНА, *отдвигаясь.*

Для чего жъ близко; все равно и далеко.

ХЛЕСТАКОВЪ, *придвигаясь.*

Отчего жъ далеко; все равно и близко.

МАРЬЯ АНТОНОВНА, *отдвигается.*

Да къ-чему жъ это?

ХЛЕСТАКОВЪ, *придвигаясь.*

Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко, какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, еслибъ могъ прижать васъ въ свои объятія.

МАРЬЯ АНТОНОВНА, *смотритъ въ окно.*

Что это, такъ-какъ-будто бы полетѣло? Сорѣдка, или другая какая птица?

ХЛЕСТАКОВЪ, *цалуетъ ее въ плечо*

и смотритъ въ окно.

Это сорѣдка.

МАРЬЯ АНТОНОВНА, *встаетъ въ негодованіи.*

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!...

ХЛЕСТАКОВЪ, *удерживалъ ее.*

Простите, сударыня: я это сдѣлалъ отъ любви, точно отъ любви.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Вы почитаете меня за такую провинціалку....
(*сильно уйти.*)

ХЛЕСТАКОВЪ, *продолжалъ удерживать ее.*

Изъ любви, право изъ любви. Я такъ только,

пошутилъ, Марья Антоновна, не сердитесь! Я
готовъ на колынкахъ у васъ просить прощенья.
(*Падаетъ на колыни*) Простите же, простите!
Вы видите, я на колыняхъ.

Я В Л Е Н І Е XIII.

ТѢ ЖЕ И АННА АНДРЕЕВНА.

АННА АНДРЕЕВНА, *увидя Хлестакова*
на колыняхъ.

Ахъ, какой пассажъ!

ХЛЕСТАКОВЪ, *оставая.*

А, чортъ возьми!

АННА АНДРЕЕВНА, *дочери.*

Это что значить, сударыня, это что за поступ-
ки такіе?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я, маменька....

АННА АНДРЕЕВНА.

Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь!
и не смѣй показываться на глаза.

(*Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ.*)

Извините, я, признаюсь, приведена въ такое изум-
леніе....

ХЛЕСТАКОВЪ, въ-сторону.

А она тоже аппетитна, очень недурна. (Бросается на колѣна) Сударыня, вы видите, я стараю отъ любви.

АННА АНДРЕЕВНА.

Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ встаньте, встаньте: здѣсь полъ совсѣмъ нечистъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, на колѣняхъ, непременно на колѣняхъ я хочу знать, что такое мнѣ суждено: жизнь или смерть?

АННА АНДРЕЕВНА.

Но позвольте, я еще не понимаю вполне значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію на-счетъ моей дочери.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ; я влюбленъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я не достоинъ земнаго существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

АННА АНДРЕЕВНА.

Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ.... я за-мужемъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

— Это ничего. Для любви нѣтъ различія; и Карамзинъ сказалъ: законы осуждаютъ. Мы удалимся подъ сѣнь струй. Руки вашей, руки прошу.

Я В Л Е Н І Е XIV.

ТѢ ЖЕ И МАРЬЯ АНТОНОВНА, вдругъ вбѣгаетъ.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Маменька, папенька сказали, чтобы вы.....
(увидя Хлестакова на колынахъ, вскрикиваетъ:)
Ахъ, какой пассажъ!

АННА АНТОНОВНА.

Ну что ты? къ-чему? зачѣмъ? Что за вѣтренность такая! Вдругъ вбѣжала какъ угорьлая кошка. Ну что ты нашла такого удивительнаго? Ну что тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, будешь вести себя какъ прилично благовоспитанной дѣвицы; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ!

МАРЬЯ АНТОНОВНА, *сквозь слезы.*

Я право, маминька, не знала....

АННА АНДРЕЕВНА.

У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебѣ глядѣть на нихъ, не должно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе: передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать.

ХЛЕСТАКОВЪ, *схватывая за руку дочь.*

Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

АННА АНДРЕЕВНА, *съ изумленіемъ.*

Такъ вы въ нее?....

ХЛЕСТАКОВЪ.

Рѣшите: жизнь или смерть?

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, вотъ видишь, дура, ну вотъ видишь изъ-за тебя, этакой дрянн, гость изволилъ стоять на колынахъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну вотъ, право, стоитъ, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Не буду, маменька, право впередъ не буду.

Я В Л Е Н І Е ХУ.

ТЪ ЖЕ И ГОРОДНИЧІЙ, *въ-попыхалъ*.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не буду, ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Чтò съ вами?

ГОРОДНИЧІЙ.

Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣряю, и на-половину нѣтъ того, чтò они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша на-лгала вамъ, будто бы я ее высѣкъ; она вретъ, сѣбогу вретъ. Она сама-себя высѣкла.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Провались унтеръ-офицерша, мнѣ не до нея!

ГОРОДНИЧІЙ.

Не вѣрьте, не вѣрьте! это такіе лгуны..... имъ вотъ этакій ребенокъ не повѣрить. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А

насчетъ мошенничества осмѣлюсь доложить:
это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не произ-
водилъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ
Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки на-
шей дочери.

ГОРОДНИЧІЙ.

Куда! куда!.... Рехнулась, матушка! Не из-
вольте гнѣваться, ваше превосходительство, она
немного съ придурыю, такова же была и мать
ея.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, я точно прошу руки. Я влюбленъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не могу вѣрить, ваше превосходительство.

АННА АНДРЕЕВНА.

Да когда говорятъ тебѣ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я не шутя вамъ говорю.... Я могу отъ любви
свихнуть съ ума.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не смѣю вѣрить, не достоинъ такой чести.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, если вы не согласитесь отдать руки, Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ что готовъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какой чурбанъ въ-самомъ-дѣль! Ну, когда тебѣ толкуютъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не могу вѣрить.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отдайте, отдайте — я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отдадутъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ахъ, Боже мой! Я ей-ей не виновать ни душою, ни тѣломъ. Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! у меня, право, въ головѣ теперь.... я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлаюсь, какимъ еще никогда не бывалъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, благословляй!

ХЛЕСТАКОВЪ *подходитъ съ Марьей Антоновной.*

ГОРОДНИЧІЙ.

Да благословить Богъ, а я не виновать.

ХЛЕСТАКОВЪ, *цалуется съ Марьей Антоновной.*

ГОРОДНИЧІЙ, *смотритъ на нихъ.*

Чтò за чортъ! въ-самомъ-дѣлѣ! (*протираетъ глаза*) Да, да, цалуются! точно цалуются. Какъ-будто бы точно женихъ! Эхе! какое счастье привалило. Вотъ тебѣ на!

Я В Л Е Н І Е XVI.

тѣ же и осипъ.

ОСИПЪ.

Лошади готовы.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, хорошо.... я сейчасъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Изволите ѣхать?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, ѣду.

ГОРОДНИЧІЙ.

А когда же, то есть... Вы изволили сами на-мекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?

ХЛЕСТАКОВЪ.

А это у меня вдругъ, я ѣду только на одинъ день къ дядѣ: богатый старикъ; а завтра же и назадъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не смѣемъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте любовь моя.... нѣтъ, просто не могу выразить. Прощайте, душенька! (*цалуетъ ея ручку.*)

ГОРОДНИЧІЙ.

Да не нужно ли вамъ въ дорогу-чего нибудь? вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

О, нѣтъ, къ-чему это? (*Темного подумавъ*) А впрочемъ, пожалуй.

ГОРОДНИЧІЙ.

Сколько угодно вамъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то есть не двѣсти, а четыреста; я не хочу воспользоваться вашею ошибкою—такъ пожалуй и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Сейчасъ! (*вынимаетъ изъ бумажника*) еще какъ нарочно самыми новенькими бумажками.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, да. (*Беретъ и разсматриваетъ ассигнаціи*) Это хорошо! Въдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками.

ГОРОДНИЧІЙ.

Такъ точно-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Прощайте, Антонъ Антоновичъ! Очень обязанъ за ваше гостепріимство; мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго приѣма. Прощайте, Анна Андреевна. Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна.

За сценой.

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна.

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Какъ же это вы? прямо такъ на перекладной и ѣдите?

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Да я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болитъ отъ рессоръ.

ГОЛОСЪ ЯМЩИКА.

Тпр....

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Такъ по-крайней-мѣрь чѣмъ-нибудь застлатъ ;
хотя бы коврикомъ. Не прикажете ли, я велю
подать коврикъ?

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Нѣтъ, зачѣмъ? это пустое; а впрочемъ, пожа-
луй, пусть дають коврикъ.

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Эй, Авдотья! ступай въ кладовую: вынь ко-
веръ самый лучшій, что по голубому полю, пер-
сидскій, скорый!

ГОЛОСЪ ЯМЩИКА.

Тпр....

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Такъ когда же прикажете ожидать васъ?

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Завтра, или послѣзавтра.

ГОЛОСЪ ОСИПА.

А, это коверъ? давай его сюда, клади вотъ
такъ! теперь давай-ко съ этой стороны сѣна.

ГОЛОСЪ ЯМЩИКА.

Тпр....

ГОЛОСЪ ОСИПА.

Вотъ съ этой стороны! сюда! еще! хорошо.
Славно будетъ! (*бьетъ рукою по ковра*) Теперь
садитесь, ваше благородіе!

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Прощайте, ваше превосходительство!

ЖЕНСКІЕ ГОЛОСА.

Прощайте, Иванъ Александровичъ!

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Прощайте, маменька!

ГОЛОСЪ ЯМЩИКА.

Эй, вы, залетныя! (*колокольчикъ звенитъ;
занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната.

Я В Л Е Н І Е I.

ГОРОДНИЧІЙ, АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ
АНТОНОВНА.

ГОРОДНИЧІЙ.

Что, Анна Андреевна? а? думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось: просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ, фу ты, канальство! съ какимъ дьяволомъ породнилась!

АННА АНДРЕЕВНА.

Совсѣмъ пѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ-диковнику, потому-что ты простой человѣкъ; никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

ГОРОДНИЧІЙ.

Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однако жъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна: какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна! высокаго полета, чортъ побори! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы. Эй, кто тамъ? (*входитъ квартирный*) А, это ты, Иванъ Карповичъ; призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, канальевъ! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ. Постойте жъ, голубчики! прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобы знали, что вотъ-дискать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою не то чтобы за какого-нибудь простаго человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ сщс не было, что можетъ

*

все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! ужъ когда торжество, такъ торжество. (*Квартальный уходитъ*) Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питеръ?

АННА АНДРЕЕВНА.

Натурально, въ Петербургъ. Какъ можно здѣсь оставаться?

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну въ Питеръ, такъ въ Питеръ; а оно хорошо бы и здѣсь. Чтò, вѣдь я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

АННА АНДРЕЕВНА.

Натурально, чтò за городничество!

ГОРОДНИЧІЙ.

Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большою чинъ зашибить, потому что онъ за-панібрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ; такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со-временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

АННА АНДРЕЕВНА.

Еще бы! конечно можно.

ГОРОДНИЧІЙ.

А, чертъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

АННА АНДРЕЕВНА.

Ужъ конечно голубую лучше.

ГОРОДНИЧІЙ.

Э? вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому-что, случится, поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ-усъ не дуешь: объѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ: стой городничій! Хе, хе, хе! (*заливается и помираетъ со смѣху*) Вотъ что, канальство, заманчиво!

АННА АНДРЕЕВНА.

Тебѣ все такое грубое правится. Ты долженъ помнить, что жизнь надо будетъ совсѣмъ пере-

мѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣдишь травить зайцевъ, или Земляника, напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе.... только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

ГОРОДНИЧІЙ.

Что жъ? вѣдь слово не вредить.

АННА АНДРЕЕВНА.

Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ, вѣдь, жизнь совершенно другая.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да; тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ему бы все только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти и надо бы только этакъ зажмурить глаза. (*зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ*) Ахъ, какъ хорошо!

Я В Л Е Н І Е II.

тѣ же и купцы.

ГОРОДНИЧІЙ.

А! здорово, соколки!

КУПЦЫ, кланяясь.

Здравія желаемъ, батюшка!

ГОРОДНИЧІЙ.

Что, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе, жаловаться? Что? много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.... Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что....

АННА АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова произносишь!

ГОРОДНИЧІЙ, съ псудовольствіемъ.

А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Чтò? а? чтò теперь скажете? Теперь я васъ!... обманываете народъ. Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилаго сукна, да

потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и дай тебѣ еще награду за это! Да еслибъ знали, такъ бы тебѣ.... и брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь; мы, говоритъ, и дворянамъ не уступимъ. Да, дворянинъ.... ахъ ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и съкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что? начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка «Отче нашъ» не знаешь, а уже обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ! Фу, ты какая невѣдаля! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдаешь въ день, такъ оттого и важничаешь! Да я плевать на твою голову и на твою важность!

КУПЦЫ, кланяясь.

Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

ГОРОДНИЧІЙ.

Жаловаться? а кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда-какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это. Я, показавши это на тебя,

могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. —
Что скажешь? а?

ОДИНЪ ИЗЪ КУНЦОВЪ.

Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ, лукавый попуталь. И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

ГОРОДНИЧІЙ.

Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего? оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

КУНЦЫ, кланяются въ ноги.

Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

ГОРОДНИЧІЙ.

Не погуби! теперь: не погуби! а прежде что? я бы васъ.... (*махнувъ рукой*). Ну, да Богъ простить! полно! Я не памятозлобень; только теперь смотри, держи ухо востро! я выдаю дочку не за какого-нибудь простаго дворянина; чтобъ поздравленіе было... понимаешь? не то, чтобъ отбоириться какимъ-нибудь балычкомъ, или головою сахару... ну, ступай съ Богомъ. (*Кунцы уходятъ.*)

Я В Л Е Н І Е ІІІ.

ТЪ ЖЕ, АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ, ПОТОМЪ РАСТАКОВСКІЙ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, *еще въ дсеряхъ.*

Вѣрять ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастье.

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастьемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ. (*подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*) Анна Андреевна! (*подходя къ ручкѣ Марьи Антоновны*) Марья Антоновна!

РАСТАКОВСКІЙ, *сходитъ.*

Антонъ Антоновича поздравляю, да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучать и правнучать. Анна Андреевна! (*подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*) Марья Антоновна! (*подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны.*)

Я В Л Е Н І Е ІV.

ТЪ ЖЕ, КОРОБКИНЪ СЪ ЖЕНОЮ, ЛЮЛЮКОВЪ.

КОРОБКИНЪ.

Имѣю честь поздравить Антона Антоновича!

Анна Андреевна! (*подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*) Марья Антоновна! (*подходитъ къ ея ручкѣ.*)

ЖЕНА КОРОВКИНА.

Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастьемъ.

ЛЮЛЮКОВЪ.

Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! (*подходитъ къ ручкѣ, и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щолкаетъ языкомъ съ видомъ удалства*) Марья Антоновна! имѣю честь поздравить (*подходитъ къ ея ручкѣ, и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удалствомъ.*)

Я В Л Е Н І Е V.

множество гостей въ стورتукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: «анна андреевна!» потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: «марья антоновна!» бобчинскій и добчинскій проталкиваются.

БОБЧИНСКИЙ.

Имѣю честь поздравить.

ДОБЧИНСКИЙ.

Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

БОБЧИНСКИЙ.

Съ благополучнымъ происшествіемъ!

ДОВЧИНСКИЙ.

Анна Андреевна!

БОБЧИНСКИЙ.

Анна Андреевна! (*оба подходятъ въ одно время и сталкиваются лбами.*)

ДОВЧИНСКИЙ.

Марья Антоновна! (*подходитъ къ ручкѣ*) честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастьи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

БОБЧИНСКИЙ, *перебивая.*

Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакаго маленькаго, вонъ энтакаго-съ (*показываетъ рукою*), чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ: все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

Я В Л Е Н І Е VI.

ЕЩЕ нѣсколько гостей *подходятъ къ руч-*
камъ, Лука Лукичъ съ женою.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Имѣю честь....

ЖЕНА ЛУКИ ЛУКИЧА, *бѣжитъ впередъ.*

Поздравляю васъ, Анна Андреевна! (*цалуются*)
А я такъ право обрадовалась; говорятъ мнѣ: Анна Андреевна выдаетъ дочку. — Ахъ, Боже мой! думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: послушай, Лукаччикъ: вотъ какое счастье Аннѣ Андреевнѣ! ну, думаю себѣ, слава Богу, и говорю ему: я такъ восхищена, что сгараю нетерпѣніемъ изъяснить лично Аннѣ Андреевнѣ.... Ахъ, Боже мой! думаю себѣ: Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла, и такъ право обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: отчего ты, Настенька, рыдаешь? Лукаччикъ, говорю, я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются.

ГОРОДНИЧІЙ.

Покоривъше прошу садиться, господа. Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ; (*Гости садятся*).

Я В Л Е Н І Е VII.

ТЪ ЖЕ, ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ И КВАРТАЛЬНЫЕ.

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Имъю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта.

ГОРОДНИЧІЙ.

Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа! (*гости усаживаются*.)

АММОСТЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Но скажите пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ-образомъ все это началось: постепенный ходъ всего дѣла.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственно лично сдѣлать предложеніе.

АННА АНДРЕЕВНА.

Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ: я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ ва-

шимъ достоинствамъ. И такой прекрасный, воспитанный человекъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ. — Миѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, миѣ жизнь копейка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, маменька! вѣдь это онъ миѣ говорилъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Перестань, ты ничего не знаешь, и не въ свое дѣло немѣшайся! — Я, Анна Андреевна, изумляюсь. — Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... и когда я хотѣла сказать: мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь, онъ вдругъ упалъ на колѣна и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: — Анна Андреевна! не сдѣлайте несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то я смертию окончу жизнь свою.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Право, маменька, онъ обо миѣ это говорилъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Да, конечно.... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

ГОРОДНИЧІЙ.

И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится. — Застрѣлюсь, застрѣлюсь! — говорить.

МНОГІЕ ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Скажите пожалуйста!

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Экая штука!

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Не судьба, батюшка, судьба индѣйка; заслуги привели къ тому. (*Въ-сторону*) Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастье.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Я пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ: мнѣ теперь не до кобельковъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Ну, не хотите, на другой собакъ сойдемся.

ЖЕНА КОРОВКИНА.

Ахъ какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себя представить.

КОРОВКИНЪ.

Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ-то.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

АННА АНДРЕЕВНА.

Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословеніе.

ГОРОДНИЧІЙ.

Испросить благословеніе; но завтра же.... (*чихаетъ; поздравленія сливаются въ одинъ гулъ*)
Много благодаренъ! но завтра же и назадъ... (*чихаетъ; поздравительный гулъ; слышныя другихъ голоса:*)

ЧАСТНАГО ПРИСТАВА.

Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

БОБЧИНСКАГО.

Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

ДОБЧИНСКАГО.

Продли Богъ на сорокъ сороковъ!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Чтобъ ты пропалъ!

ЖЕНА КОРОБКИНА.

Чортъ тебя побери!

ГОРОДНИЧІЙ.

Покорѣйше благодарю! И вамъ того же желаю.

АННА АНДРЕЕВНА.

Мы теперь въ Петербургъ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ.... деревенскій ужъ слишкомъ!... признаюсь, большая непріятность.... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получить генеральскій чинъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

И дай Богъ получить.

РАСТАКОВСКІЙ.

Отъ чловѣка невозможно; а отъ Бога все возможно.

АММОСТЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Большому кораблю — большое плаванье.

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

По заслугамъ и честь.

АММОСТЬ ФЕДОРОВИЧЪ, въ-сторону.

Вотъ выкинетъ штуку, когда въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до-сихъ-поръ еще не генералы.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, въ-сторону.

Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзеть. Чего добраго, можетъ и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. (*обращаясь къ нему*) Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

АММОСЪ ОЕДОРОВИЧЪ.

И если чтò случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ.

КОРОБКИНЪ.

Въ слѣдующемъ году повезу сына въ столицу на пользу государства, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять такими обѣщаніями?

ГОРОДНИЧІЙ.

Почему жъ, душа моя, иногда можно.

*

АННА АНДРЕЕВНА.

Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство.

ЖЕНА КОРОВКИНА.

Вы слышали, какъ она трактуеть насъ?

ГОСТЬЯ.

Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...

Я В Л Е Н І Е VIII.

ТѢ ЖЕ И ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *вспыхавъ и съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.*

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

В С Ъ.

Какъ, не ревизоръ?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Совсѣмъ не ревизоръ; я узналъ это изъ письма.

ГОРОДНИЧІЙ.

Что вы, что вы? изъ какого письма?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ

вижу: въ Почтамтскую улицу. Я такъ и обомлѣлъ. Ну, думаю себѣ, вѣрно нашолъ безпорядки по почтовой части и увѣдомлять начальство. Взялъ, да и распечаталъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ же вы?...

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ-было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эстафетой — но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу, тянеть, такъ вотъ и тянеть. Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: ей не распечатывай, пропадешь, какъ курица; а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: распечатай, распечатай, распечатай! И какъ придавилъ сургучъ — по жиламъ огонь, а распечалъ — морозъ, ейбогу морозъ. И руки дрожать и все помутилось.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный, и не особа!

ГОРОДНИЧІЙ.

Что жъ онъ по-вашему такое?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Ни сѣ ни тѣ; чортъ знаетъ что такое.

ГОРОДНИЧІЙ, запальчиво.

Какъ ни сѣ ни тѣ? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни семъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? я васъ подъ арестъ....

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Кто? вы?

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, я.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Коротки руки.

ГОРОДНИЧІЙ.

Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь, далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

В С ъ.

Читайте, читайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, читаетъ.

«Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ,

какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ-что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ по моей петербургской физіономіи и по костюму весь городъ принялъ меня за генераль-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь направаую за его женой и дочкой; не рѣшаюсь только, съ которой начинать, думаю прежде съ матушки, потому-что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали напромыжку, и какъ одинъ разъ, было, кандидатъ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ англійскаго короля; теперь совсѣмъ другой оборотъ. Всѣ мнѣ даютъ въ-займы сколько угодно. Оригиналы страшные: отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій — глупъ какъ сивый меринъ....»

ГОРОДНИЧІЙ.

Не можетъ-быть! тамъ нѣтъ этого.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *показываетъ письмо.*

Читайте сами.

ГОРОДНИЧІЙ, *читаетъ.*

«Какъ свый меринъ». Не можетъ-быть, вы это сами написали.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Какъ же бы я сталъ писать?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Чптайте!

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Чптайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *продолжалъ читать.*

«Городничій — глупъ, какъ свый меринъ....»

ГОРОДНИЧІЙ.

О чортъ возьми! пужно еще повторять! какъ-будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *продолжалъ читать.*

«Хм... хм... хм... хм... свый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человекъ....» (*оставляя читать*) ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, чптайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Да къ-чему жъ?...

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Чптайте все!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Позвольте, я прочитаю. (*надѣваетъ очки и чи-*

тасть): «Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, также, подлець, пьетъ горькую.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *къ зрителямъ.*

Ну, скверный мальчишка, котораго надо высьць: больше ничего!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, *продолжал читать.*

«Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... н... н... н... (заккается.)

КОРОВКИНЪ.

А что жъ вы остановились?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Да нечеткое перо... впрочемъ видно, что негодяй.

КОРОВКИНЪ.

Дайте мнѣ! вотъ у меня, я думаю, лучше глаза: (беретъ письмо.)

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, *не давая письма.*

Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

КОРОВКИНЪ.

Да позвольте, ужъ я знаю.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Прочитать, я и самъ прочитаю, дайте, право, все разборчиво.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

ВСѢ.

Отдайте, Артемій Филипповичъ! отдайте письмо. (*Коровкину*) Читайте!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Сейчасъ. (*отдаетъ письмо*) Вотъ, позвольте.... (*закрываетъ пальцемъ*) вотъ отсюда читайте. (*Всѣ приступаютъ къ нему.*)

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

КОРОВКИНЪ, читалъ.

«Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ Земленика: совершенная свинья въ ермолкѣ».

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, къ зрителямъ.

И не остроумно! свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

КОРОВКИНЪ, продолжая читать.

«Смотритель училищъ протухнуль насквозь лукомъ».

ЛУКА ЛУКИЧЪ, къ зрителямъ.

Ейбогу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

АММОСЪ БЕДОРОВИЧЪ, въ-сторону.

Слава Богу, хоть по-крайней-мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ.

КОРОВКИНЪ, читаетъ.

«Судья....

АММОСЪ ОБЕДОРОВИЧЪ.

Вотъ тебѣ на! *(вслухъ)* Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ: дрянъ этакую читать.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

НѢТЬ!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

НѢТЬ, чптайте!

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

НѢТЬ, ужъ чптайте!

КОРОВКИНЪ, *продолжаетъ.*

«Судья Ляпкинь-Тяпкинь, въ сильнѣйшей степени моветонъ.....» *(останавливается)* должно быть французское слово.

АММОСЪ ОБЕДОРОВИЧЪ.

А чортъ его знаетъ, что оно значить! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ-быть и того еще хуже.

КОРОВКИНЪ, *продолжалъ читать.*

«А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу: точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкати-

ловку. (переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ) Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургъ, въ Почтамтскую улицу, въ домъ подъ номеромъ девяносто-седьмымъ, поворота на дворъ въ третьемъ этажъ, направо».

ОДНА ИЗЪ ДАМЪ.

Какой репримантъ неожиданный!

ГОРОДИНЧИЙ.

Вотъ когда заръзалъ, такъ заръзалъ! убить, убить, совсѣмъ убить! Ничего не вижу: вижу какія-то свиныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего.... Воротить, воротить его! (машетъ рукою.)

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Куда воротить! я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

ЖЕНА КОРОВКИНА.

Вотъ ужъ точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Однако жъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ, триста рублей взаймы.

АРТЕМИЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

У меня тоже триста рублей.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *вздыхаетъ.*

Охъ! и у меня триста рублей.

ВОБЧИНСКИЙ.

У насъ, съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ-
пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, *въ недоуменный раз-
ставляетъ руки.*

Какъ же это, господа? какъ это въ-самомъ-дѣ-
лѣ мы такъ оплошали?

ГОРОДНИЧІЙ, *бьетъ себя по плечу.*

Какъ я? нѣтъ, какъ я, старый дуракъ! вы-
жилъ, глупый баранъ, изъ ума!... Тридцать
лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни
подрядчикъ не могъ провести: мошенниковъ надъ
мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ
такихъ, что весь свѣтъ готовы обокрасть, поддѣ-
валъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!...
что губернаторовъ! (*махнувъ рукой*) нечего и
говорить про губернаторовъ....

АННА АНДРЕЕВНА.

Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обру-
чился съ Машенькой...

ГОРОДНИЧІЙ, *въ сердцахъ.*

Обручился! купишь съ масломъ — вотъ тебѣ
обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обручень-
емъ!... (*въ изумленіи*) Вотъ смотрите, смотрите,

весь міръ, все христіянство, всё смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака старому подлецу! (*грозитъ самому себѣ кулакомъ*). Эхъ ты толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго чловѣка! Воиъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію—мало того, что пойдешь въ посмѣшнице—найдется щелкопѣръ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! чина, званія не пощадитъ, и будутъ всё скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!.. Эхъ вы!.. (*стучитъ со злости ногами объ-полъ*). Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! у! щелкопѣры, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!.. (*суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ*).

Послѣ нѣкотораго молчанія:

До-сихъ-поръ не могу притти въ себя. Вотъ подлинно если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было. Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго—и вдругъ всё: ревизоръ, ревизоръ! Ну

кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, *разставивъ
руки.*

Ужъ какъ это случилось, хоть убей не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Да кто выпустилъ, вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (*показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго*).

БОВЧИНСКИЙ.

Ей, ей, не я, и не думалъ...

ДОВЧИНСКИЙ.

Я ничего, совсемъ ничего...

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Конечно вы!

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Разумѣется. Прибѣжали какъ сумашедшіе изъ трактира: пріѣхалъ, пріѣхалъ, и денегъ не платить... Нашли важную птицу!

ГОРОДНИЧІЙ.

Натурально, вы! сплетники городскіе, луны проклятые!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

ГОРОДНИЧІЙ.

Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя, сплетни съете, сороки короткохвостыя.

АММОСТЬ БЕДОРОВИЧЪ.

Пачкуны проклятые!

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Колпаки!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Сморчки короткобрюхіе? (всѣ обступаютъ ихъ).

БОБЧИНСКІЙ.

Ейбогу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

ДОБЧИНСКІЙ.

Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

БОБЧИНСКІЙ.

А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ

ТѢ ЖЕ И ЖАНДАРМЪ.

ЖАНДАРМЪ.

Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостинницѣ.

(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи.)

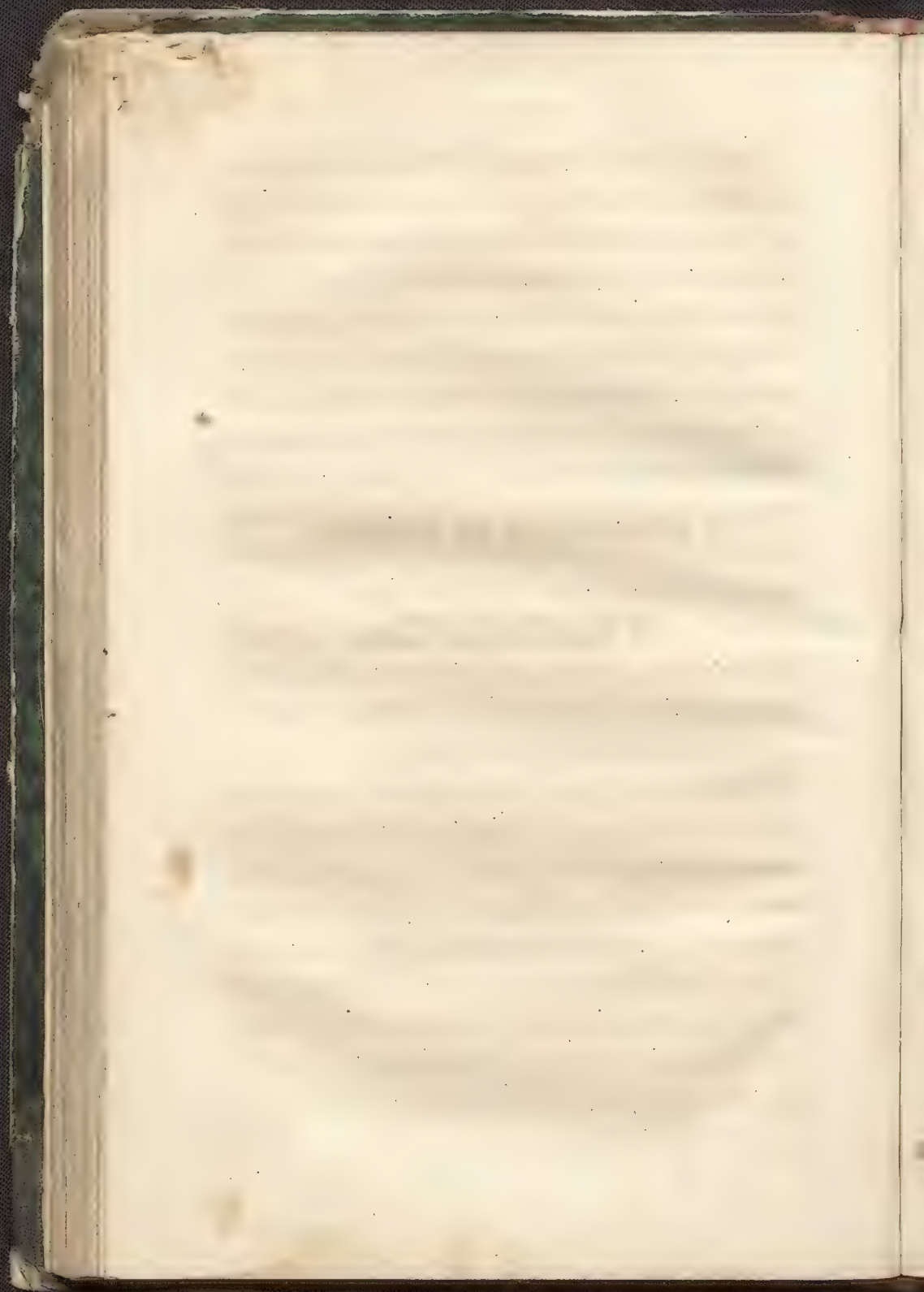
НѢМАЯ СЦЕНА.

Городничій по срединѣ въ видѣ столба съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь съ устремившимся къ нему движеньемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ, за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гости, прислонившіяся одна къ другой съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго: Земляника, наклонившій голову нѣсколько на-бокъ, какъ будто къ

чему-то прислушивающийся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присевшій почти до земли и сдѣлавшій движеніе губами, какъ-бы хотѣлъ посвистать или произнести: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ и пѣкшимъ намекомъ на городничаго; за нимъ, у самаго края сцены, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеніемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочіе гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе. Занавѣсъ опускается.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ КОМЕДІИ

РЕВИЗОРЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА,

ПИСАННАГО АВТОРОМЪ ВСКОРѢ ПОСЛѢ ПЕРВАГО
ПРЕДСТАВЛЕНІЯ РЕВИЗОРА КЪ ОДНОМУ ЛИТЕРА-
ТОРУ.

....Ревизоръ сыгранъ—и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико, и какъ-будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понималъ, чтò такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родъ Альнаскарова, чѣмъ-то въ родъ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ,

которые пожаловали къ намъ повертѣться съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался просто обыкновеннымъ вралемъ,—блѣдное лицо, въ продолженіе двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ-самомъ-дѣлѣ невидно изъ самой роли, что такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни и намека въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говорить. Онъ развернулся, онъ въ духъ, видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ — и потому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говорить отъ-души, говоритъ совершенно откровенно, и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значить просто нести болтовню. Лгать значить говорить ложь тономъ столь близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину; — и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти

увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, еслибы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ, и сказалъ бы ему только, что Хлестаковъ есть человекъ ловкій, совершенный *comme il faut*, умный, и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально; онъ лжетъ съ чувствомъ, въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни—почти родъ вдохновенія. И хоть бы что-нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физіономіи—рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно, несравненно легче каррикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицмундирахъ съ потертыми воротничками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга—дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который повидимому ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хо-

рошо иногда держится, даже говорить иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, чорствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Чтò такое, если разобрать въ-самомъ-дѣлѣ, Хлестаковъ? Молодой человекъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены между прочимъ хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднималъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцемъ, и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многого, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ,

но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадаетъ и въ натуру. Всякій хоть на минутѣ, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только конечно въ кожѣ другаго, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подъ-часъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ-будто бы и не онъ.

Итакъ неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ—просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутногорделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ такихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и лдовито-досадно.

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и приѣмѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, — и этотъ судья я былъ самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожъ не относящимся къ искусству. Какимъ-образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшнаго. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирилъ ревизора городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде; ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ по-крайней-мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, о которомъ уже начинали отзываться равнодушно, и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ

водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На слугу то же надѣялся, потому-что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. За то оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, какъ-нибудь вынесетъ ихъ и не такъ обкаррикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно каррикатура. Уже предъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два чело-вѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично-приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, пре-высокихъ съдыхъ парикахъ, ⁵включенные, не-опрятные, взъерошенные, съ выдернутыми ог-ромными манишками; а на сценѣ оказались до та-кой степени кривляками, что, просто, было не-выносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и каррикатурна. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ

стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали немного, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолеваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ-будто теченіе пьесы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, еслибы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе, довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я однако же не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано, стало-быть, сказалъ я самъ въ себѣ, я плохо выполнилъ эту сцену; и точно, теперь во время представленія я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно, и носитъ признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло немного

сильнѣе, по-крайней-мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ пьесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно вздвигать, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ, — пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи «Ревизора».

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, какъ-будто не кончена. Но я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до-тѣхъ-поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняется ее оцѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты не должны опускаться занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ-называемыя *живыя картины*. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унижительно для актера и пр. и пр. и пр. Много еще другихъ *прочихъ* увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ.

Песмотря на всѣ эти *процис*, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: нѣтъ. Это не свяжетъ ни мало, это не унизительно; пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ-силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Таланта не останавливать указанныя ему границы, какъ не останавливать рѣку гранитные берега; напротивъ, вошедши въ нихъ, она быстрее и полнее движетъ свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна группировка; лицо его свободно выразитъ всякое движеніе. И въ этомъ отношеніи для него бездна разнообразія. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другой, какъ не похожи ихъ характеры и степень боязни и страха, въ слѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій, инымъ образомъ поражена жена и дочь его; особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ и пр. и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившіе себя, и обратившіеся другъ къ

другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолебѣть одинакимъ образомъ; но они далѣ въ картинѣ, которая очеркивается однимъ взмахомъ кисти, и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжитъ свою роль, и несмотря на то, что повидимому покорилъ себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня недостаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданий. Богъ съ ними со всеми! мнѣ опротивѣла моя піеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь, Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса, могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать неслосное, холодное письмо...

1836 г. мая 25.

С. Петербургъ.

ДВѢ СЦЕНЫ, ВЫКЛЮЧЕННЫЯ, КАКЪ ЗА-
МЕДЛЯВШІЯ ТЕЧЕНІЕ ПІЕСЫ.

I.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Но я не знаю, маменька, отчего вамъ кажется,
что у васъ лучше всего глаза...

АННА АНДРЕЕВНА.

Вздоръ тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня,
толкуешь. Когда жила у насъ полковница, ко-
торая ужъ такая была модница, какой я именно
не знаю, выписывала все платье изъ Москвы,
бывало мнѣ нѣсколько разъ повторять: «сдѣлайте
милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ эту тай-

ну: отчего ваши глаза просто говорят...» И всѣ, бывало, въ одинъ голосъ: «съ вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ обстоятельства». А стоявшій въ это время штабъ-ротмистръ Старокопытовъ? Онъ, не помню, проживалъ за ремонтомъ чтò ли? Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ, какъ я не знаю чтò; глаза черные, черные, а воротнички рубашки его—это батистъ такой, какого никогда еще купцы наши не подносили намъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: «клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, но не читывалъ даже такихъ глазъ; я не знаю, чтò со мною дѣлается, когда гляжу на васъ...» На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями съ колосьями и вся обложенная блондочкою, узенькою не больше, какъ въ палецъ—это, просто, было обвороженіе! Такъ говорить бывало: «я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствіе, когда гляжу на васъ, что мое сердце» говорить... Я ужъ не могу теперь припомнить, чтò онъ мнѣ говорилъ. Куда жъ! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непременно застрѣлится; да какъ-то пистолеты куда-то запропасти-
томъ IV.

лись; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свѣтѣ.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я не знаю, маменька, мнѣ однакожъ кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

АННА АНДРЕЕВНА.

Никогда, никогда! Вотъ этого ужъ нельзя сказать. Чтò вздоръ, тò вздоръ.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Нѣтъ, право, маменька; когда вы этакъ говорите, или сидите въ профилѣ, у васъ губы все...

АННА АНДРЕЕВНА.

Пожалуста не толкуй пустяковъ! Такая, право, несносная! Чтобы она какъ-нибудь не поспорила... Боже сохрани! Вотъ, что у матерц ея хорошіе глаза, такъ ужъ ей и завидно. За этими спорами, за вздорами, я заболталась съ тобой. А тутъ того и гляди, что онъ пріѣдетъ, и застанетъ насъ не одѣтыми, Богъ знаетъ какъ. (*Поспѣшно уходитъ; за ней Марья Антоновна*).

II.

ХЛЕСТАКОВЪ И РАСТАКОВСКІЙ, въ скатерининскомъ мундирѣ съ аксельбантомъ.

РАСТАКОВСКІЙ.

Имѣю честь рекомендоваться—житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной секундъ-майоръ Растаковскій.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ

РАСТАКОВСКІЙ, слыш.

А, такъ вы позволите знать Задунайскаго!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какого Задунайскаго?

РАСТАКОВСКІЙ.

Графа Румянцева-Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да... такъ вы служили давно?...

РАСТАКОВСКІЙ.

Находился во время осады подъ Силистріей, въ 773 году. Очень жаркое было дѣло. Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами.

Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-майоръ былъ въ нашемъ полку—не изволите ли вы знать: Гвоздевъ, Петръ Васильевичъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Гвоздевъ? какой это?

РАСТАКОВСКІЙ.

Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по высочайшему повелѣнію покойной императрицы переведенъ, потомъ въ драгуны.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, не знаю.

РАСТАКОВСКІЙ.

Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому-что ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что вышла за мужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

ХЛЕСТАКОВЪ.

За Рогатку? Скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

РАСТАКОВСКІЙ.

Да-съ, Рогатка, Иванъ Васильевичъ. — Такъ турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ и сумятица была та-

кая, какъ въ томъ году, когда французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-майоромъ Фиктель-Кнабе, немецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но генералъ-иншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: ты, говоритъ, не Сихфридъ, а Супъ,—такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ; и съ той поры такъ и осталось ему имя Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ-майоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражемъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я, и еще квартирмейстеръ, если изволите знать—Трепакинъ, Автамомъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать-пять, какъ умеръ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Трепакинъ, нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы попросить у васъ...

РАСТАКОВСКІЙ, не слушая.

Видный мужчина, русый волосъ, золотой аксельбантъ. Ловко танцевалъ польскій. Хлопнетъ, бывало, рукою, и отобьетъ пару у самого полковника, и какъ только дѣвушки... хе, хе, хе... У насъ бывали тогда палатки; и какъ только заглянешь къ нему въ палатку... хе, хе, хе..

тамъ ужъ сидитъ, и наутро деньщикъ выводитъ, какъ-будто драгуна, въ трехугольной шляпѣ... хе, хе, хе... и португезъ виситъ, хе, хе, хе...

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да подобная этой исторія съ моимъ знакомымъ, однимъ чиновникомъ, который очень выгодно служитъ. Сидитъ онъ въ халатъ, закурилъ трубку, вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой тоже пріятель, гвардеецъ, кавалергардскаго полку, и говоритъ... (*Остонавливается и смотритъ между-тѣмъ пристально въ глаза Растаковскому*). Послушайте однако жъ, не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь въ-займы денегъ? Я въ дорогъ истратился.

РАСТАКОВСКИЙ.

Да кто это проситъ денегъ, чиновникъ у гвардейца, или гвардеецъ у чиновника?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ-нибудь не позабыть, такъ лучше теперь.

РАСТАКОВСКИЙ.

Такъ это вамъ нужны деньги! Какъ странно! Я думалъ, что гвардеецъ при анекдотѣ-то попро-

силъ. Какъ въ разговоръ-то иногда случается! Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны приношъ безпокоить преубдительнѣйшею просьбою.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что, о чемъ?

РАСТАКОВСКІЙ.

Долженъ получить прибавочнаго пансіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ, или кому другому.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Извольте, извольте.

РАСТАКОВСКІЙ.

Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А какъ давно вы подавали просьбу?

РАСТАКОВСКІЙ.

Да если сказать правду, не такъ и давно,—въ 1801 году; да вотъ ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ черезъ Сосулькина Ивана Петровича, который вѣшалъ тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человекъ. Такъ статья-можетъ, что просьбу отнесъ-то не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, уже

не много и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало-быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, натурально, теперь рѣшать скоро; а впрочемъ, я то же съ своей стороны... хорошо, хорошо.

ЖЕНИТЬБА,

СОВЕРШЕННО НЕВѢРОЯТНОЕ СОБЫТІЕ ВЪ ДВУХЪ
ДѢЙСТВІЯХЪ.

(ПИСАНО ВЪ 1833 ГОДУ.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

=

АГАФЬЯ ТИХОПОВНА, купеческая дочь, пѣвица.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА, тетка.

ФЕКЛА ИВАНОВНА, сваха.

ПОДКОЛЕСИНЪ, служащій надворный совѣтникъ.

КОЧКАРЕВЪ, другъ его.

ЯПЧИНЦА, экзекуторъ.

АНУЧКИНЪ, отставной пѣхотный офицеръ.

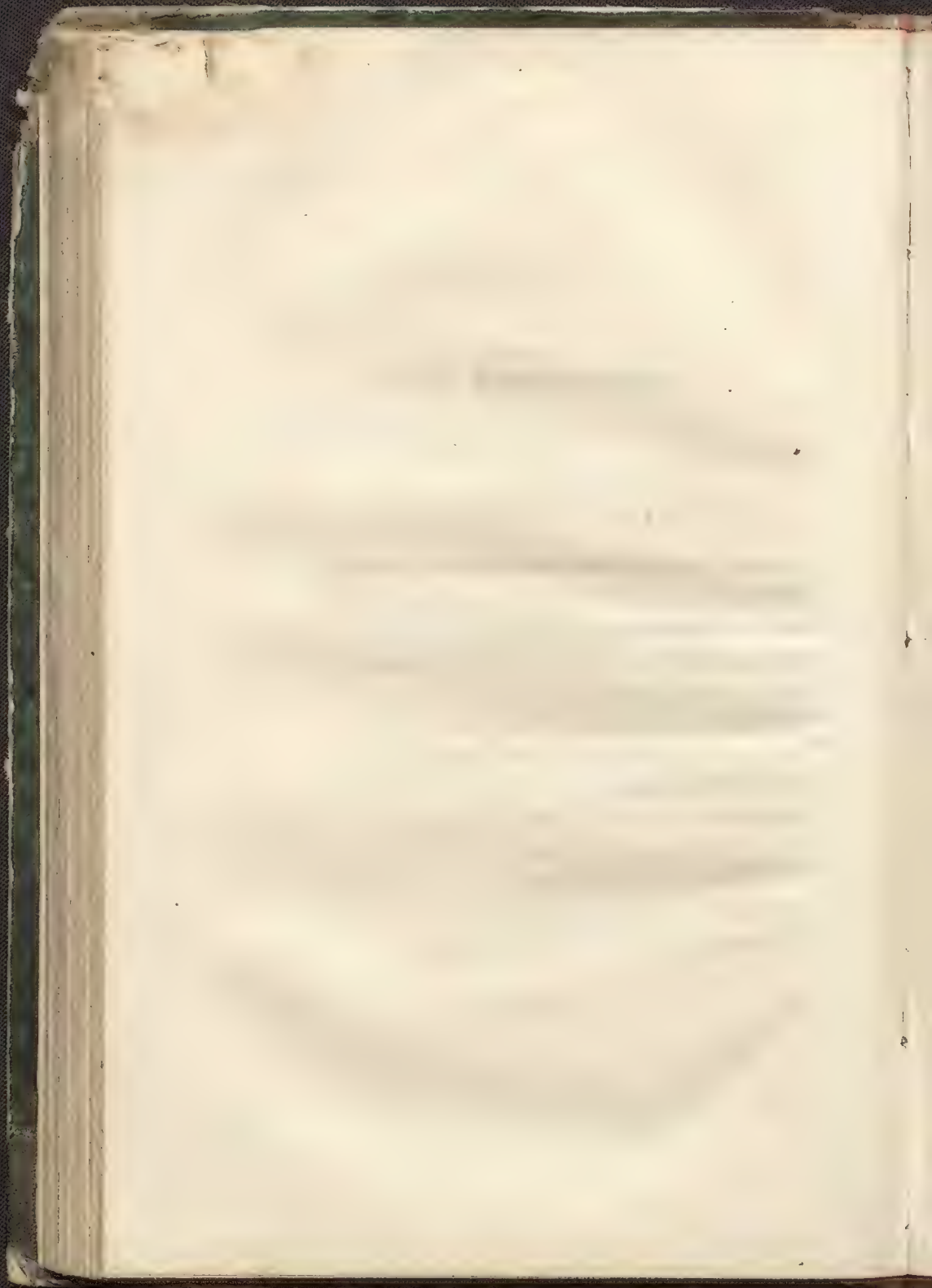
ЖЕВАКИНЪ, морякъ.

ДУНЯШКА, дѣвочка въ домѣ.

СТАРИКОВЪ, гостинподворецъ.

СТЕПАНЪ, слуга Подколесина.

ДВѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Комната холостяка. подколесникъ одинъ лежитъ на диванѣ съ трубкой.)

Вотъ, какъ начнешь этакъ одинъ на-досугъ подумывать, такъ видишь, что наконецъ точно надо жениться. Чтò въ-самомъ-дѣль? Живешь, живешь, да такая наконецъ скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется все готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходить. Право, самому както становится совѣстно. Эй, Степанъ!

Я В Л Е Н І Е II.

ПОДКОЛЕСИНЪ, СТЕПАНЪ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Не приходила сваха?

СТЕПАНЪ.

Никакъ нѣтъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А у портнаго былъ?

СТЕПАНЪ.

Былъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Что жъ онъ, шьетъ фракъ?

СТЕПАНЪ.

Шьетъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

И много уже нашилъ?

СТЕПАНЪ.

Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Что ты говоришь?

СТЕПАНЪ.

Говорю: началъ ужъ петли метать.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А не спрашивалъ онъ, на что-моль пужень ба-
рину фракъ?

СТЕПАНЪ.

Нѣтъ, не спрашивалъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Можетъ-быть, онъ говорилъ, не хочетъ ли баринъ жениться?

СТЕПАНЪ.

Нѣтъ, ничего не говорилъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ты видѣлъ однакожъ у него и другіе фракы? Вѣдь онъ и для другихъ тоже шьетъ?

СТЕПАНЪ.

Да, фраковъ у него много виситъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Однакожъ, вѣдь сукно-то на нихъ будетъ, чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

СТЕПАНЪ.

Да, это будетъ попрігляднѣе, чѣмъ на вашемъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Чѣмъ ты говоришь?

СТЕПАНЪ.

Говорю, это попрігляднѣе, чѣмъ на вашемъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Хорошо. Ну, а не спрашивалъ: для чего-молъ баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

СТЕПАНЪ.

Нѣтъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дискать, жениться?

СТЕПАНЪ.

Нѣтъ, объ этомъ не заговаривалъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ты однакоже сказалъ, какой на мнѣ чинъ, и гдѣ служу?

СТЕПАНЪ.

Сказывалъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Что жъ онъ на это?

СТЕПАНЪ.

Говорить, буду стараться.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Хорошо. Теперь ступай.

(Степанъ уходитъ).

Я В Л Е Н І Е III.

ПОДКОЛЕСИНЪ, одинъ.

Я того мнѣнія, что чорный фракъ какъ-то солиднѣе. Цветные больше идутъ секретарямъ, титулярнымъ и прочей мелюзгѣ. Молокососно что-то. Тѣ, которые чинномъ повыше, должны

больше наблюдать, какъ говорится, этого....
вотъ позабылъ слово; и хорошее слово, да по-
забылъ! Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ се-
бѣ ни переворачивай, а надворный совѣтникъ
тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ
безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

Я В Л Е Н І Е IV.

ПОДКОЛЕСИНЪ, СТЕПАНЪ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А ваксу купилъ?

СТЕПАНЪ.

Купилъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я
тебѣ говорилъ, что на Вознесенскомъ проспектъ?

СТЕПАНЪ.

Да-съ, въ той самой.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Что жъ, хороша вакса?

СТЕПАНЪ.

Хороша.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ты пробовалъ чистить ею сапоги?

СТЕПАНЪ.

Пробовалъ.

ТОМЪ IV.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Что жъ, блеснить?

СТЕПАНЪ.

Блестѣть-то она блеснить хорошо.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А когда онъ отпуская тебѣ ваксу, не спрашивалъ, для чего-молъ барину нужна такая вакса?

СТЕПАНЪ.

Нѣтъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Можетъ-быть, не говорилъ ли: не затѣваетъ ли, дискать, баринъ жениться?

СТЕПАНЪ.

Нѣтъ, ничего не говорилъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну хорошо, ступай себѣ.

Я В Л Е Н І Е V.

ПОДКОЛЕСИНЪ, *однѣ.*

Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь однакоже, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія. Все какъ-то не того. Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпеть, Богъ знаетъ что, только бы не мозоли. Эй, Степань!

Я В Л Е Н І Е VI.

ПОДКОЛЕСИНЪ, СТЕПАНЪ.

СТЕПАНЪ.

Чего изволите?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ты говорилъ сапожнику, чтобъ не было мозолей?

СТЕПАНЪ.

Говорилъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Что жъ онъ говоритъ?

СТЕПАНЪ.

Говоритъ, хорошо,

(Степанъ уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е VII.

ПОДКОЛЕСИНЪ, ПОТОМЪ СТЕПАНЪ.

А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вещь женитьба! Тò, да сѣ, да это. Что бы тò, да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побери, это не такъ легко, какъ говорятъ. Эй, Степанъ! (Степанъ входитъ) Я хотѣлъ тебѣ еще сказать....

СТЕПАНЪ.

Старуха пришла.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А, пришла! зови ее сюда. (Степанъ уходитъ)
Да, это вещь.... вещь.... не того.... трудная
вещь.

Я В Л Е Н І Е VIII.

ПОДКОЛЕСИНЪ И ОЕКЛА.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А, здравствуй, здравствуй, Оекла Ивановна.
Ну что? какъ? Возьми стулъ, садись, да и раз-
сказывай. Ну, такъ какъ же, какъ? какъ-бишь
ее: Меланья!...

ОЕКЛА.

Агафья Тихоновна.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да, да, Агафья Тихоновна. И вѣрно, какая ни-
будь сорокалѣтняя дѣва?

ОЕКЛА.

Ужъ вотъ пить, такъ пить; то есть, какъ жени-
тесъ, такъ каждый день станете похваливать, да
благодарить.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да ты врешь, Оекла Ивановна.

ОЕКЛА.

Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песь вретъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А приданое-то, приданое? Расскажи-ка вновь.

ОБЛА.

А приданое: каменный домъ въ Московской части, о двухъ этажахъ, ужъ такой прибыльный, что, истинно, удовольствіе: одинъ лобазникъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигеря: одинъ хлигеръ совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментъ, каждый рублевъ по четыреста приносить доходу. Огородъ есть еще на Выборгской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый: совсѣмъ не беретъ хмѣльнаго въ ротъ, и трехъ сыновей имѣетъ: двухъ ужъ поженилъ, а третій, говоритъ, еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ, говоритъ, старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговля шла полегче.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да собой-то, какова собой?

ОБЛА.

Какъ рефинать! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ, сладость такая, что и рассказать

нельзя. Ужъ будете вотъ по этимъ поръ довольны; (показывая на горло), то есть и пріятелю и непріятелю скажете: ай да Оекла Ивановна, спасибо!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да, вѣдь она однакожъ, не штабъ-офицерка?

ОЕКЛА.

Купца третьей гильдіи дочь. Да ужъ такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ. Мнѣ, говорить, какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ. Да, такой великаться! А къ воскресному-то, какъ надѣнеть шодковое платье — такъ вотъ те Христось, такъ и шумить. Княгиня просто.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да вѣдь я-то потому тебя спрашивалъ, что я надворный совѣтникъ, такъ мнѣ.... понимаешь?

ОЕКЛА.

Да ужъ обнаковенно, какъ не понимать. Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не понравился. Такой ужъ у него правъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совреть, а такой на взглядъ видный. Что жъ дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ; онъ-то и самъ не радъ, да

ужъ не можетъ, чтобы не прилѣнуть; такая
ужъ на то воля Божія,

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну, а кромѣ этой, другихъ тамъ нѣтъ ника-
кихъ?

ОЕКЛА.

Да какой же тебѣ еще? Ужъ это что ни есть
лучшая.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Будто ужъ самая лучшая?

ОЕКЛА.

Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка
послѣ завтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ
этакъ: я полежу, а ты расскажешь....

ОЕКЛА.

Да, помилуй, отецъ; ужъ вотъ третій мѣсяцъ
хожу къ тебѣ, а проку-то нисколько: все сидитъ
въ халатѣ, да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А ты думаешь, небось, что, женитьба все рав-
но, что: «эй, Степанъ, подай сапоги!» натянулъ
на ноги, да и пошелъ. Нужно поразсудить, пораз-
смотреть.

ОЕКЛА.

Ну, такъ чтожъ? Коли смотреть, такъ и смотри. На то товаръ, чтобы смотреть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо, утреннее время, и потъжай.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выйду, а вдругъ хватить дождемъ.

ОЕКЛА.

А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ съдой волосъ ужъ глядитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидаль, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Что за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебя сказать, что у меня съдой волосъ? Гдѣ жъ съдой волосъ? (*щупаетъ свои волосы.*)

ОЕКЛА.

Какъ не быть съдому волосу, на то живетъ человекъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на-примѣтъ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не по-

дойдешь, а говорить-то, какъ труба, въ алгалантьерствѣ служить.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да врешь, я посмотрю въ зеркало, гдѣ ты выдумала съдой волосъ. Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ, постой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже чѣмъ оспа.

(Уходитъ въ другую комнату.)

Я В Л Е Н І Е IX.

ОЕКЛА И КОЧКАРЕВЪ, вбѣгая.

КОЧКАРЕВЪ.

Что Подколесинъ?... *(увидѣвъ Оеклу)* Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!... Ну послушай, на кой чортъ ты меня женила?

ОЕКЛА.

А что жъ дурнаго? Законъ исполнилъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Законъ исполнилъ! Экъ невидаль жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

ОЕКЛА.

Да вѣдь ты жъ самъ присталъ: жени, бабушка, да и только.

КОЧКАРЕВЪ.

Ахъ ты крыса старая!... Ну, а здѣсь зачѣмъ?
Неужели Подколесинъ хочетъ....

ОБЕКА.

А что жъ? Богъ благодать послалъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Нѣтъ? Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ
этомъ. Каковъ? прошу покорно: изъ-подтишка, а?

Я В Л Е Н І Е X.

тѣ же и подколесинъ съ зеркаломъ въ рукахъ,
въ которое вглядывается очень внимательно.

КОЧКАРЕВЪ, подкрадываясь сзади пу-
гаетъ его.

Пуфъ!

ПОДКОЛЕСИНЪ, вскрикнувъ и роняя
..зеркало.

Сумашедшій! Ну зачѣмъ.... зачѣмъ.... Ну что
за глупости! Перепугалъ, право, такъ, что душа
не на мѣстѣ.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, ничего, пошутилъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Что за шутки вздумалъ. До-сихъ-поръ не могу
очнуться отъ испуга. И зеркало вонъ разбилъ;
вѣдь это вещь не даровая: въ англійскомъ мага-
зинѣ куплено.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, полно : я сыщу тебя другое зеркало.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да, сыщешь; знаю я эти другія зеркала: цѣлымъ десяткомъ кажетъ старѣе, и рожа выходитъ косякомъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Послушай: вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вишь вздумалъ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Вотъ вздоръ, совсѣмъ и не думалъ!

КОЧКАРЕВЪ.

Да вѣдь улыка на лицо. (указываетъ на Оеклу) Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица ужъ. Ну что жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла. (къ Оеклѣ) Ну, говори: какъ, что и прочее — дворянка, чиновница, или въ купечествѣ что ли, и какъ зовутъ?

ОЕКЛА.

Агафья Тихоновна.

КОЧКАРЕВЪ.

Агафья Тихоновна Брандахлыстова?

ОЕКЛА.

Анъ нѣтъ — Купердягина.

КОЧКАРЕВЪ.

Въ Шестилавочной, что-ли, живетъ?

ОЕКЛА.

Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочкой — деревянный домъ?

ОЕКЛА.

И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ же за пивнымъ, — вотъ тутъ-то я не знаю.

ОЕКЛА.

А вотъ какъ поворотнишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка, и какъ будку минешь, свороти налево и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ, гдѣ живетъ швея. Ты къ швеѣ-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный — вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ то есть, она живетъ, Агафья Тихоновна-то, невѣста.

КОЧКАРЕВЪ.

Хорошо, хорошо, теперь я все это обдѣлаю;
а ты ступай — въ тебѣ больше нѣтъ нужды.

ОЕКЛА.

Какъ-такъ! Неужто ты самъ свадьбу хочешь
заправить?

КОЧКАРЕВЪ.

Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшайся только.

ОЕКЛА.

Ахъ безстыдникъ какой! Да вѣдь это не муж-
ское дѣло. Отступитесь, батюшка, право.

КОЧКАРЕВЪ.

Поди! поди. Не смыслить ничего, не мѣшай-
ся. Знай сверчокъ свой шестокъ, — убирайся.

ОЕКЛА.

У людей только, чтобы хлѣбъ отымать, без-
божникъ такой! Въ такую дрянъ вѣшался. Кабы
знала, ничего бы не сказала. (*Уходитъ съ досадой.*)

Я В Л Е Н І Е XI.

ПОДКОЛЕСИНЪ И КОЧКАРЕВЪ.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать, ѣдемъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только, поду-
малъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Пустяки, пустяки! Только не конфузся: я тебя женю такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ еще вдругъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Вотъ еще, сейчасъ бы и ѣхать!

КОЧКАРЕВЪ.

Да зачѣмъ же, помилуй, зачѣмъ дѣло?... Ну разсмотри самъ: ну что изъ того, что ты неженатый? Посмотри на свою комнату: ну что въ ней? Вонъ невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лаханка для умыванья, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ: весь день на боку.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Это правда. Порядку-то у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чижики какой-нибудь въ клеткѣ, рукодѣлье.... и вообрази, ты сидишь на диванѣ — и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка хорошенькая этакая.... и ручкой тебя....

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія въ-самомъ-дѣль бываютъ ручки, просто, братъ, какъ молоко.

КОЧКАРЕВЪ.

Куда тебѣ! Будто у нихъ только что ручки!... У нихъ братъ.... Ну да что и говорить; у нихъ братъ, просто, чортъ знаетъ, чего нѣтъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А вѣдь сказать тебѣ правду: я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только надо распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее — это все ужъ я.... шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя.... Ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непременно. У невесты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ — эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ — чортъ съ нимъ, не правда ли? а? А что же касается до обѣда — у меня, братъ, у меня есть на примѣтъ одинъ офиціантъ: такъ, собака, накормить, что, просто, не встанешь.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ-самомъ-дѣлѣ ужъ и свадьба.

КОЧКАРЕВЪ.

А почемужъ нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Въдѣ ты согласенъ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Я? ну, нѣтъ.... я еще не совсѣмъ согласенъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Вотъ тебѣ на! Да въдѣ ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Я говорю только, что не худо бы.

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ, помилуй! да мы ужъ совсѣмъ было все дѣло.... Да чтò? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Нѣтъ, нравится.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, такъ чтò жъ? За чѣмъ дѣло стало?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только странно....

КОЧКАРЕВЪ.

А что жъ странно?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Какъ же не странно: все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, ну.... ну не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой надо говорить серьезно: я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ напримѣръ такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, что ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало, что ты тамъ видишь? глупое лицо, больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребяташки, вѣдь не то, что двое или трое, а, можетъ-быть, цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдастъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторченки, маленькіе этакіе канальченки, и какой-нибудь пострѣломъ IV.

нокъ, протянувши ручки, будетъ теребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему пособачьи: авъ, авъ, авъ. Ну есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбросаютъ бумагу.

КОЧКАРЕВЪ.

Пусть шалитъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи— вотъ штука!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А оно въ-самомъ-дѣлѣ, даже смѣшно, чортъ побери: этакой какой-нибудь пышка, щенокъ этакой: ужъ на тебя похожъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ не смѣшно, конечно смѣшно. Ну такъ поѣдемъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Пожалуй, поѣдемъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

ПОДКОЛЕСИНЪ, *одъвался, передъ зер-
каломъ.*

Я думаю однакожъ, что нужно, бы въ бѣломъ
жилетъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Пустяки, все равно.

ПОДКОЛЕСИНЪ, *надъвая воротнички.*

Проклятая прачка, такъ скверно накрахмали-
ла воротнички — никакъ не стоятъ. Ты ей ска-
жи, Степанъ, что если она, глупая, такъ
будетъ гладить бѣлье, то я найду другую. Она,
вѣрно, съ любовниками проводить время, а не
гладить.

КОЧКАРЕВЪ.

Да ну, братъ, поскорѣе, какъ ты копаешься.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Сейчасъ, сейчасъ. (*Надъваетъ фракъ и са-
дится*) Послушай, Илья Омичъ, знаешь ли что?
Повзжай-ко ты одинъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ
ѣхать! Да, кто изъ насъ женится, ты или я?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно, и вдругъ не надо! Ну, скажи пожалуйста, не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ этого?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну, что жъ ты бранишься, съ какой стати, что я тебѣ сдѣлалъ?

КОЧКАРЕВЪ.

Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ. Въдь о чемъ стараюсь? О твоей пользѣ: въдь изъ рта выманять кусъ. Лежить, проклятый холостякъ! Ну, скажи пожалуйста, ну, на что ты похожъ? — Ну, ну, дрянь, колпакъ, сказалъ бы такое слово.... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

И ты хорошъ въ-самомъ-дѣлѣ. (Въ полголоса) Въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крепост-

ной человекъ, а онъ при немъ бранится, да еще гадкими словами; не нашелъ другаго мѣста.

КОЧКАРЕВЪ.

Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человекъ, рѣшился жениться, последовалъ благоразумію, и вдругъ — просто съ-дуру, бѣлены объялся, деревянный чурбанъ....

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну, полно, я вѣду — что жъ ты раскричался?

КОЧКАРЕВЪ.

Вѣду! Конечно, что жъ другое дѣлать, какъ не вѣхать. (Степану) Давай ему шляпу и шинель.

ПОДКОЛЕСИНЪ, въ дверяхъ.

Такой, право, странный человекъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбрать вдругъ ни за-что, ни про-что. Не понимаетъ никакого обращенія.

КОЧКАРЕВЪ.

Да, ужъ конечно, теперь не браню (оба уходятъ).

Я В Л Е Н І Е XII.

(Комната въ домѣ Агафьи Тихоновны).

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА раскладываетъ на картахъ,
изъ-за руки глядитъ тетка АРИНА ПАНТЕЛЕЙ-
МОНОВНА.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Опять, тетушка, дорога! Интересуется какой-то бубновый король, слезы, любовное письмо, съ лѣвой стороны трефовый изъясняетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Не знаю.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А я знаю кто.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А кто?

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А хорошій торговецъ, что по суконной линіи, Алексѣй Дмитриевичъ Стариковъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Вотъ ужъ вѣрно не онъ, я хотъ что ставлю, не онъ.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Не спорь, Агафья Тихоновна, волосъ ужъ такой русый. Пѣтъ другаго трефоваго короля.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А вотъ же пѣтъ: трефовый король значить здѣсь дворянинъ, — купцу далеко до трефоваго короля.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Эхъ, Агафья Тихоновна, а вѣдь не то бы ты сказала, какъ бы покойникъ-то Тихонъ, твой батюшка, Пантелеймоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударить всей пятерней по столу, да вскрикнуть: плевать я, говорить, на того, который стыдится быть купцомъ: да не выдамъ же, говорить, дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлають другіе! а и сына, говорить, не отдамъ на службу. Чтò, говорить, развѣ купецъ не служить государю, такъ же какъ и всякій другой? Да всей пятерней-то такъ по столу и хватить. А рука-то въ ведро величиною — такія страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолье.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ну, вотъ чтобы и у меня еще былъ такой злой мужъ! Да ни за что не выйду за купца!

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Да вѣдь Алексѣй-то Дмитріевичъ не такой.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Не хочу, не хочу! У него борода: станеть вѣсть, все потечеть по бородѣ. Пѣтъ, пѣтъ, не хочу!

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Да вѣдь гдѣ же достанешь хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Оекла Ивановна сыщеть; она общалась съ самымъ лучшимъ.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ!

Я В Л Е Н І Е XIII.

ТѢ ЖЕ И ОЕКЛА.

ОЕКЛА.

Ахъ пѣтъ, Арина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ахъ, это Оекла Ивановна! Ну что, говори, рассказывай: есть?

ОЕКЛА.

Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться — такъ ухлопоталася! По твоей комисіи всѣ дѣла исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть-было не прибили, ейбогу: старуха-то, что женила Аферовыхъ, такъ-было приступила ко мнѣ: ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталъ, говорить. — Да что жъ сказала я напрямикъ, я для своей барышни, не прогибайся, все готова удовлетворить. За то ужъ какихъ жениховъ тебѣ припасла! То есть и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же нѣые и придутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Какъ же сегодня? Душа моя, Оекла Ивановна, я боюсь.

ОЕКЛА.

И, не пугайся, мать моя! дѣло житейское. Придутъ, посмотрятъ, больше ничего. И ты посмотришь ихъ: не понравятся — ну, и уйдутъ.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Ну ужь, чай, хорошихъ приманила!

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А сколько ихъ? много?

ОЕКЛА.

Да человекъ шесть есть.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, *вскрикивая*.

Ухъ!

ОЕКЛА.

Ну, что жъ ты, мать моя, такъ вспорхнулась!
Лучше выбрать: одинъ не придется, другой
придется.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Что жъ они, дворяне?

ОЕКЛА.

Всѣ, какъ на-подборъ; ужъ такіе дворяне, что
еще и не было такихъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ну какіе же, какіе?

ОЕКЛА.

А славные, всѣ такіе хорошіе, акуратные.
Первый Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ, та-
кой славный, во флотъ служилъ — какъ-разъ
по тебѣ придется. Говорить, что ему пужно

чтобы невеста была въ-тѣль, а поджаристыхъ совсѣмъ не любить. А Иванъ-то Павловичъ, что служить езекухторомъ, такой важный, что и присту-пу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричить на меня: «Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невеста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?» — «Столько-то и столько-то, отецъ мой!» — «Ты врешь, собачья дочь!» Да еще, мать моя, вклеилъ такое слово, что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ вмигъ и спознала: о, да это долженъ быть важный господинъ!

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ну, а еще кто?

ОБЕЛА.

А еще Никаноръ Ивановичъ Анучкинъ. Это ужъ такой великатынъ, а губы, мать моя, — малина, совсѣмъ малина — такой славный. «Мнѣ, говорить, нужно, чтобы невеста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по-французскому умѣла говорить». Да, тонкаго поведенья человекъ, итѣмеккая штука; а самъ-то такой subtilный, и ножки узенькія, тоненькія.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Нѣтъ, мнѣ эти субтильные какъ-то не того... не знаю.. я ничего не вижу въ нихъ.

ОЕКЛА.

А коли хочешь поплотнѣе, такъ возьми Ивана Павловича. Ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, неча сказать, баринъ, такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ — такой славный.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А сколько лѣтъ ему?

ОЕКЛА.

А человекъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А фамилія какъ?

ОЕКЛА.

А фамилія: Иванъ Павловичъ Яичница.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Это такая фамилія?

ОЕКЛА.

Фамилія!

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ахъ Боже мой, какая фамилія! Послушай, Оеклушка, какъ же это, если я выйду за него за-

мужъ и вдругъ буду называться Агафья Тихоновна Яичница. Богъ знаетъ что такое.

ОЕКЛА.

И, мать моя! да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь, да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не правится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жеваккина — славный жецнихъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А какіе у него волосы?

ОЕКЛА.

Хорошіе волосы.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А носъ?

ОЕКЛА.

Э... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ никакой, мебели.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А еще кто?

ОЕКЛА.

Акинфъ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко запкается, только зато ужъ такой скромный.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Ну, что ты все: чиновникъ, чиновникъ, а не любить ли онъ выпить вотъ-молъ что, скажи.

ОЕКЛА.

А пьеть, не прекословлю, пьеть. Что жъ дѣлать, ужъ онъ титулярный совѣтникъ, зато такой тихій, какъ шолкъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ну пьтъ, я не хочу, чтобы мужъ у меня былъ пьяница.

ОЕКЛА.

Твоя воля, мать моя! не хочешь одного, возьми другаго. Впрочемъ, что жъ такова, что иной разъ выпьетъ лишнее, вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ; иной день выберется и трезвый.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ну, а еще кто?

ОЕКЛА.

Да есть еще одинъ, да тотъ только такой.... Богъ съ нимъ! Эти будутъ почище.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ну да кто же онъ?

ОБЛА.

А, не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ-то пожалуй андворный совѣтникъ и петлицу носить, да ужъ на-подъемъ куда тяжелъ, не выманишь изъ дому.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть.

ОБЛА.

Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ поразобрало; а вѣдь давеча было испугалась.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Да что въ нихъ, въ дворянахъ-то твоихъ; хоть ихъ у тебя и шестеро, а право купецъ одинъ станеть за всѣхъ.

ОБЛА.

А нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, дворянинъ будетъ почтенный.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Да что въ почтенны-то. А вотъ Алексѣй Дмитріевичъ, да въ собольей шапкѣ, въ санкахъ-то какъ прокатится.

ОБЛА.

А дворянинъ-то съ аполетой пройдетъ на-

встрѣчу, скажетъ: «что ты купчишка, свороти съ дороги» или: «покажи, купчишка, бархату самого лучшаго»; а купецъ: «извольте, батюшка!»— «А сними-ка невѣжа шляпу!» вотъ что скажетъ дворянинъ.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ-то и голинькой, и не въ чемъ ходить дворянину.

ОЕКЛА.

А дворянинъ зарубить купца.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

ОЕКЛА.

А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенатору.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А купецъ къ губернатору.

ОЕКЛА.

А дворянинъ....

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Врешь, врешь, дворянинъ!.. Губернаторъ больше сенатора! Разносило съ дворяниномъ! А дворянинъ, при случаѣ, такъ же гнетъ шапку... (въ дверяхъ слышенъ звонокъ). Никакъ звонитъ кто-то.

ОБЛА.

Ахти, это они!

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Кто они?

ОБЛА.

Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, *вскрикиваетъ.*

Ухъ!

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Святые, помилуйте насъ грѣшныхъ! Въ комнатѣ совсѣмъ не прибрано. (*Схватываетъ все, что на столѣ, и бѣгаетъ по комнатѣ*). Да салфетка-то, салфетка на столѣ совсѣмъ чорная. Дуняшка, Дуняшка! (*Дуняшка является*) скорѣе чистую салфетку. (*Стаскиваетъ салфетку и мечется по комнатѣ.*)

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ахъ, тетушка! какъ мнѣ быть? я чуть не въ рубашкѣ.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Ахъ, мать моя! бѣги скорѣй одѣваться. (*Мечется по комнатѣ; Дуняшка приноситъ салфетку; въ дверяхъ звонятъ*). Ступай, бѣги, скажи сейчасъ (*Дуняшка кричитъ издалека: сейчасъ.*)

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Тетушка! да въдь платье не выглажено!

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Ахъ, Господи милосердый, не погуби! Надѣнь другое.

ОЕКЛА, сбѣгал.

Что жъ вы глядите? Агафья Тихоновна, поскорѣй, мать моя. (*Слышенъ звонокъ*). Ахти! а въдь онъ все дожидается.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Дуняшка, введи его и проси обождать. (*Дуняшка бѣжитъ въ стѣны и отворяетъ дверь. Слышны голоса: дома?—Дома, пожалуйста въ комнату. Всѣ съ любопытствомъ стараются разсмотрѣть въ замочную скважину*).

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА вскрикиваетъ.

Ахъ, какой толстый!

ОЕКЛА.

Идетъ, идетъ! (*Всѣ бѣгутъ опростеть*).

Я В Л Е Н І Е XIV.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ ЯИЧНИЦА И ДУНЯШКА.

ДУНЯШКА.

Погодите здѣсь. (*Уходитъ*).

ЯИЧНИЦА.

Пожалуй, пождать пождемъ, какъ бы только не

замѣшкаться; отлучился, вѣдь, только на-минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генераль: «а гдѣ экзекуторъ?» Невѣсту пошолъ выглядывать. Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты... А однако жъ разсмотрѣть еще разъ респись. (*Читаетъ*). «Каменный двухъэтажный домъ» (*подымаетъ глаза вверху и осматриваетъ комнату*) есть! (*продолжаетъ читать*) «флигеля два: флигель на каменномъ фундаментъ, флигель деревянный...» Ну, деревянный плоховать. «Дрожки, сани парныя съ рѣзбой подъ большой коверъ и подъ малый». Можетъ-быть такія, что въ домъ годятся. Старуха однакожъ увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. «Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ...» Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. «Двѣ лисьи шубы...» Гм. «Четыре большихъ пуховика и два малыхъ» (*значительно сжимаетъ губы*). «Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцеваго платья, два ночныхъ капота, два...» Ну, это статья пустая! «Бѣлье, салфетки...» Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь пожалуй общаются и домъ и экипажи, а какъ женишься—только и найдешь что пуховики, да перины. (*Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣ-*

жить въ-попыхахъ черезъ комнату отворять дверь. Слышны голоса: Дома?—Дома).

Я В Л Е Н І Е XV.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ И АНУЧКИНЪ.

ДУНЯШКА.

Погодите тутъ. Они выйдутъ. (*Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей*).

ЯИЧНИЦА.

Мое почтеніе.

АНУЧКИНЪ.

Не съ папенькой ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

ЯИЧНИЦА.

Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей.

АНУЧКИНЪ.

Ахъ, извините, извините!

ЯИЧНИЦА, въ-сторону.

Физіономія этого челоѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть ли онъ не за тѣмъ же сюда пришолъ, за чѣмъ и я. (*Вслухъ*). Вы, вѣрно, имѣете какую-нибудь надобность къ хозяйкѣ дома?

АНУЧКИНЪ.

Нѣтъ, что жъ... надобности никакой нѣтъ, а такъ зашолъ, съ прогулки.

ЯЧНИЦА, въ-сторону.

Вретъ, вретъ, съ прогулки! жениться, подлець хочетъ! (*Слышенъ звонокъ. Дулишка бѣжитъ черезъ комнату отворять двери. Въ стѣнахъ голоса: Дома? — Дома).*

Я В Л Е Н І Е XVI.

ТЪ ЖЕ И ЖЕВАКИНЪ, ВЪ СОПРОВОЖДЕНІИ
ДѢВЧОНКИ.

ЖЕВАКИНЪ, Дулишка.

Пожалуста, душенька, почисть меня... Пыли-то, знаешь, на улицѣ попристало не мало. Вонъ тамъ пожалуста сними паутину. (*Поварачивается*). Такъ! спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри: тамъ какъ-будто паучокъ лазить; а на подборахъ-то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родная! Вонъ тутъ еще, кажется. (*Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича*) суконцо-то вѣдь аглицкое! въ 95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801 при Павлѣ Петровичѣ я былъ сдѣланъ лейтенантомъ, сукно было совсѣмъ повешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного понстерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только переверотилъ: ужъ де-

сать лѣтъ ношу, до-сихъ-поръ почти-что новый. Благодарю, душенька, м...., раскрасоточка. (*Двѣ-
лаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка
взъерошиваетъ волосы*).

АНУЧКИНЪ.

А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы
изволили сказать — Сицилія, хорошая это земля,
Сицилія?

ЖЕВАКИНЪ.

А, прекрасная. Мы тридцать-четыре дня тамъ
пробыли: видъ, я вамъ доложу, восхитительный.
Этакія горы, этакъ деревцо какое-нибудь гранит-
ное, и вездѣ италіяночки, такіе розанчики, такъ
вотъ и хочется поцаловать.

АНУЧКИНЪ.

И хорошо образованы?

ЖЕВАКИНЪ.

Превосходнымъ образомъ! такъ образованы,
какъ вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало
пойдешь по улицѣ—ну, русскій лейтенантъ, на-
турально здѣсь эполеты, (*показываетъ на плеча*)
золотое шитье и этакъ красоточки черномазень-
кія—у нихъ вѣдь возлѣ каждого дома балкончики
и крыши вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно
плоски—бывало, этакъ смотришь, и сидитъ эта-
кой розанчикъ.... Ну, натурально, чтобы не уда-

рить лицомъ въ грязь.... (кланяется и размазываетъ рукою) и она этакъ только (дѣлаетъ рукою движеніе). Натурально, одѣта: здѣсь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя сережки.... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ....

АНУЧКИНЪ.

А какъ, позвольте еще вамъ сдѣлать вопросъ, на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

ЖЕВАКИНЪ.

А натурально, всѣ на французскомъ.

АНУЧКИНЪ.

И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по-французски?

ЖЕВАКИНЪ.

Всѣ-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ-быть, не повѣрите тому, что я вамъ доложу: мы жили тридцать-четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слыхалъ отъ нихъ по-русски.

АНУЧКИНЪ.

Ни одного слова?

ЖЕВАКИНЪ.

Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго про-

стаго мужика, который перетаскивает на шею всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: дай, братецъ, хлѣба,—не пойметъ, ейбогу не пойметъ, а скажи по-французски: *dateci del pane* или *portate vino*,—пойметъ, и побѣжитъ, и точно принесетъ.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

А любопытная однакожь, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія; вотъ вы сказали мужикъ: что мужикъ? какъ онъ? такъ ли совершенно, какъ и русскій мужикъ—широкъ въ плечахъ и землю пашетъ, или нѣтъ?

ЖЕВАКИНЪ.

Не могу вамъ сказать, не замѣтилъ, пахнутъ или нѣтъ; а вотъ на счетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода и вездѣ гондолы.... Натурально сидитъ эдакая италіяночка, такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ.... Съ нами были и англійскіе офицеры; ну, народъ такъ же какъ и наши: моряки.... и сначала очень было странно: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обзнакомились, начали свободно понимать: покажешь бывало этакъ на бутылку или стаканъ—ну, тотчасъ и знаетъ, что это зна-

читъ выпить; приставишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ—знаетъ: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій; наши матросы въ три дня какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

А пренинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ человекомъ бывалымъ. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

ЖЕВАКИНЪ.

Жевакинъ-съ, лейтенантъ въ отставку. Позвольте съ своей стороны тоже спросить, съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъясниться?

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Въ должности эскутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

ЖЕВАКИНЪ, не дослышавъ.

Да, я тоже перекусилъ. Дороги-то, знаю, впереди будетъ довольно; а время холодновато: се-ледочку съѣлъ съ хлѣбцомъ.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя: Яичница.

ЖЕВАКИНЪ, кланяясь.

Ахъ, извините, я немножко туповатъ на ухо.

Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Да, что дѣлать! Я хотѣлъ-было уже просить генерала, чтобы позволилъ назваться мнѣ Яичницей, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на «собачій сынъ».

ЖЕВАКИНЪ.

А это однакожъ бываетъ. У насъ вся наша эскадра, все офицеры и матросы, все были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣвъ лейтенантъ; а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало: ты, Дырка, поди сюда! и бывало, надъ нимъ всегда пошутить: эхъ ты дырка! эдакой, говоришь. (*Слышенъ въ стѣнахъ звонокъ; Оекла бѣжитъ черезъ комнату отворять*).

ЯИЧНИЦА.

А, здравствуй, матушка!

ЖЕВАКИНЪ.

Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

АНУЧКИНЪ.

Здравствуй, матушка, Оекла Ивановна!

ОЕКЛА, бѣжитъ въ-попыхахъ.

Спасибо, отцы мои, здорово, здорово! (*Отво-*

рлетъ дверь; въ сплѣхъ раздаются голоса: Дома? Дома. Потомъ нѣсколько [почти несмысленныхъ] словъ, на которыя Оекла отвѣчаетъ съ досадою: смотри ты какой!)

Я В Л Е Н І Е XVII.

ТѢ ЖЕ, КОЧКАРЕВЪ, ПОДКОЛЕСНИЦЪ И ОЕКЛА.

КОЧКАРЕВЪ, *Подколеснику.*

Ты помни только куражъ и больше ничего. (Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ, — про-себя) Фу ты какая куча народу! Это чтò значитъ? Ужъ не женихи ли? (Толкаетъ Оеклу и говоритъ ей тихо.) Съ которыхъ сторонъ понабрама воронъ — а?

ОЕКЛА, *съ-полю-госа.*

Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, все честные люди.

КОЧКАРЕВЪ, *ей.*

Гости-то нечитанные, кажется, общипанные.

ОЕКЛА.

Гляди палетъ на свой полетъ, а и похвастаться нечѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Не бось, твои разживные, по дыръ въ карманъ. (Всучхъ). Да чтò она дѣлаетъ теперь? вѣдь это

дверь, втрю, къ ней въ спальню. (*Подходитъ къ двери*).

ОКЛА.

Безстыдникъ! говорятъ тебѣ, еще одѣвается.

КОЧКАРЕВЪ.

Эка бѣда! Что жъ тутъ такого? вѣдь только посмотрю и больше ничего. (*Смотритъ въ замочную скважину*).

ЖЕВАКИНЪ.

А позвольте мнѣ полюбопытствовать тоже.

ЯИЧНИЦА.

Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

КОЧКАРЕВЪ, продолжалъ смотрѣть.

Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что такое бѣлѣтъ, женщина или подушка. (*Всѣ однакожъ обступили дверь и продираются взглянуть*).

КОЧКАРЕВЪ.

Что... кто-то идетъ. (*Всѣ отскакиваютъ прочь*).

Я В Л Е Н І Е XVIII.

ТѢ ЖЕ, АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА И АГАФЬЯ ТИХОНОВНА. (*Всѣ раскланиваются*).

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

ЯЧНИЦА.

А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды на-счетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора при казенномъ мѣстѣ, я пришолъ узнать, какого рода лѣсъ, въ какомъ количествѣ и къ какому времени можете его поставить.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Хоть подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

ЯЧНИЦА.

Коллежскій ассессоръ Иванъ Павловичъ Ячница.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Прошу покорнѣйше садиться. (*Обращается къ Жевакину и смотритъ на него*). А позвольте узнать...

ЖЕВАКИНЪ.

Я тоже, вы знаете, вижу объявленіе о чемъ-то. Дай-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показалась хорошею, по дорогѣ травка...

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А какъ-съ по фамиліи?

ЖЕВАКИНЪ.

А лейтенантъ морской службы въ отставкѣ, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у

насъ еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде меня вышелъ въ отставку: былъ раненъ, матушка, подъ колышкомъ, и пуля такъ странно прошла, что колынка-то самого не тронула, а по жилъ прохватила — какъ иглой сшило, такъ-что, бывало, когда стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колышкомъ сзади ударить.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А прошу покорнѣйше садиться. (*обращаясь къ Анучкину*). А позвольте узнать, по какой причинѣ?

АНУЧКИНЪ.

По сосѣдству-съ. Находясь довольно въ близкомъ сосѣдствѣ...

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Не въ домъ ли купеческой жены Тулубовой, что насупротивъ, изволите жить?

АНУЧКИНЪ.

Нѣтъ, я покаместъ живу еще на Пескахъ; по имѣю однако же намѣреніе современемъ переехать сюда-съ въ сосѣдство, въ эту часть города.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А прошу покорнѣйше садиться. (*Обращаясь къ Кочкареву*). А позвольте узнать....

КОЧКАРЕВЪ.

Да не ужели вы меня не узнаете? (*Обращаясь къ Агафьѣ Тихоновнѣ*). И вы также, сударыня?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Сколько мнѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Однако жъ припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видели.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Право не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкиныхъ ли?

КОЧКАРЕВЪ.

Именно, у Бирюшкиныхъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ахъ, вы не знаете: съ ней вѣдь исторія случилась.

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ же—вышла замужъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОВНА.

И сильно переломила. Возвращалась довольно поздно домой на дрожкахъ, а кучеръ-то былъ пьянъ, и вывалилъ съ дрожекъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Да то-то, я помню, что-то было: или вышла за-мужъ, или переломила ногу.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А какъ по фамиліи?

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ же, Илья Оомиичъ Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говоритъ о томъ.... Позвольте, позвольте (*береть за руку Подколесина и подводитъ его*). Пріятель мой, Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, надворный совѣтникъ, служить экспедиторомъ, одинъ всѣ дѣла дѣлаеть, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

А какъ по фамиліи?

КОЧКАРЕВЪ.

Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, Подколесинъ. Директоръ, такъ, только для чина поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаеть. Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Такъ-съ. Прошу покорнѣйше садиться.

Я В Л Е П І Е XIX.

ТЪ ЖЕ И СТАРИКОВЪ.

СТАРИКОВЪ, кланяясь живо и скоро,
по-купечески и слегка берясь въ бока.

Здравствуйте, матушка Арина Пантелеймонов-

на. Ребята на гостиномъ дворѣ сказывали, что продали шерсть, матушка?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, отворачиваясь съ
пренебреженіемъ, въ-полголоса,
но такъ, что онъ слышитъ.

Здѣсь не купеческая лавка.

СТАРИКОВЪ.

Вона! Аль не впопадъ пришли? аль безъ насъ дѣло сварили?

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Прошу, прошу, Алексѣй Дмитріевичъ; хоть шерсти не продаемъ, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(Всѣ устылись. Молчаніе).

ЯЧНИЦА.

Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь какъ-будто и прошло.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да-съ, ужъ эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая непріятность.

ЖЕВАННЪ.

Вотъ въ Сициліи, матушка, мы были съ эскадрой въ весеннее время, если пригонять, такъ выйдемъ и въ
томъ и въ.

детъ къ нашему февралю; выйдешь, бывало, изъ дому: день солнечный, а потомъ этакъ дождикъ, и смотришь, точно какъ-будто дождикъ.

ЯЧНИЦА.

Непріятнѣ всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому чловѣку совсѣмъ другое дѣло: не скучно; а если въ одиночествѣ—такъ это просто....

ЖЕВАКИНЪ.

О, смерть, совершенная смерть!

АНУЧКИНЪ.

Да-съ, это можно сказать....

КОЧКАРЕВЪ.

Какое?—просто терзанье! жизни не будешь радъ! Не приведи Богъ испытать такое положеніе.

ЯЧНИЦА.

А какъ, сударыня, еслибы пришлось вамъ избрать предметъ? Позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы полагаете быть приличнѣ мужу?

ЖЕВАКИНЪ.

Хотите ли вы, сударыня, имѣть мужемъ знакомаго съ морскими бурями?

КОЧКАРЕВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Лучше по моему мнѣнію мужъ....

вотъ человѣкъ, который одинъ почти управляетъ
всѣмъ департаментомъ.

АНУЧКИНЪ.

Почему же предубѣжденъ? зачѣмъ вы хотите
оказать пренебреженіе къ человѣку, который
умѣетъ также цѣнить обхожденіе высшаго обще-
ства?

ЯЧНИЦА.

Сударыня, разрѣшите вы!

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, *молчитъ.*

ОЕКЛА.

Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

ЯЧНИЦА.

Какъ же, матушка?

НОЧКАРЕВЪ.

Какъ же ваше мнѣніе, Агафья Тихоновна?

ОЕКЛА, *тихо съ.*

Скажи же, скажи: благодарствую, молъ, съ
моимъ удовольствіемъ.... Не хорошо же такъ си-
дѣть.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Мнѣ стыдно, право стыдно; я уйду, право уй-
ду. Тетушка, посидите за меня.

ОЕКЛА.

Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; со-
всѣмъ осрамишься. Они ни вѣсть что подумаютъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, тихо.

Нѣтъ, право уйду, уйду, уйду! (убѣгаетъ. Оекла и Арина Пештелеймоновна уходятъ вслѣдъ за нею).

Я В Л Е Н І Е XX.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ушедшихъ.

ЛИЧНИЦА.

Вотъ тебѣ на, и уцли всѣ! что это значить?

КОЧКАРЕВЪ.

Что-нибудь, вѣрно, случилось.

ЖЕВАКИНЪ.

Какъ-нибудь на-счетъ дамскаго туалета.... Этакъ поправить что-нибудь.... маннишечку.... пришпи-
лнть. (Оекла входитъ. Всп къ ней на-встрѣчу
съ вопросами: что, что такое?)

КОЧКАРЕВЪ.

Что-нибудь случилось?

ОЕКЛА.

Какъ можно, чтобы случилось; ейбогу ничего
не случилось.

КОЧКАРЕВЪ.

Да зачѣмъ же она вышла?

ОЕКЛА.

Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ ис-
конфузли, такъ-что не высидѣла на мѣсть. Про-

сигъ извинить: ввечеру де на чашку чаю чтобы пожаловали. (*уходитъ*).

ЯИЧНИЦА *въ-сторону.*

Охъ ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ за то не люблю сватаній, поидеть возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послѣзавтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянъ, ни чуть не головоломное, чортъ побори, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда.

КОЧКАРЕВЪ *Подколесину.*

А вѣдь хозяйка не дурна, а?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да, не дурна.

ЖЕВАКИНЪ.

А вѣдь хозяйка-то хороша?

КОЧКАРЕВЪ *въ-сторону.*

Вотъ чортъ побори! Этотъ дуракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй. (*вслухъ*). Совсѣмъ не хороша, совсѣмъ не хороша.

ЯИЧНИЦА.

Носъ великъ.

ЖЕВАКИНЪ.

Ну нѣтъ, носа я не замѣтилъ. Она этакой розанчикъ.

АНУЧКИНЪ.

Я самъ того же мнѣнія. Нѣтъ, не то, не то.... Я даже думаю, что врядъ ли она знакома съ обхожденіемъ высшаго общества. Да и знаетъ ли она еще по-французски.

ЖЕВАКИНЪ.

Да чтожъ вы, смѣю спросить, не попробовали, не поговорили съ ней по-французски. Можетъ-быть и знаетъ.

АНУЧКИНЪ.

Вы думаете, я говорю по-французски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастія воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ чудакъ. Онъ и не думалъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было приучить, стоило только посвѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непременно зналъ.

ЖЕВАКИНЪ.

Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что жъ вамъ за прибыль, если она....

АНУЧКИНЪ.

А нѣтъ, нѣтъ, женщина совсѣмъ другое дѣло. Нужно, чтобы она непременно знала, а безъ того у ней и то, и это.... (показываетъ жестами) все ужъ будетъ не то.

ЯЧНИЦА съ-сторону.

Ну, объ этомъ заботься кто другой. А я пойду, да осмотрю со двора домъ и Флигеля; если только все какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добьюсь дѣла. Эти женишки мнѣ не опасны—народъ что-то больно жиденькій. Такихъ невѣсты не любятъ.

ЖЕВАКИНЪ.

Пойти выкурить трубочку. А что, не по дороге ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

АНУЧКИНЪ.

А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

ЖЕВАКИНЪ.

Да-съ, будетъ кругъ: я на острову въ 18-й линіи; а впрочемъ все-таки я васъ провожу.

СТАРИКОВЪ.

Нѣтъ, тутъ что-то спѣсивятся. Ай припомните потомъ, Агаѣя Тихоновна, и насъ! Съ моимъ почтеніемъ, господа. *(кланяется и уходитъ)*.

Я В Л Е Н І Е XXI.

ПОДКОЛЕСИНЪ И КОЧКАРЕВЪ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А чего жъ ждемъ и мы.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну что, вѣдь правда, хозяйка мила?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да что! мнѣ, признаюсь, она не нравится.

КОЧКАРЕВЪ.

Вотъ на! Это что? Да вѣдь ты самъ согласился, что она хороша?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да такъ, какъ-то не того: и носъ длинный и по-французски не знаетъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Это еще что? тебѣ на что по-французски?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну, все-таки певѣста должна знать по-французски.

КОЧКАРЕВЪ.

Почему жъ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да потому, что... ужъ я не знаю почему; а все же будетъ у ней не то.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну вотъ дуракъ; сейчасъ одинъ сказалъ, а онъ и уши развѣсилъ. Она красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да мнѣ самому сначала она было-приглянулась, да послѣ, какъ начали говорить: длинный

носъ, длинный носъ, — ну, я рассмотрѣлъ и вижу самъ, что длинный носъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Эхъ ты, пирей, не нашелъ дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить; и я тоже не хвалилъ, такъ ужъ дѣлается. Это, братъ, такая дѣвица. Ты разсмотри только глаза ея, въдь это, чортъ знаетъ, что за глаза: говорятъ, дышутъ. А носъ? — я не знаю, что за носъ: бѣлизна — алебастръ! Да и алебастръ не всякій уравнился. Ты разсмотри самъ хорошенько.

ПОДКОЛЕСИНЪ, улыбаясь.

Да, теперь-то я опять вижу, что она какъ-будто хороша.

КОЧКАРЕВЪ.

Разумѣется, хороша. Послушай, теперь, такъ-какъ они всѣ ушли, пойдемъ къ ней, изъяснимся и все кончимъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну, этого я не сдѣлаю.

КОЧКАРЕВЪ.

Отчего жъ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да чтожъ за нахальство? Насъ много; пусть она сама выберетъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну да что тебѣ смотреть на нихъ: бойшься соперничества, что ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ одну минуту спроважу.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да какъ же ты ихъ спроводишь?

КОЧКАРЕВЪ.

Ну ужъ это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, что потомъ не будешь отпираться.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Почему жъ не дать? изволь: я не отпираюсь:

КОЧКАРЕВЪ.

Руку!

ПОДКОЛЕСИНЪ, *подавая.*

Возьми!

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, это только мнѣ и нужно. *(Оба уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Комната въ домъ Агафьи Тихоновны).

ЯВЛЕНІЕ I.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, одна, потомъ Кочкаревъ.

Право такое затрудненіе — выборъ. Еслибы еще одинъ-два человѣка, а то четыре — какъ хочешь, такъ и выбирай. Пиканоръ Ивановичъ не дурень, хотя конечно худощавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже не дурень. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять му-

щина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Еслибы губы Пиканора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да пожалуй, прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божию: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, кто будетъ. (*Подходитъ къ столу, вынимаетъ оттуда пожницы и бумагу, паръзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говорить:*) Такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной. Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже просто, не хотятъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что будетъ. (*Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою*) Страшно.... Ахъ, еслибы Богъ далъ, чтобы вынулся Пиканоръ Ивановичъ; пѣтъ, отчего же онъ? лучше Иванъ

Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе.... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу.... какой выберется, такой пусть и будетъ. (*Шаритъ рукою въ ридикюль и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ*) Ухъ! всѣ! всѣ вынулсь! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ одного! одного, непременно одного! (*Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади*) Ахъ, если бы вынуть Балтазара.... что я, хотѣла сказать Никанора Ивановича.... Нѣтъ, не хочу, не хочу, какъ прикажетъ судьба.

КОЧКАРЕВЪ.

Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ахъ! (*вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страхась взглянуть назадъ.*)

КОЧКАРЕВЪ.

Да чего жъ вы испугались? не пугайтесь, это я. Право возьмите Ивана Кузьмича.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

КОЧКАРЕВЪ.

Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо

мною нечего стыдиться, откройте же ваше личико.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, *въ-половину открывая лицо.*

Мнѣ право стыдно.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ахъ! *(вскрикиваетъ и закрывается вновь руками.)*

КОЧКАРЕВЪ.

Право, чудо человекъ, усовершенствовалъ часть свою.... просто, удивительный человекъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, *немногоу открываетъ лицо.*

Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ — вѣдь онъ тоже хорошій человекъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Помилуйте, это дрянъ противъ Ивана Кузьмича.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Отчего же?

КОЧКАРЕВЪ.

Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человекъ... ну, просто, человекъ.... человекъ, какихъ не сыщешь.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ну, а Иванъ Павловичъ?

КОЧКАРЕВЪ.

И Иванъ Павловичъ дрянъ, всѣ они дрянъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Будто бы ужъ всѣ?

КОЧКАРЕВЪ.

Да вы только посудите, сравните только: это какъ бы то ни было—Иванъ Кузьмичъ! а вѣдь то, что ни попамо: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ что такое!

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А вѣдь право они очень.... скромные.

КОЧКАРЕВЪ.

Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ахъ Боже мой! Ужъ это точно такое несчастье, хуже котораго не можетъ быть.

КОЧКАРЕВЪ.

Еще бы! хуже этого и не выдумаешь ничего.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Такъ по вашему совѣту лучше взять Ивана Кузьмича?

КОЧКАРЕВЪ.

Ивана Кузьмича. Натурально Ивана Кузьмича.

(съ-сторону). Дѣло, кажется, идетъ на-ладъ. Подколесникъ сидитъ въ кондитерской, пойти по-скорѣй за нимъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Такъ вы думаете — Ивана Кузьмича?

КОЧКАРЕВЪ.

Непремѣнно Ивана Кузьмича.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А тѣмъ другимъ развѣ отказать?

КОЧКАРЕВЪ.

Конечно отказать.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да вѣдь какъ же это сдѣлать? както стыдно.

КОЧКАРЕВЪ.

Почему жъ стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите за-мужъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да вѣдь они не повѣрятъ, станутъ спрашивать: да почему, да какъ?

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, такъ если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: пошли вонъ, дураки!

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Какъ же можно такъ сказать?

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, да ужъ попробуйте; я васъ уверяю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да вѣдь выйдетъ както бранно.

КОЧКАРЕВЪ.

Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все ли равно?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да все както не хорошо... они вѣдь разсердятся.

КОЧКАРЕВЪ.

Какая же бѣда, если разсердятся? Еслибы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большое, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза, вотъ и все.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ну вотъ, видите!

КОЧКАРЕВЪ.

Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ейбогу! Я знаю тоже одного: прекрасныйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ-поръ егозилъ и надоедалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ: плюнулъ въ самое лицо, ейбогу! «Вотъ тебѣ, говоритъ, твоя прибавка, от-
томъ IV.

вяжись сатана!» А жалованья однакоже все-таки прибавилъ. Такъ что жъ изъ этого, что плюнуть? Еслибы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ—взялъ, да и вытеръ. (*Въ сплaxъ звонятъ*) Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ ли у васъ тамъ другаго выхода?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Какъ же по черной лѣстницѣ. Но право я вся дрожу.

КОЧКАРЕВЪ.

Ничего, только присутствіе духа. Прощайте. (*въ-сторону*) Поскорѣй приведу Подколесина.

Я В Л Е Н І Е II.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА И ЯЧНИЦА.

ЯЧНИЦА.

Я нарочно, сударыня, пришолъ немного пораньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на досугѣ. Ну, сударыня, на-счетъ чина, я уже полагаю вамъ извѣстно: служу коллежскимъ ассессоромъ, любимъ начальствами, подчиненные слушаются.... недостаетъ только одного: подружки жизни.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да-съ.

ЯЧНИЦА.

Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта — вы. Скажите напрямикъ: да, или нѣтъ? (*смотритъ ей въ плечо, въ-сторону*) Она не то, что какъ бывають худенькія нѣмки — кое-что есть.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Я еще очень молода-съ... не расположена еще за-мужъ....

ЯЧНИЦА.

Помилуйте, а сваха зачѣмъ хлопочетъ? Но, можетъ-быть, вы хотите что-нибудь другое сказать — изъяснитесь.... (*слышенъ колокольчикъ*) Чортъ побери! никакъ не дадутъ дѣломъ заняться!

Я В Л Е Н І Е Ш.

Т Ъ Ж Е И Ж Е В А К И Н Ъ.

ЖЕВАКИНЪ.

Извините, сударыня, что я, можетъ-быть, слишкомъ рано. (*Оборачивается и видитъ Ячницу*) Ахъ, ужъ есть.... Ивану Павловичу мое почтеніе.

ЯЧНИЦА, *въ-сторону*.

Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ! (*вслухъ*) Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно

только слово: да, или нѣтъ?... (слышенъ колокольчикъ; Яичница поетъ съ-сердцовъ) Опять колокольчикъ!

Я В Л Е Н І Е IV.

ТѢ ЖЕ И АНУЧКИНЪ.

АНУЧКИНЪ.

Можетъ-быть, я, сударыня, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ и повелѣваетъ долгъ приличія... (Видя прочихъ, испускаетъ восклицаніе и раскланивается) Мое почтеніе!

ЯИЧНИЦА, въ-сторону.

Возьми себѣ свое почтеніе! Пелегкая тебя принесла, подломилась бы тебѣ твои поджарыя ноги! (вслухъ) Такъ какъ же, сударыня, рѣшите. Я человѣкъ должностной, времени у меня немного — да, или нѣтъ?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, въ слухъ.

Не нужно-съ.... не нужно-съ.... (въ-сторону) Ничего не понимаю, чтò говорю.

ЯИЧНИЦА.

Какъ не нужно? въ какомъ отношеніи не нужно?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ничего-съ, ничего,...я не того-съ... (собираясь

съ духомъ) Пошли вонъ!... (въ-сторону, всплеснувши руками) Ахъ, Боже мой! что я такое сказала?

ЯЧНИЦА.

Какъ: пошли вонъ? что это такое значить: пошли вонъ? Позвольте узнать, что вы разумѣете подъ этимъ? (подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно.)

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ.

Ухъ, прибѣтъ, прибѣтъ! (убѣгаетъ. Ячница стоитъ, разинувши ротъ. Вбѣгаетъ на крикъ Арина Пантелеймоновна, и взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже: ухъ прибѣтъ! и убѣгаетъ.)

ЯЧНИЦА.

Что за притча такая! Вотъ, право, исторія! (въ дверяхъ звенитъ звонокъ и слышны голоса.)

ГОЛОСЪ КОЧКАРЕВА.

Да входи, входи, что жъ ты остановился?

ГОЛОСЪ ПОДКОЛЕСИНА.

Да ступай ты впередъ. Я только въ минуту въправлюсь, растегнулось стремешко.

ГОЛОСЪ КОЧКАРЕВА.

Да ты улизнешь опять.

ГОЛОСЪ ПОДКОЛЕСИНА.

Нѣтъ, не улизну! ейбогу не улизну!

Я В Л Е Н І Е V.

ТЪ ЖЕ И КОЧКАРЕВЪ.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну вотъ, очень нужно поправлять стремешко.

ЯИЧНИЦА, обращаясь къ нему.

Скажите пожалуйста, невѣста дура, что ли?

КОЧКАРЕВЪ.

А что? случилось развѣ что?

ЯИЧНИЦА.

Да непонятные поступки: выбѣжала, стала кричать: «прибѣть, прибѣть!» Чортъ знаетъ что такое.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну да, это за ней водится: она дура.

ЯИЧНИЦА.

Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ же, родственникъ.

ЯИЧНИЦА.

А какъ родственникъ, позвольте узнать?

КОЧКАРЕВЪ.

Право не знаю: какъ-то тетка моей матери что-то такое ея отцу, или отецъ ея что-то такое моей теткѣ — объ этомъ знаетъ жена моя, это ихъ дѣло.

ЯЧНИЦА.

И давно за ней водится дурь?

КОЧКАРЕВЪ.

А еще съ самага съ-измала.

ЯЧНИЦА.

Да конечно лучше, если бы она была умный; а впрочемъ и дура тоже хорошо: были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ.

КОЧКАРЕВЪ.

Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

ЯЧНИЦА.

Какъ такъ, а каменный домъ?

КОЧКАРЕВЪ.

Да вѣдь только слово, что каменный, а знали бы вы, какъ конь выстроены стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ срединѣ всякая дрянь: мусоръ, щепки, стружки.

ЯЧНИЦА.

Что вы?

КОЧКАРЕВЪ.

Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь

строить дома? лишь бы только въ ломбардъ заложить.

ЯЧНИЦА.

Однакожь вѣдь домъ не заложенъ.

КОЧКАРЕВЪ.

А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, не только заложенъ, но за два года еще проценты не выплачены. Да въ сенатъ есть еще братъ, который тоже запускаетъ глаза на домъ, сутяги такого свѣтъ не производилъ: съ родной матери послѣднюю юбку снялъ-бы, безбожникъ.

ЯЧНИЦА.

Какъ же мнѣ старуха сваха... Ахъ она бестія этакая, извергъ рода человѣ... (*въ-сторону*) Однакожь онъ, можетъ-быть, и вретъ. Подъ строжайшій допросъ старуху! и если только правда... ну.... я заставлю запѣть ее не такъ, какъ другіе поютъ.

АНУЧКИНЪ.

Позвольте васъ побеспокоить тоже вопросомъ; признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ ли женщина по-французски или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ....

КОЧКАРЕВЪ.

Ни бельмеса.

АНУЧКИНЪ.

Что вы?

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ же, я это очень хорошо знаю. Она училась вмѣстѣ съ женой въ пансіонѣ, известная была лѣнивица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидить. А французъ-то учитель, просто, билъ ее палкой.

АНУЧКИНЪ.

Представьте же, что у меня съ перваго разу, какъ только я увидѣлъ, было какое-то предчувствіе, что она не знаетъ по-французски.

ЯИЧНИЦА.

Ну чортъ съ французскимъ! Но какъ сваха-то проклятая.... Ахъ ты бестія такая, вѣдьма! Вѣдь еслибы вы знали, какими словами она расписала — живописецъ, вотъ совершенный живописецъ: домъ, флигель, говорить, на фундаментахъ, серебряныя ложки, сани — вотъ садись да и катайся, словомъ, въ романъ рѣдко выберется такая страница. Ахъ ты подошва ты старая! попадись только ты мнѣ....

Я В Л Е Н І Е VI.

ТЪ ЖЕ И ОЕКЛА. (*Всѣ увидѣвъ ее, обращаются къ ней со слѣдующими словами:*)

ЯИЧНИЦА.

А! вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣхотворница! а подойди-ка сюда.

АНУЧКИНЪ.

Такъ-то вы обманули меня, Оекла Ивановна?

КОЧКАРЕВЪ.

Пу-ка ступай Варвара на расправу!

ОЕКЛА.

И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ.

ЯИЧНИЦА.

Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая по-дошва, а ты наврала: и съ мезонинами и чортъ знаетъ съ чѣмъ.

ОЕКЛА.

А не знаю, не я строила. Можетъ-быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

ЯИЧНИЦА.

Да и въ ломбардъ еще заложенъ? черти бѣ тебя съѣли, вѣдьма ты проклятая! (*притопывая ногой.*)

ОЕКЛА.

Смотри ты какой! Еще бранится. Иной бы благодарить сталъ за удовольствіе, что хлопотали о немъ.

АНУЧКИНЪ.

Да, Оекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже насказали, что она знаетъ по-Французски.

ОЕКЛА.

Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому и по-всякому — какіе хочешь манеры — все знаетъ.

АНУЧКИНЪ.

Ну нѣтъ, кажется, она только по-русски и говорить.

ОЕКЛА.

Что жъ тутъ худаго? Понятливѣе по-русски, потому и говорить по-русски. А кабы умѣла по-басурмански, то тебѣ-же хуже, и самъ бы не поіялъ ничёго. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, рѣчь извѣстно какая: всѣ святыя говорили по-русски.

ЯЧНИЦА.

А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ!

ОЕКЛА, пятась ближе къ дверямъ.

И не подойду, я знаю тебя: ты человѣкъ тяжелый, ни за что прибьешь.

ЯЧНИЦА.

Ну, смотри, голубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣсть скажи, что она подлець, слышишь, непременно скажи. (Уходитъ.)

ОЕКЛА.

Смотри ты какой! разсердился какъ! Что толстъ, такъ думаетъ, ему и ровнаго никого нѣтъ. А я скажу, что ты самъ подлець — вотъ что?

АНУЧКИНЪ.

Признаюсь, лебезившая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованіемъ, да я.... да и пога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ. (Уходитъ.)

ОЕКЛА.

Бѣлены объѣлись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе! Свела съ ума глупая грамота.

Я В Л Е Н І Е VII.

ОЕКЛА ИВАНОВНА, КОЧКАРЕВЪ, ЖЕВАКНИЪ,

КОЧКАРЕВЪ, *хохочетъ во все горло,
смотря на Оеклу и указывая на
нее пальцемъ.*

ОЕКЛА, *съ досадою.*

Ты что горло дерешь?

КОЧКАРЕВЪ, *продолжаетъ хохотать.*

ОЕКЛА.

Экъ какъ разобрало его!

КОЧКАРЕВЪ.

Сваха-то! сваха-то! Мастерница женить, знаетъ
какъ повести дѣло! *(продолжаетъ хохотать.)*

ОЕКЛА.

Экъ его заливается! Знать, покойница свихну-
ла съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала.

(Уходитъ съ досадою.)

Я В Л Е Н І Е VIII.

КОЧКАРЕВЪ, ЖЕВАКНИЪ.

КОЧКАРЕВЪ, *продолжая хохотать.*

Охъ, не могу, право не могу, силы не вы-
держатъ, чувствую, что тресну отъ смѣху! *(про-
должаетъ хохотать.)*

ЖЕВАКИНЪ, глядя на него, начинает
тоже смѣяться.

КОЧКАРЕВЪ, съ усталости валится
на стулъ.

Охъ, право выбился изъ силъ. Чувствую, что
если засмѣюсь еще, надорву послѣднія силы.

ЖЕВАКИНЪ.

Мнѣ правится веселость вашего права. У насъ
въ эскадрѣ капитана Волдырева былъ мичманъ
Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ; тоже этакъ былъ
веселаго права. Бывало, ему ничего больше, по-
кажешь этакъ одинъ палецъ — вдругъ засмѣет-
ся, сйбогу! и до самаго вечера смѣется. Ну, гля-
дя на него, бывало, и самому сдѣлается смѣшно,
и смотришь наконецъ и самъ точно этакъ смѣ-
ёшься.

КОЧКАРЕВЪ, переводя дыханье.

Охъ, господи помилуй насъ грѣшныхъ! Ну
что она вздумала, дура? Ну куда жъ ей женить,
ей ли женить? Вотъ я женис, такъ женю!

ЖЕВАКИНЪ.

Нѣтъ. Такъ вы можете не въ шутку женить?

КОЧКАРЕВЪ.

Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно.

ЖЕВАКИНЪ.

Если такъ, жените меня на здѣшней хозяйкѣ.

КОЧКАРЕВЪ.

Васъ? да зачѣмъ вамъ жениться?

ЖЕВАКИНЪ.

Какъ зачѣмъ? вотъ, позвольте замѣтить, страшный немного вопросъ, а известное дѣло зачѣмъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Да вѣдь вы слышали, у ней приданого ничего нѣтъ.

ЖЕВАКИНЪ.

На нѣтъ, и суда нѣтъ. Конечно это дурно, а впрочемъ съ такою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденіями можно прожить и безъ приданого. Небольшая комнатка (*размѣриваетъ при-
мерно руками*), такъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь въ родѣ такой перегородки....

КОЧКАРЕВЪ.

Да что вамъ въ ней такъ понравилось?

ЖЕВАКИНЪ.

А сказать правду, мнѣ понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматёръ со стороны женской полноты.

КОЧКАРЕВЪ, поглядывая на него искоса, говоритъ въ сторону.

А вѣдь самъ ужъ куда не пощеголяетъ, точно

кисеть, изъ котораго вытрясли табакъ. (Вслухъ)
Нѣтъ, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

ЖЕВАКИНЪ.

Какъ-такъ?

КОЧКАРЕВЪ.

Да такъ. Ну что у васъ за фигура, между
нами будь сказано: нога пѣтушья....

ЖЕВАКИНЪ.

Пѣтушья?

КОЧКАРЕВЪ,

Конечно. Что у васъ за видъ?

ЖЕВАКИНЪ.

То-есть какъ однако же пѣтушья нога?

КОЧКАРЕВЪ.

Да просто, пѣтушья.

ЖЕВАКИНЪ.

Мнѣ кажется, это однакожъ касается на счетъ
личности....

КОЧКАРЕВЪ.

Да вѣдь я говорю потому, что знаю, вы раз-
судительный человекъ, другому я не скажу. Я
васъ женю, извольте, только на другой.

ЖЕВАКИНЪ.

Нѣтъ, ужъ я бы просилъ, чтобы на другой
меня не женили. Ужъ будьте такъ благоде-
тельны, чтобы на этой.

КОЧКАРЕВЪ.

Извольте, женю, только съ условіемъ: вы не мѣшайтесь ни во что и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ, я все сдѣлаю безъ васъ.

ЖЕВАКИНЪ.

Да какъ однакоже все безъ меня? Все-таки мнѣ хоть на глаза надо будетъ показаться.

КОЧКАРЕВЪ.

Совсѣмъ не надо. Идите домой и ждите: въ этотъ вечеръ все будетъ сдѣлано.

ЖЕВАКИНЪ, *потираетъ руки.*

А вотъ что ужъ куда бы хорошо. Да не нужны ли аттестатъ, послужной списокъ? Можеть-быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ-минуту.

КОЧКАРЕВЪ.

Ничего не надо, отправляйтесь только домой; я вамъ сегодня же дамъ знать. (*вырважливаетъ его*) Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Что жъ это? что жъ это Подколесинъ неидетъ? это одна-кожъ странно. Неужели онъ до-сихъ-поръ поправляетъ свою стремешку? Ужъ не побѣжать ли за нимъ?

=

Я В Л Е Н І Е IX.

КОЧКАРЕВЪ, АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, *осматривалась.*

Что, ушли? никого нѣтъ?

КОЧКАРЕВЪ.

Ушли, ушли, никого.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ахъ, еслибы вы знали, какъ я вся дрожала; этакого точно еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этотъ Япчница; какой онъ долженъ-быть тиранъ для жены! Мнѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

КОЧКАРЕВЪ.

О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ свой здѣсь.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А третій?

КОЧКАРЕВЪ.

Какой третій?

ЖЕВАКИНЪ, *высовывая голову съ двери.*

Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ.... розанчикъ этакой!

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А Балтазаръ Балтазаровичъ?

ЖЕВАКИНЪ.

А вотъ оно, вотъ оно! (потираетъ руки.)

КОЧКАРЕВЪ.

Фу ты пропасть! Я думалъ о комъ вы говорите. Да вѣдь это, просто, чортъ знаетъ что, набитый дуракъ.

ЖЕВАКИНЪ.

Это что такое? Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А онъ однакоже на-видъ показался очень хорошимъ человекомъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Пьяница!

ЖЕВАКИНЪ.

Ейбогу не понимаю!

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Неужели и пьяница еще?

КОЧКАРЕВЪ.

Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

ЖЕВАКИНЪ, громко.

Нѣтъ позвольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что-нибудь замолвить въ мой профитъ, похвалить — другое дѣло, а что-

*

бы такимъ образомъ, такими словами, ужъ извольте развѣ кого-нибудь другаго, а ужъ я слуга покорный.

КОЧКАРЕВЪ, *въ-сторону.*

Какъ это угораздило его подвернуться?— (Агафья Тихоновна въ-полголоса) Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Этакое мыслете онъ всякій день писать. Прогоните его, да и концы въ воду! (*въ-сторону*) А Подколесина нѣтъ, какъ нѣтъ. Экой мерзавецъ! Ужъ я жъ вымещу на немъ. (*Уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е X.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА И ЖЕВАКИНЪ.

ЖЕВАКИНЪ, *въ-сторону.*

Общался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! престранный человекъ. (*вслухъ*) Вы, сударыня, не вѣрьте.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Извините, мнѣ нездоровится.... болить-съ голова. (*Хочетъ уйти.*)

ЖЕВАКИНЪ.

Не можетъ-быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится. (*указывая на голову*) Вы не глядите на то, что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это

ничего, это отъ лихорадки, волоса сейчасъ выростутъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Мнѣ все равно-съ, что-бъ у васъ тамъ ни было.

ЖЕВАКИНЪ.

У меня, сударыня.... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ поблѣе.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Для васъ лучше. Прощайте! (*Уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е XI.

ЖЕВАКИНЪ, *однѣ, говоритъ съ слѣдъ ей.*

Сударыня, позвольте, скажите причину, зачѣмъ? къ чему? Или во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что ли?... Ушла! Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ образомъ: кажется, этакъ сначала все хорошо, а какъ дойдетъ дѣло до развязки — смотришь, и откажутъ. (*ходитъ по комнатѣ въ размышленіи*) Да, вотъ эта будетъ ужъ никакъ семнадцатая невѣста! И чего же ей однакожь хочется? Чего-бы ей, напимѣръ, этакъ.... съ какой стати... (*подумавъ*) Темно, чрезвычайно темно! Добро бы былъ нехорошъ чѣмъ. (*осматривается*) Кажется, нель-

зя сказать этого, все слава Богу. Непонятно. Развѣ не пойти ли домой, да не порыться ли въ сундучкѣ: тамъ у меня были стинки, противъ которыхъ точно ни одна не устоитъ.... Ейбогу уму непонятно. Сначала, кажись, повезло.... Видно, приходится поворотить назадъ оглобли. А жаль, право жаль. (*Уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е XII.

ПОДКОЛЕСИНЪ и КОЧКАРЕВЪ, *входятъ и оба оглядываются назадъ.*

КОЧКАРЕВЪ.

Онъ не замѣтилъ насъ. Видѣлъ, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Неужели и ему также отказано, какъ и тѣмъ?

КОЧКАРЕВЪ.

На-отрѣзъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ, *съ самодовольною улыбкой.*

А прекофузно однакоже должно быть, если откажутъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Еще-бы!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Я все еще не вѣрю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Какое предпочитаетъ? Она отъ тебя, просто безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть, такъ, просто, и кипитъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ, *самодовольно усмѣхается.*

А вѣдь въ-самомъ-дѣлѣ женщина если захочетъ, такихъ словъ наскажетъ, вѣкъ-бы не выдумалъ: мордашечка, таракашечка, чернушка....

КОЧКАРЕВЪ.

Что еще эти слова! Вотъ какъ женишься, такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца, какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну вотъ такъ и таешь.

ПОДКОЛЕСИНЪ, *усмѣхался.*

Будто?

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ честный человекъ! Послушай, теперь одинакожь скорѣе къ дѣлу. Изъясни ей и открой сію же минуту сердце и требуй руки.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Но какъ же сію минуту? что ты!

КОЧКАРЕВЪ.

Непремѣнно сію же минуту.... а вотъ и она сама.

Я В Л Е Н І Е XIII.

ТѢ ЖЕ И АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

КОЧКАРЕВЪ.

Я привелъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, котораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюбленнаго, просто, не приведи Богъ, и непріятелю не пожелаю...

ПОДКОЛЕСИНЪ, толкая его подъ руку,
тихо.

Ну ужъ ты, братъ, кажется слишкомъ.

КОЧКАРЕВЪ, сму.

Ничего, ничего. (ей тихо) Будьте посмѣлье, онъ очень смиренъ, старайтесь быть какъ можно развязнѣе. Этакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, потупивши глаза, такъ вдругъ и сръзать его, злодѣя, или выставьте ему какъ-нибудь плечо и пусть его, мерзавецъ, смотритъ! Напрасно впрочемъ вы не надѣли платья съ короткими рукавами; да впрочемъ и это хорошо. (вслухъ) Ну, я оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ! Я на минуточку взгляну только къ вамъ въ столовую и на кухню: надо распорядиться, сейчасъ при-

детъ официантъ, которому заказанъ ужинъ; можетъ-быть, и вина принесены.... До свиданья!
(Подколесину) Смѣлѣ! смѣлѣ! (Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е XIV.

ПОДКОЛЕСИНЪ И АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Прошу покорнѣйше садиться.

(Садятся и молчатъ.)

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Вы, сударыня, любите кататься?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Какъ-съ кататься?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Какое-то лѣто будетъ — неизвѣстно.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчатъ.)

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Который покрѣпче пахнетъ-съ: гвоздику-съ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Дамамъ очень идутъ цвѣты.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да, пріятное занятіе.

(Молчаніе.)

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Въ которой церкви вы были въ прошлое воскресенье?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому, былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви.

(Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по стулу.)

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Вотъ скоро будетъ екарингофское гулянье.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да, чрезъ мѣсяцъ, кажется.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Даже и мѣсяца не будетъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Должно быть, веселое будетъ гулянье.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Сегодня восьмое число; (считает по пальцамъ) девятое, десятое, одиннадцатое.... чрезъ двадцать два дня.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Представьте, какъ скоро!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Я сегодняшняго дня даже не считаю.

(Молчаніе.)

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Какой это смѣлый русскій народъ!

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Какъ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А работники. Стоять на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатурилъ и не боится ничего.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность.

(Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ беретъ за шляпу и раскланивается.)

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А вы уже хотите...

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да-съ. Извините, что, можетъ-быть, наскучилъ вамъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровождение времени.

ПОДКОЛЕСИНЪ, улыбаясь.

А мнѣ право такъ кажется, что я наскучилъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ахъ, право нѣтъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну, такъ если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда-нибудь..

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Очень пріятно-съ. (*Раскланиваются. Подколесинъ уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е XV.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, одна.

Какой достойный человекъ! Я теперь только узнала его хорошенько; право, нельзя не полюбить: и скромный и разсудительный. Да, пріятно.

тель его давеча справедливо сказалъ; жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, а я бы еще хотѣла его послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! и вѣдь главное то хорошо, что совсѣмъ не пустословить. Я бымо-хотѣла ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробѣла, сердце такъ стало биться.... Какой превосходный человекъ! Пойду расскажу тетушкѣ. (Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е XVI.

ПОДКОЛЕСИНЪ и КОЧКАРЕВЪ (входятъ.)

КОЧКАРЕВЪ.

Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой, зачѣмъ домой?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что слѣдуетъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Стало-быть, сердце ей ты уже открылъ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Вотъ те исторія! зачѣмъ же не открылъ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну да какъ же ты хочешь, не поговоря пре-

жде ни о чемъ, вдругъ сказать съ боку припёку:
сударыня, дайте я на васъ женюсь!

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздоръ тол-
ковали битыхъ полчаса?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну, мы переговорили обо всемъ, и признаюсь,
я очень доволенъ; съ большимъ удовольствіемъ
провелъ время.

КОЧКАРЕВЪ.

Да послушай, посуди ты самъ; когда же все
это успѣемъ? вѣдь черезъ часъ надо ѣхать въ
церковь, подъ вѣнецъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Что ты, съ ума сошолъ? Сегодня подъ вѣнецъ?

КОЧКАРЕВЪ.

Почему жъ нѣтъ?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Сегодня подъ вѣнецъ?

КОЧКАРЕВЪ.

Да вѣдь ты же самъ далъ слово, сказалъ, что
какъ только женихи будутъ прогнаны — сейчасъ
готовъ жениться.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну, я и теперь не прочь отъ слова, только

не сейчас же; мѣсяць по-крайней-мѣрѣ надо
дать роздыху.

КОЧКАРЕВЪ.

Мѣсяць!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да, конечно.

КОЧКАРЕВЪ.

Да ты съ ума сошолъ, что ли?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да меньше мѣсяца нельзя.

КОЧКАРЕВЪ.

Да вѣдь я официанту заказалъ ужинъ, бревно
ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямь-
ся, душенька, женись теперь.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Помилуй, братъ, что ты говоришь, какъ же
теперь?

КОЧКАРЕВЪ.

Иванъ Кузьмичъ, ну, я тебя прошу. Если не
хочешь для себя, такъ для меня по-крайней-
мѣрѣ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да право нельзя.

КОЧКАРЕВЪ.

Можно, душа, все можно; ну, пожалуста, не капризничай, душенька!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да право нѣтъ, неловко, совсѣмъ неловко.

КОЧКАРЕВЪ.

Да что неловко, кто тебѣ сказалъ это. Ты посуди самъ, вѣдь ты человѣкъ умный, я говорю это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ подольститься, не потому, что ты экспедиторъ, а просто говорю, изъ любви... Ну полно же, душенька, рѣшись, взгляни окомъ благоразумнаго человѣка.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да если бы было можно, такъ я бы....

КОЧКАРЕВЪ.

Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну хочешь ли, я стану на колѣна передъ тобой.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да зачѣмъ же....

КОЧКАРЕВЪ, становясь на колѣна.

Ну, вотъ я и на колѣнахъ! ну видишь самъ, прошу тебя. Вѣкъ не позабуду твоей услуги; не упрямся, душенька!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну нельзя, братъ, право нельзя.

КОЧКАРЕВЪ, оставя въ-сердцахъ.

Свинья!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Пожалуй, бранись себѣ.

КОЧКАРЕВЪ.

Глупый чело^вкъ! Еще никогда не было та-кого.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Бранись, бранись.

КОЧКАРЕВЪ.

Я для кого же старался? изъ чего бился? Все для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что мнѣ, я сейчасъ брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да кто жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй бросай.

КОЧКАРЕВЪ.

Да вѣдь ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Тебѣ что до того?

КОЧКАРЕВЪ.

О тебѣ, деревянная башка, стараюсь.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Я не хочу твоихъ стараній.

КОЧКАРЕВЪ.

Ну, такъ ступай же къ чорту!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну и пойду.

КОЧКАРЕВЪ.

Туда тебѣ и дорога!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Что жъ, и пойду.

КОЧКАРЕВЪ.

Ступай, ступай и чтобы ты себѣ сейчасъ же переломилъ ногу. Вотъ отъ души посылаю тебѣ желаніе, чтобы тебѣ пьяный извощикъ въѣхалъ дышломъ въ самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ больше не показывайся!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

И не покажусь. (*уходитъ.*)

КОЧКАРЕВЪ.

Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю!

(отворяя дверь, кричитъ ему въ-слѣдъ:) Дуракъ!

Я В Л Е Н І Е XVII.

КОЧКАРЕВЪ, одинъ, ходитъ въ силь-
номъ движеніи взадъ и впередъ.

Ну, былъ ли когда видѣиъ на свѣтъ подоб-
ный человѣкъ! Этакой дуракъ! Да если ужъ по-
шло на правду, то и я хорошъ. Ну скажите
пожалуста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну
не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего быюсь,
кричу, нѣда горло пересохло? Скажите, что онъ
мнѣ? родня что ли? И что я ему такое — нянь-
ка, тетка, свекруха, кума что ли? Изъ какого
же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ,
не знаю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его
совсѣмъ?—а просто чортъ знаетъ изъ чего! Поди
ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ,
что-нибудь дѣлаетъ. Этакой мерзавецъ! Какая
противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя глупую
животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ
уши, въ ротъ, въ зубы — во всякое мѣсто (въ-
сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ).
Вѣдь вотъ что досадно: вышелъ себѣ — ему и

горя мало; съ него все это такъ, какъ съ гуся вода — вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать, да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бываютъ противныя рожки, но вѣдь этакой, просто не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожки, ейбогу не сочинишь. Такъ вотъ нѣтъ же, пойду нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду приведу, подмеса! (*убѣгаетъ.*)

Я В Л Е Н І Е XVIII.

АГАФЬЯ ТОХОНОВНА, *входитъ.*

Ужъ такъ право бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куда ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча совершенно хотѣла-было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь: пробовала сматывать нитки, шила ридикюль — а Иванъ Кузьмичъ все такъ вотъ и лзетъ въ руку. (*помолчавъ*) И такъ вотъ наконецъ ожидаетъ меня переѣзна состоянія! Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь.... потомъ оставятъ одну съ мужчиною — уфъ! Дрожь такъ меня и пробираетъ. Прощай прежняя моя дѣ-

вичья жизнь! *(плачетъ)* Столько лѣтъ провела въ спокойствіи.... Вотъ жила, жила, а тепѣрь приходится выходить за-мужъ! Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подрастутъ, выдавай ихъ за-мужъ. Хорошо еще, если выдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что готовъ сегодня же поставить на карточку все, что ни есть на немъ. *(Начинаетъ мало-по-малу опять рыдать)* Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати-семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ.... *(Перемѣняя голосъ)* Да что жъ Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣшкается.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА И ПОДКОЛЕСИНЪ *вталкивается на сцену изъ дверей двумя руками коч-*

КАРЕВА.

ПОДКОЛЕСИНЪ, *запинаясь.*

Я пришолъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльце.... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, *потупляя глаза.*

Чтò же такое?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Нѣтъ, сударыня, вы скажите напередъ: не покажется ли вамъ странно?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Не могу знать чтò такое.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Но признайтесь: вѣрно вамъ покажется страннымъ тò, чтò я вамъ скажу.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Помилуйте, какъ можно, чтобъ было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

По этого вы еще никогда не слыхали. (*Агафья Тихоновна потупляетъ еще болѣе глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится у него за спиной*) Это вотъ въ чемъ.... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

А чтò же это такое?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

А это.... я хотѣлъ-было, признаюсь теперь

объявить вамъ, да все еще какъ-то сомнѣваюсь.

КОЧКАРЕВЪ, *про-себя, складывая руки.*

Господи ты Боже мой, что это за человѣкъ! Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Отчего же вы сомнѣваетесь?

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Да все както беретъ сомнѣніе.

КОЧКАРЕВЪ, *вслухъ.*

Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите: онъ проситъ руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

ПОДКОЛЕСИНЪ, *почти испугавшись, толкаетъ его, произносилъ живо.*

Помилуй, что ты!

КОЧКАРЕВЪ.

Такъ что жъ, сударыня, рѣшается вы сему смертному доставить счастье?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Я никакъ не смѣю думать, чтобы я могла составить счастье.... а впрочемъ я согласна.

КОЧКАРЕВЪ.

Натурально, натурально, такъ бы давно! Давайте ваши руки!

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Сейчасъ. *(хочетъ сказать что-то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и шмуристъ брови, онъ даетъ руку.)*

КОЧКАРЕВЪ, соединяя руки.

Ну, Богъ васъ благословитъ. Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... Это не то, что взять извозника, да и поѣхать куда-нибудь; это обязанность совершенно другаго рода, это обязанность.... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я расскажу тебѣ, что это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцалуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать. *(Агафья Тихоновна потупляетъ глаза)* Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно, пусть поцалуетъ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. (*Цалуетъ ее и беретъ за руку.*) Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка?... Да, позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непременно сей же часъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Какъ сейчасъ? ужъ это можетъ-быть очень скоро.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтобъ сію же минуту было вѣнчанье.

КОЧКАРЕВЪ.

Браво! хорошо! Благородный человекъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ! Вы, сударыня, въ-самомъ-дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они всѣ теперь потѣхали прямо въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

Я В Л Е Н І Е XX.

КОЧКАРЕВЪ И ПОДКОЛЕСИНЪ.

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ бы того, что ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. (*Трогнутый*) Будущей весною навѣщу непременно могилу твоего отца.

КОЧКАРЕВЪ.

Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну подойди, я тебя поцалую. (*Цалуетъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую*) Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно, (*цалуются*) въ довольствѣ и достаткѣ; дѣтей бы нажили кучу...

ПОДКОЛЕСИНЪ.

Благодарю, братъ. Именно наконецъ теперь только я узналъ, что такое жизнь; теперь предомно открылся совершенно новый міръ. Те-

перь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ, чувствуешь, этакъ както испаряешься, както этакъ, не знаешь даже самъ, что дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то-есть просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія чловѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой чловѣкъ живетъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Радъ, радъ. Теперь я пойду посмотрю только, какъ убрали столъ; въ минуту ворочусь. (*съ-стороны*). А шляпу все лучше на всякій случай припрятать. (*Беретъ и уноситъ шляпу съ собою*).

Я В Л Е Н І Е XXІ.

ПОДКОЛЕСНИКЪ, одинъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, что я былъ до-сихъ-поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну каковъ былъ мой холостой вѣкъ? что я значилъ, что дѣлалъ? Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ, словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и обыкновенный чловѣкъ. Только те-

перь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь если разсмотрѣть, какое множество людей находится въ такой сѣнотѣ. Еслибы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого челоуѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ и уже будешь женатъ. Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, которое, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*) Однакожъ что ни говори, а какъ-то даже дѣлается странно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего, все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя: тамъ ужъ и карета и все стоитъ въ готовности. А будто въ самомъ-дѣлѣ нельзя уйти? Какже натурально нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну спросить: зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ. А вотъ окно открыто; что, если бы въ окно? Нѣтъ,

нельзя; какже, и неприлично, да и высоко. (Подходитъ къ окну) Ну, еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькій. Ну нѣтъ, какже, со мной нѣтъ даже картуза. Какъ же безъ шляпы? неловко. А неужто однакоже нельзя безъ шляпы? А что, если бы попробовать, а? Попробовать, что ли? (становится на окно и, сказавши «Господи благослови» соскакиваетъ на улицу; за сценой кричатъ и охаетъ) Охъ! однакожъ высоко! Эй, извозчикъ!

ГОЛОСЪ ИЗВОЩИКА.

Подавать, что ли?

ГОЛОСЪ ПОДКОЛЕСИНА.

На канавку возлѣ Семеновскаго мосту.

ГОЛОСЪ ИЗВОЩИКА.

Да гривенникъ, безъ лишняго.

ГОЛОСЪ ПОДКОЛЕСИНА.

Давай! пошолъ! (Слышенъ стукъ отъпзжающихъ дрожекъ.)

Я В Л Е Н І Е XXII.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА входитъ въ сценическомъ платьѣ робко и потупивъ голову.

И сама не знаю, что со мною такое! Опять

сдѣлалось стыдно и я вся дрожу. Ахъ! еслибы его хоть на-минутку на эту пору не было въ комнатѣ, еслибы онъ зачѣмъ нибудь вышелъ. (съ робостію оглядывается) Да гдѣ жъ это онъ? Никого нѣтъ. Куда же онъ вышелъ? (отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда) Оекла, куда ушолъ Иванъ Кузмичъ?

ГОЛОСЪ ОЕКЛЫ.

Да онъ тамъ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да гдѣ же тамъ?

ОЕКЛА, *входя.*

Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

ОЕКЛА.

Ну, да ужъ изъ комнаты онъ тоже не выходилъ; я сидѣла въ прихожей.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да гдѣ же онъ?

ОЕКЛА.

Я ужъ не знаю гдѣ; не вышелъ ли на другой выходъ, по черной лѣстницѣ, или не сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелеймоновны.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Тетушка! тетушка!

Я В Л Е Н І Е XXIII.

ТЪ ЖЕ И АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА, *разодѣтая.*

А что такое?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Иванъ Кузьмичъ у васъ?

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Нѣтъ; онъ тутъ долженъ-быть, ко мнѣ не заходилъ.

ОБЛА.

Ну такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Ну такъ и здѣсь же нѣтъ его, вы видите.

Я В Л Е Н І Е XXIV.

ТЪ ЖЕ И КОЧКАРЕВЪ.

КОЧКАРЕВЪ.

А что такое?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Да Ивана Кузьмича нѣтъ.

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ нѣтъ? ушолъ?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Нѣтъ, и не ушолъ даже.

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ же нѣтъ, и не ушолъ?

ОЕКЛА.

Ужъ куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ передней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Ну, ужъ по черной лѣстницѣ никакъ не могъ пройти.

КОЧКАРЕВЪ.

Какъ же, чортъ возьми! вѣдь пропасть тоже, не выходя изъ комнаты, никакъ онъ не могъ. Развѣ не спрятался ли.... Иванъ Кузьмичъ! гдѣ ты? Не дурачься, полно, выходи скорѣе; ну что за штуки-такія; въ церковь давно пора! *(заглядываетъ за шкафъ, искоса запускаетъ даже глазъ подъ стулья)* Не понятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никакимъ образомъ не могъ, онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно положилъ туда.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Ужъ развѣ спросить дѣвчонку, она стояла все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!....

Я В Л Е Н І Е XXV.

ТѢ ЖЕ И ДУНЯШКА.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Гдѣ Иванъ Кузьмичъ, ты не видала?

ДУНЯШКА.

Да они-съ выпрыгнули-съ въ окошко. (*Агафья Тихоновна вскрикиваетъ, всплеснувши руками*).

ВСЕ ТРОЕ.

Въ окошко?

ДУНЯШКА.

Да-съ, а потомъ какъ выскочили, взяли извозника и уѣхали.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

Да ты вправду говоришь?

КОЧКАРЕВЪ.

Врешь, не можетъ быть.

ДУНЯШКА.

Бѣбогу выскочили. Вотъ и купецъ въ мелочной лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извозника и уѣхали.

ТОМЪ IV.

АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА, *подступая къ*
Кочкареву.

Что жъ вы, батюшка, въ издѣвку-то развѣ что ли, посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого сраму еще не наживала. Да за то, батюшка, я вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлецъ, коли вы честный человѣкъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку! я мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянникъ! Видно только на пакости, да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! (*Уходитъ въ-сердцяхъ и уводитъ невесту. Кочкаревъ стоитъ, какъ ошеломленный.*)

ОБЕИД.

Чтò? А вотъ онъ тотъ, что знаетъ повести дѣло! безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе и этакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ, чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

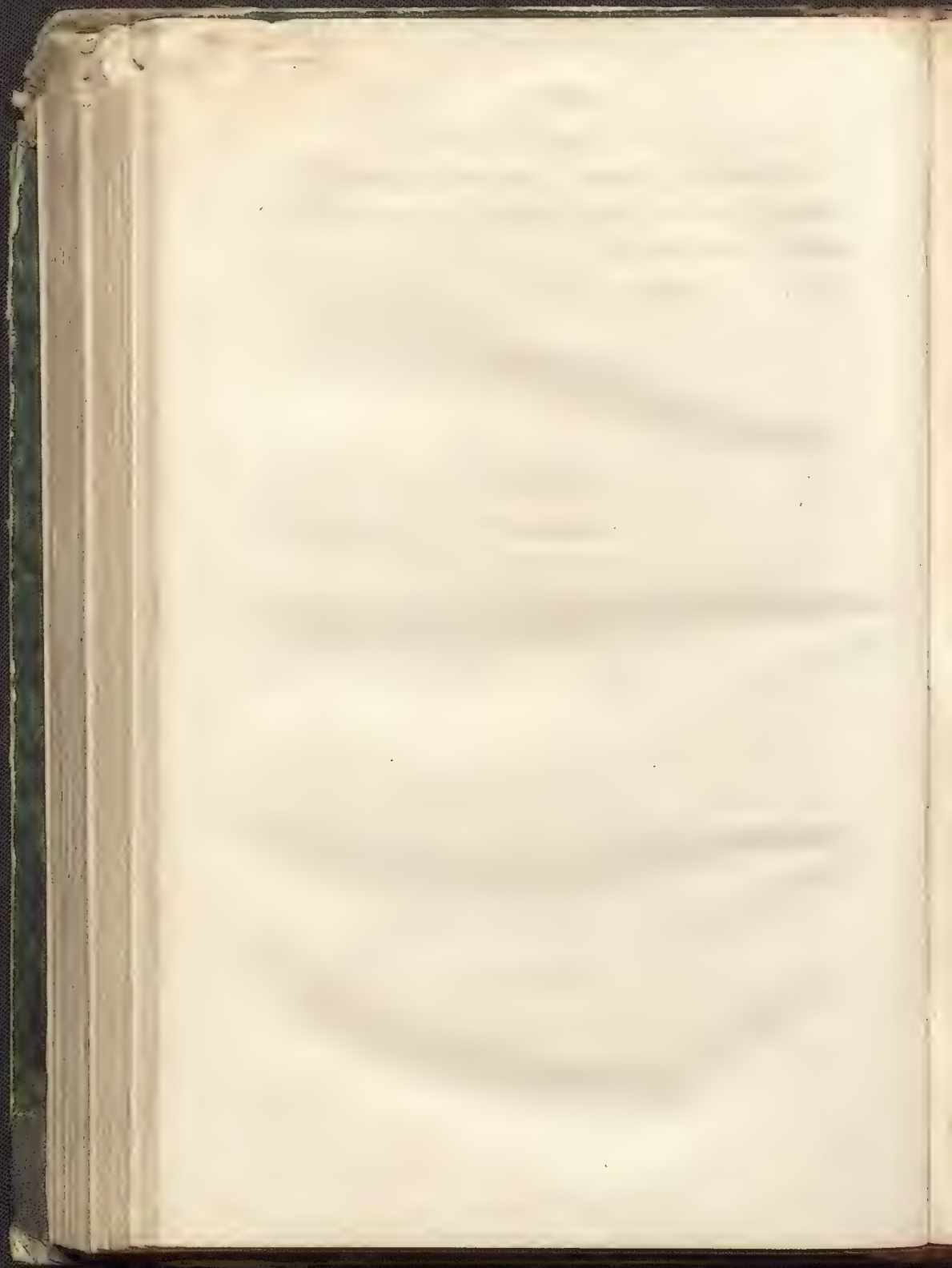
КОЧКАРЕВЪ.

Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его. (*Уходитъ.*)

ОБЛА:

Да, поди ты, вороти! Дѣла-то свадебнаго не знаешь, что ли? Еще еслибы въ двери выбѣжалъ — ино дѣло, а ужъ коли женихъ, да шмыгнулъ въ окно — ужъ тутъ, просто, мое почтенье!

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

и

ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.

(съ 1832 по 1837 годъ.)

THE HISTORY OF

THE CITY OF LONDON

ШРОЖШ.

Дѣла давно минувшихъ дней.

И Г Р О К И.

Комната въ городскомъ трактирѣ.

Я В Л Е Н І Е I.

ИХАРЕВЪ *выходитъ въ сопровожденіи трактирнаго слуги, АЛЕКСѢЯ и своего собственнаго,*

ГАВРІЮШКИ.

АЛЕКСѢЙ.

Пожалуйте-съ пожалуйста. Вотъ-съ покойчикъ! ужъ самый покойный, и шуму нѣтъ вовсе.

ИХАРЕВЪ.

Шуму нѣтъ, да чай, коннаго войска вдоволь, скакуновъ?

АЛЕКСѢЙ.

То есть, изволите говорить на-счетъ блохъ? ужъ будьте покойны. Если блоха, или клопъ укуситъ, ужъ это наша отвѣтственность: ужъ на томъ стоимъ.

ИХАРЕВЪ, Гаврюшкѣ.

Ступай выносить изъ коляски. (*Гаврюшка уходитъ. Алексѣю.*) Тебя какъ зовутъ?

АЛЕКСѢЙ.

Алексѣй-сь.

ИХАРЕВЪ.

Ну, послушай: (*значительно*) рассказывай, кто у васъ живетъ?

АЛЕКСѢЙ.

Да живутъ теперь много. Всѣ номера почти заняты.

ИХАРЕВЪ.

Кто жъ именно?

АЛЕКСѢЙ.

Швохневъ Петръ Петровичъ, Кругель полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

ИХАРЕВЪ.

Играютъ?

АЛЕКСѢЙ.

Да вотъ ужъ шесть ночей сряду играютъ!

ИХАРЕВЪ.

Пара цѣлковиковъ! (суетъ ему въ руку).

АЛЕКСѢЙ, кланяясь.

Покорнѣйше благодарю.

ИХАРЕВЪ.

Послѣ еще будетъ.

АЛЕКСѢЙ.

Покорнѣйше-съ благодарю.

ИХАРЕВЪ.

Между собой играютъ?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, недавно обыграли поручика Артуновскаго; у князя Шенькина выиграли тридцать-шесть-тысячъ.

ИХАРЕВЪ.

Вотъ тебѣ еще красная бумажка! а если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ-съ, они сами брали вмѣстѣ.

ИХАРЕВЪ.

Да у кого?

АЛЕКСѢЙ.

Да у здѣшняго купца Вахрамейкина.

ИХАРЕВЪ.

Врешь, врешь, плуть!

АЛЕКСѢЙ.

Ейбогу!

ИХАРЕВЪ.

Хорошо. Мы съ тобой потолкуемъ ужò (*Гаврюшка вноситъ шкатулку.*) Ставь ее здѣсь. Теперь ступайте, приготовьте мнѣ умываться и бриться. (*Слуги уходятъ.*)

Я В Л Е Н І Е II.

ИХАРЕВЪ, одинъ. *Отпираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами.*

Каковъ видъ, а? Каждая дюжина золотая! Потомъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до-сихъ-поръ рябить въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь за тò, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она заповѣдная колодушка — просто перлъ!

За то жъ ей и имя дано: да, Аделаида Ивановна. Послужилка ты мнѣ, душенька такъ, какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ также восемьдесятъ-тысячъ, такъ я тебѣ, пріѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю; въ

Москвѣ закажу. (Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку.)

Я В Л Е Н І Е III.

АЛЕКСѢЙ И ГАВРІЮШКА несутъ лаханку, рукомойникъ и полотенце.

ИХАРЕВЪ.

Что, эти господа гдѣ теперь? дома?

АЛЕКСѢЙ.

Да-съ, они теперь въ общей залѣ.

ИХАРЕВЪ.

Пойду взглянуть на нихъ, что за народъ
(уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е IV.

АЛЕКСѢЙ И ГАВРІЮШКА.

АЛЕКСѢЙ.

Что, издалека ѣдете?

ГАВРІЮШКА.

А изъ Рязани.

АЛЕКСѢЙ.

А сами тамошней губерніи?

ГАВРІЮШКА.

Нѣтъ, сами изъ Смоленской.

АЛЕКСѢЙ.

Такъ-съ. Такъ помѣстье то-выходить въ Смоленской губерніи?

ГАВРЮШКА.

Нѣтъ, не въ Смоленской. Въ Смоленской сто душъ, да въ Калужской восемьдесятъ.

АЛЕКСѢЙ.

Понимаю, въ двухъ, то есть, губерніяхъ.

ГАВРЮШКА.

Да въ двухъ губерніяхъ. У насъ одной двори: Игнатій буфетчикъ, Павлушка, который прежде съ баринномъ ѣздилъ, Герасимъ лакей, Иванъ тоже опять лакей, Иванъ псарь, Иванъ опять музыкантъ, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семень, Варухъ садовникъ, Дементій кучеръ, вотъ какъ у насъ!

Я В Л Е Н І Е V.

ТѢ ЖЕ, КРУГЕЛЬ, ШВОХНЕВЪ, *осторожно* входя.

КРУГЕЛЬ.

Право, я боюсь, чтобы онъ насъ не засталъ здѣсь.

ШВОХНЕВЪ.

Ничего; Степанъ Ивановичъ его удержитъ.
(Алексѣю) Ступай, братъ, тебя зовутъ! (Але-

кстѣй уходитъ; Швохневъ подхотд поспѣшно къ Гаврюшкѣ) Откуда баринъ?

ГАВРЮШКА.

Да теперъ изъ Рязани.

ШВОХНЕВЪ.

Помѣщикъ?

ГАВРЮШКА.

Помѣщикъ.

ШВОХНЕВЪ.

Играетъ?

ГАВРЮШКА.

Играетъ.

ШВОХНЕВЪ.

Вотъ тебѣ красуля: (даетъ ему бумажку) разсказывай все!

ГАВРЮШКА.

Да вы не скажете барину?

ОБА.

Ни ни, не бойся.

ШВОХНЕВЪ.

Что, какъ онъ теперъ, въ выигрышъ? а?

ГАВРЮШКА.

Да вы полковника Чеботарева не знаете?

ШВОХНЕВЪ.

Нѣтъ, а что?

ГАВРЮШКА.

Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на восемьдесятъ-тысячъ деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да коверъ, да золотыхъ эполетъ сколько-то паръ, одной выигли дали на 600 рублей.

ШВОХНЕВЪ, *взглянувъ на Кругеля значительно.*

А? восемьдесятъ-тысячъ!

КРУГЕЛЬ *покачалъ головою.*

ШВОХНЕВЪ.

Думаешь на-чисто? Это мы сейчасъ узнаемъ. Гаврюшка, послушай: когда баринъ остается дома одинъ, что дѣлаетъ?

ГАВРЮШКА.

Да какъ что дѣлаетъ? Известно что дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо: онъ ничего не дѣлаетъ.

ШВОХНЕВЪ.

Врешь, чай картъ изъ рукъ не выпускаетъ?

ГАВРЮШКА.

Не могу знать, я съ бариномъ всего двѣ недѣли ѣзжу; прежде все Павлушка ѣздилъ. У насъ тоже есть Герасимъ лакей, опять Иванъ

лакей, Иванъ псарь, Иванъ музыкантъ, Дементій кучеръ, да намени изъ деревни одного взяли.

ШВОХНЕВЪ, Кругелю.

Думаешь шуллеръ?

КРУГЕЛЬ.

И очень можетъ быть.

ШВОХНЕВЪ.

А попробовать, все-таки попробуемъ (оба убогаются.)

Я В Л Е Н І Е V.

ГАВРЮШКА, одинъ.

Проворные господа! а за бумажку спасибо. Будетъ Матреинъ на чепецъ, да пострѣлятамъ тоже по прянику. Эхъ люблю походную жизнь! Ужъ всегда что-нибудь пріобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить чего-нибудь — все ужъ съ рубля гривенникъ положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, что за житье господамъ на свѣтъ! куда хошь катать! Въ Смоленскѣ наскучило, поѣхалъ въ Рязань, не захотѣлъ въ Рязань — въ Казань, въ Казань не захотѣлъ, валяй подъ самый Ярославъ. Вотъ только до-сихъ-поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярный, Рязань или Казань. — Казань будетъ потому партикулярный, что въ Казани....

томъ IV.

Я В Л Е Н І Е VI.

ИХАРЕВЪ, ГАВРЮШКА, ПОТОМЪ АЛЕКСЪЙ.

ИХАРЕВЪ.

Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, какъ мнѣ кажется. А впрочемъ.... Эхъ хотѣлось бы мнѣ ихъ обчистить! Господи Боже, какъ бы хотѣлось! Какъ, подумаешь, право сердце бьется. (Беретъ щотку, мыло, садится передъ зеркаломъ и начинаетъ бриться.) Просто, рука дрожить, никакъ не могу бриться. (Входитъ Алексѣй.)

АЛЕКСЪЙ.

Не прикажете ли чего покушать?

ИХАРЕВЪ.

Какже, какже! Принеси закуску на четыре человѣка: икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчасъ его (указывая на Гаврюшку.)

АЛЕКСЪЙ Гаврюшкѣ.

Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ приготовлено (Гаврюшка уходитъ.)

ИХАРЕВЪ, продолжая бриться

Послушай! много они тебѣ дали!

АЛЕКСЪЙ.

Кто-съ?

ИХАРЕВЪ.

Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

АЛЕКСѢЙ.

Да-съ, за прислугу пожаловали.

ИХАРЕВЪ.

Сколько? пятьдесятъ рублей?

АЛЕКСѢЙ.

Да-съ пятьдесятъ рублей дали.

ИХАРЕВЪ.

А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столъ лежитъ сторублевая бумажка. Возьми ее, чего боишься, не укусить; отъ тебя не требуется больше ничего, какъ только честности, понимаешь? Карты пусть будутъ у Вахрамеевкына или другаго купца, это не мое дѣло, а вотъ тебѣ въ придачу отъ меня дюжинну. (*Даетъ ему запечатанную дюжинну.*) Понимаешь?

АЛЕКСѢЙ.

Да ужъ какъ не понять? Извольте положить-ся, это ужъ наше дѣло.

ИХАРЕВЪ.

Да карты спрячь хорошенько, чтобъ какъ-нибудь не ощупали, или не увидѣли. (*Кладетъ щотку и мыло и вытирается полотенцемъ.* Алексѣй

уходитъ.) Хорошо бы было и очень бы хорошо. А ужъ какъ, признаюсь хочется поддѣть ихъ.

Я В Л Е Н І Е VII.

ШВОХНЕВЪ, КРУГЕЛЬ И СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ
УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, *входятъ съ поклонами.*

ИХАРЕВЪ, *съ поклономъ къ нимъ на-
острѣчу.*

Прошу простить. Комната, какъ видите, не
красна углами: четыре стула всего.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Привѣтливыя ласки хозяина дороже всякихъ
удобствъ.

ШВОХНЕВЪ.

Не съ компаніей жить, а съ добрыми людьми.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Именно правда. Я бы не могъ быть безъ об-
щества. (Кругелю) Помнишь, почтеннѣйшій, какъ
я прѣхалъ сюда: одинъ однихонекъ. Вообра-
зите: знакомыхъ никого. Хозяйка старуха. На
лѣстницѣ какал-то поломойка, уродъ естествен-
нѣйшій; вижу, увивается около нея какой-то
армейщина, видно, натошакъ.... Словомъ, скука
смѣртная. Вдругъ судьба послала вотъ его, а по-

томъ случай свелъ съ нимъ.... Ну, ужъ какъ я былъ радъ. Не могу часу пробыть безъ дружескаго общества — все, что ни есть на душѣ, готовъ рассказать каждому.

КРУГЕЛЬ.

Это, братъ, порокъ твой, а не добродѣтель. Излишество вредить. Ты, вѣрно, ужъ не разъ былъ обманутъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки не могу безъ откровенности.

КРУГЕЛЬ.

Ну, признаюсь, это для меня не понятно: быть откровенну со всякимъ. Дружба, это другое дѣло.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Такъ; но человѣкъ принадлежитъ обществу.

КРУГЕЛЬ.

Принадлежить, но не весь.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Нѣтъ, весь.

КРУГЕЛЬ.

Нѣтъ, не весь.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Нѣтъ, весь.

ШВОХНЕВЪ, Утѣшительному.

Не спорь, братъ, ты не правъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, горлчась.

Нѣтъ я докажу. Это обязанность.... Это, это, это.... это долгъ! это, это, это.

ШВОХНЕВЪ.

Ну, зарапортовался! горячь необыкновенно: еще первыя два слова изъ того, что онъ говорить, можно понять, а ужъ дальше ничего не поймешь.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ объявляю, господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право увлекусь. Точно хмѣль какой-то, а жолчь такъ и кипить, такъ и кипить.

ИХАРЕВЪ, про-себя.

Ну, нѣтъ пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ обязанность. У тебя, можетъ быть, и кипить жолчь, да только не въ этомъ случаѣ. (вслухъ) А что,

господа, покаместъ споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣсть ли намъ въ банчикъ?

(Въ продолженіе ихъ разговора приготовленъ на столъ завтракъ.)

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Извольте, если не въ большую игру, почему нѣтъ.

КРУГЕЛЬ.

Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не прочь.

ИХАРЕВЪ.

А что, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, есть карты?

ШВОХНЕВЪ.

О, только прикажите!

ИХАРЕВЪ.

Карты! *(Алексѣй хлопочетъ около карточного стола)* А между-тѣмъ прошу, господа *(указывая рукой на закуску и подходя къ ней.)* Балыкъ, кажется, не того, а икра еще такъ и сыкъ.

ШВОХНЕВЪ, посылалъ въ ротъ кусокъ.

Нѣтъ, и балыкъ того.

КРУГЕЛЬ, также.

И сыръ хорошъ. Икра тоже не дурна.

ШВОХНЕВЪ, Кругемо.

Помнишь, какой отличный сыръ ѣли мы недѣли двѣ тому назадъ?

КРУГЕЛЬ.

Нѣтъ, никогда въ жизни не позабуду я сыра, который ѣлъ я у Петра Александровича Александрова.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да вѣдь сыръ, почтеннѣйшій, когда хорошъ! Хорошъ онъ тогда, когда, сверхъ одного обѣда, наворотнишь другой — вотъ гдѣ его настоящее значеніе. Онъ все равно, что добрый кватер-мистръ, говорить: «добро пожаловать, господа, есть еще мѣсто».

ИХАРЕВЪ.

Добро пожаловать, господа, карты на столъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, подходя къ карточному столу.

А, вотъ оно старина, старина! Слышь, Швохневъ, карты, а? сколько лѣтъ....

ИХАРЕВЪ, въ-сторону.

Да полно тебѣ корчить!...

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Хотите вы держать барчикъ?

ИХАРЕВЪ.

Небольшой, извольте, пять-сотъ рублей. Угодно снять? (*мечетъ банкъ.*)

Начинается игра. Раздаются восклицанія:

ШВОХНЕВЪ.

Четверка, тузъ, — оба по десяти.

УТЪШИТЕЛЬНЫЙ.

Подайка, братъ, мнѣ свою колоду: я выберу себѣ карту на счастье нашей губернской предводительши.

КРУГЕЛЬ.

Позвольте присовокупить девяточку.

УТЪШИТЕЛЬНЫЙ.

Швохневъ, подай мѣлѣ. Приписываю и списываю.

ШВОХНЕВЪ.

Чортъ побери, пароле!

УТЪШИТЕЛЬНЫЙ.

И пять рублей мазу!

КРУГЕЛЬ.

Атанде! позвольте посмотреть, кажется, еще двѣ тройки должны быть въ колодѣ.

УТЪШИТЕЛЬНЫЙ, *всканиваетъ съ мѣста, про-себя.*

Чортъ побери, тутъ что-то не такъ, карты другія, это очевидно.

(Игра продолжается.)

ИХАРЕВЪ, Кругелю.

Позвольте узнать: объ идуть?

КРУГЕЛЬ.

Объ.

ИХАРЕВЪ.

Не возвышаете?

КРУГЕЛЬ.

Нѣтъ.

ИХАРЕВЪ, Швохнесу.

А вы что жъ? не ставите?

ШВОХНЕВЪ.

Позвольте мнѣ эту талию переждать. (*Встаетъ со стула, торопливо подходитъ къ Утѣшительному и говоритъ скоро:)* Чортъ возьми, братъ! И передергиваетъ, и все что хочешь! Шуллеръ первой степени!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, съ солданин.

Не ужели однакожъ отказаться отъ восьми-десяти-тысячъ?

ШВОХНЕВЪ.

Конечно, надо отказаться, когда нельзя взять.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ну, это еще вопросъ, а пока надо съ нимъ объясниться!

ШВОХНЕВЪ.

Какъ?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Открыться ему во всемъ.

ШВОХНЕВЪ.

Для чего?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Послѣ скажу. Пойдемъ. (*Подходятъ оба къ Ихареву и ударяютъ его съ обѣихъ сторонъ по плечу.*)

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да полно вамъ тратить попусту заряды.

ИХАРЕВЪ, *вздвигнувъ.*

Какъ?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да что тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?

ИХАРЕВЪ, *утихо.*

Позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ я долженъ разумѣть?....

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да просто, безъ дальнѣйшихъ словъ и церемоній. Мы видѣли ваше искусство и, повѣрьте, умѣемъ отдавать справедливость достоинству. И потому отъ лица нашихъ товарищей предлагаю

вамъ дружескій союзъ. Соединя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣе, чѣмъ порознь.

ИХАРЕВЪ.

Въ какой степени я долженъ понимать справедливость словъ вашихъ?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да вотъ въ какой степени: за искренность мы платимъ искренностью. Мы признаемся тутъ же вамъ откровенно, что сговорились обыграть васъ, потому-что приняли васъ за человека обыкновеннаго. Но теперь видимъ, что вамъ знакомы высшія тайны. Итакъ хотите ли принять нашу дружбу?

ИХАРЕВЪ.

Отъ такого радушнаго предложенія не могу отказаться.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Итакъ, подадимте же другъ другу руки. (*Всѣ попеременно пожимаютъ руку Ихареву.*) Отнынѣ же все общее; притворство и церемоніи въ сторону! Позвольте узнать, съ какихъ поръ начали изслѣдывать глубину познаній?

ИХАРЕВЪ.

Признаюсь, это съ самыхъ юныхъ лѣтъ было моимъ стремленіемъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Я такъ и полагалъ. Подобное искусство не можетъ быть пріобрѣтено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества. — Помнишь, Швохневъ, этого необыкновеннаго ребенка?

ИХАРЕВЪ.

Какого ребенка?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

А вотъ расскажи?

ШВОХНЕВЪ.

Подобнаго событія я никогда не позабуду. Говорить мнѣ его зять (указывая на Утѣшительнаго) Андрей Ивановичъ Пяткинъ: «Швохневъ, хочешь видѣть чудо? Мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сынъ Ивана Михайловича Кубышева, передергиваетъ съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ! Поѣзжай въ тетюшскій уѣздъ и посмотри!» Я, признаюсь, тотъ же часъ отправился въ тетюшскій уѣздъ. Спра-

пннваю деревню Ивана Михайловича Кубышева и прїѣзжаю прямо къ нему. Приказываю о себѣ доложить. Выходитъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ. Я рекомендую, говорю: извините, я слышалъ, что Богъ наградилъ васъ необыкновеннымъ сыномъ. «Да, признаюсь, говоритъ (и мнѣ поправилось то, что безъ всякихъ, понимаете, этихъ претензій и отговорокъ.) Да, говоритъ, точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственнаго сына, но это дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ чудо. Миша! говоритъ, поди-ка сюда, покажи гостю искусство!» Ну, мальчикъ, просто, ребенокъ, мнѣ по плечо не будетъ, и въ глазахъ ничего нѣтъ особеннаго. Началъ онъ метать: я просто потерялся. Это превосходитъ всякое описаніе.

ИХАРЕВЪ.

Неужто ничего нельзя было примѣтить?

ШВОХНЕВЪ.

Ни-ни, никакихъ слѣдовъ! я смотрѣлъ въ оба глаза.

ИХАРЕВЪ.

Это непостижимо!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Феномень, феномень!

ИХАРЕВЪ.

И какъ я подумаю, что при этомъ еще нужны познанія, основанныя на остротѣ глазъ, внимательное изученіе крапа.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да вѣдь это очень облегчено теперь. Теперь накрапливанье и отмѣтины вышли вовсе изъ употребленія; стараются изучить ключъ.

ИХАРЕВЪ.

То есть ключъ рисунка?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да, ключъ рисунка обратной стороны: Есть въ одномъ городѣ, въ какомъ именно — я не хочу называть, одинъ почтеннѣйшій человекъ, который больше ничѣмъ ужъ не занимается, какъ только этимъ. Ежегодно получаетъ онъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ комода, отъ кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы разобрать крапъ всякой карты и послать отъ себя только ключъ. Смотримъ, у двойки вотъ какъ расположенъ рисунокъ! у такой-то вотъ какъ! За это одно онъ получаетъ чистыми деньгами пять тысячъ въ годъ.

ИХАРЕВЪ.

Это однакожъ важная вещь.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да, оно впрочемъ такъ и быть должно. Это то, что называется въ политической экономіи распределение работъ. Все равно каретникъ: вѣдь онъ не весь же экипажъ дѣлаетъ самъ, онъ отдаетъ и кузнецу и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человѣческой.

ИХАРЕВЪ.

Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: какъ поступали вы доселѣ, чтобы пустить въ ходъ колоды? Подкупать слугъ, вѣдь не всегда можно.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Сохрани Богъ! да и опасно. Это значить иногда самого-себя продать. Мы дѣлаемъ это иначе. Одинъ разъ мы поступили вотъ какъ: пріѣзжаетъ на ярмарку нашъ агентъ, останавливается подъ именемъ купца въ городскомъ трактирѣ; лавки еще не успѣлъ нанять; сундуки и выюки пока въ комнатѣ. Живетъ онъ въ трактирѣ, издерживается, ѣстъ, пьетъ и вдругъ пропадаетъ неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шарить въ комнатѣ; видитъ, остался одинъ выюкъ; распечатываетъ — сто дюжинъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго

торгу; пустили рубликомъ дешевле, купцы
вмигъ расхватили въ свои лавки; а въ четыре дня
проигрался весь городъ.

ИХАРЕВЪ.

Это очень ловко.

ШЕОХНЕВЪ.

Ну, а у того, у помещика?

ИХАРЕВЪ.

Что у помещика.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

А это дѣло тоже было поведено не дурно. Не
знаю, знаете ли вы, есть помещикъ Аркадій Ан-
дреевичъ Дергуновъ, богатѣйшій человекъ. Игру
ведетъ отличную, честности безпримѣрной, къ
поползновенью, понимаете? никакихъ путей: за
всѣмъ смотреть самъ, люди у него воспитаны,
камергеры, домъ—дворецъ, сады все это по ан-
глійскому образцу; словомъ, русскій баринъ, въ
полномъ смыслѣ слова. Мы живемъ ужъ у него
три дня. Какъ приступить къ дѣлу? — просто,
нѣтъ возможности! Наконецъ придумали: въ
одно утро пролетаетъ мимо самого двора тройка.
На телегѣ сидятъ молодцы. Все это пьяно, какъ
нельзя больше, орётъ пѣсни и тудеть во весь
опоръ. На такое зрѣлище, какъ водится, выбѣ-

жала вся дворня. Ротозвѣютъ, смѣются и замѣчаютъ, что изъ телеги что-то выпало, подбѣгаютъ, видятъ чемоданъ. Машутъ, кричатъ: «остановись!» — куда! никто не слышитъ, умчался, только пыль осталась по всей дорогѣ. Развязали чемоданъ, видятъ: бѣлье, кое-какое платье, двѣсти рублей денегъ и дюжины сорокъ картъ. Ну, натурально, отъ денегъ не захотѣли отказаться люди, карты пошли на барскіе столы, и на другой же день, ввечеру, всѣ, и хозяинъ и гости, остались безъ копейки въ карманѣ, и кончился банкъ.

ИХАРЕВЪ.

Очень остроумно! Вѣдь вотъ называютъ это плутовствомъ и разными подобными именами, а вѣдь это тонкость ума, развитіе.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Эти люди не понимаютъ игры. Въ игрѣ нѣтъ лицепріятія. Игра не смотритъ ни на что. Пусть отецъ сядетъ со мною въ карты — я обыграю отца, не садись. Здѣсь всѣ равны.

ИХАРЕВЪ.

Именно, этого не понимаютъ, что игрокъ можетъ быть добродѣтельныйшій человекъ. Я знаю

одного, который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копейку. А между-тѣмъ ни за что не откажется соединиться втроемъ противъ одного обыграть на-вѣрняка. Но, господа, такъ-какъ пошло на откровенность, я вамъ покажу удивительную вещь: знаете ли вы то, что называютъ сводная или подобранная колода, въ которой всякая карта можетъ быть угадана мною на значительномъ разстояніи?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Знаю, но можетъ-быть другаго рода.

ИХАРЕВЪ.

Могу вамъ похвастаться, что подобной нигдѣ не сыщете. Почти полгода трудовъ. Я двѣ недѣли послѣ того не могъ на солнечный свѣтъ смотреть. Докторъ опасался воспаленія въ глазахъ. (*Вынимаетъ изъ шкатулки.*) Вотъ она! За то ужъ, не прогнѣвайтесь, она у меня носить имя, какъ человекъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Какъ, имя?

ИХАРЕВЪ.

Да, имя: Аделаида Ивановна.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, *улыхался.*

Слышь, Швохневъ, вѣдь это совершенно новая идея, назвать колоду картъ Аделандой Ивановной. Я нахожу даже это очень остроумнымъ.

ШВОХНЕВЪ.

Прекрасно: Аделанда Ивановна! очень хорошо!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Аделанда Ивановна! пѣйка даже! слышь, Кругель, это тебѣ жена.

КРУГЕЛЬ.

Что я за пѣмецъ? Дѣдъ былъ пѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-пѣмечки.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, *разсматривая колоду.*

Это точно сокровище. Да, никакихъ совершенно признаковъ. Неужели, однакожъ, всякая карта можетъ быть вами угадана на какомъ угодно разстояніи?

ИХАРЕВЪ.

Извольте, я стану отъ васъ въ пяти шагахъ и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готовъ асикурировать, если ошибусь.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ну, это какая карта?

ИХАРЕВЪ.

Семерка.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Такъ точно. Эта?

ИХАРЕВЪ.

Валетъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Чортъ возьми, да! Ну эта?

ИХАРЕВЪ.

Тройка.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Непостижимо!

КРУТЕЛЬ, пожимая плечами.

Непостижимо!

ШВОХНЕВЪ.

Непостижимо!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Позвольте еще разъ рассмотреть. (*Разсматривая колоду.*) Удивительная вещь! стоитъ того, чтобы назвать ее пменемъ. Но позвольте замѣтить: употребить ее въ дѣло трудно; развѣ съ игрокомъ слишкомъ неопытнымъ: вѣдь надо подмѣнить самому.

ИХАРЕВЪ.

Да вѣдь это дѣлается только во время самой жаркой игры. Когда игра возвысится до того,

что и самый опытный игрокъ дѣлается неспокойнымъ; а потеряйся только немного человѣкъ, съ нимъ можно все сдѣлать. Вы знаете, что съ лучшими игроками случается то, что называютъ, заиграться. Какъ поиграеть сряду два дня и двѣ ночи, не поспавши, ну и заиграется. Въ азартной игрѣ я всегда подмѣню колоду. Повѣрьте, вся штука въ томъ, чтобы быть хладнокровнымъ тогда, когда другой горячится, а средствъ, отвлечь вниманіе другихъ — есть тысяча. Придеритесь тутъ же къ кому-нибудь изъ понтеровъ, скажите, что у него не такъ записано: глаза всѣхъ обратятся на него, а въ это время колода уже и подмѣнена.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Но однако же я вижу, что кромѣ, искусства, вы владѣете еще достоинствомъ хладнокровія — это важная вещь. Приобрѣтеніе вашего знакомства теперь стало для насъ еще значительный. Будемъ безъ церемоній, оставимъ лишніе этикетъ и станемъ говорить другъ другу «ты».

ИХАРЕВЪ.

Этакъ бы давно слѣдовало.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Человѣкъ, шампанскаго! въ память дружескаго союза!

ИХАРЕВЪ.

Именно это стоить того, чтобы выпить.

ШВОХНЕВЪ.

Да вѣдь вотъ, мы собрались для подвиговъ, орудія всѣ у насъ въ рукахъ, силы есть, одного недостаетъ только.

ИХАРЕВЪ.

Именно, именно, крѣпости недостаетъ только, на которую бы идти, вотъ бѣда!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Что жъ дѣлать? непріятеля пока нѣтъ. (Смотря пристально на Швохнева.) Что? у тебя какъ-будто лицо такое, которое хочетъ сказать, что есть непріятель.

ШВОХНЕВЪ.

Есть, да... (останавливается.)

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Знаю я, на кого ты мѣтешь.

ИХАРЕВЪ, съ ясностью.

А на кого, на кого? кто это?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Э, вздоръ, вздоръ! Онъ выдумалъ, пустяки.

Вотъ видите ли, есть здѣсь одинъ пріѣзжій помѣщикъ, Михайло Александровичъ Гловъ. Ну, да что объ этомъ толковать, когда онъ не играетъ вовсе. Мы ужъ возились около него.... Я мѣсяцъ за нимъ ухаживалъ, и въ дружбу и въ доверенность вошелъ, а все ничего не сдѣлалъ.

ИХАРЕВЪ.

Ну, да послушай, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться съ нимъ. Можетъ-быть, почему знать....

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ну я тебѣ впередъ говорю, что это будетъ вовсе напрасный трудъ.

ИХАРЕВЪ.

Ну да попробуемъ еще разъ.

ИЗВОХНЕВЪ.

Ну да приведи его по-крайней-мѣрѣ. Ну не успѣемъ, поговоримъ просто. Почему не попробовать?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да пожалуй, мнѣ ничего это не значитъ, я приведу его.

ИХАРЕВЪ.

Приведи его теперь же, пожалуйста!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Изволь, изволь. (Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е IX.

тѣ же, *кромя* утѣшительнаго.

ИХАРЕВЪ.

Вѣдь точно, почему знать, иногда дѣло кажется совсѣмъ невозможное.

ШВОХНЕВЪ.

Я самъ того же мнѣнія. Вѣдь не съ богами здѣсь имѣемъ дѣло, а съ человѣкомъ; а человѣкъ все-таки человѣкъ. Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ, послѣзавтра нѣтъ, а на четвертый день, какъ насядешь на него хорошенько, скажетъ да. Иной вѣдь съ виду корчитъ, что онъ недоступный, а разгляди его поближе, увидишь просто: даромъ тревогу подымалъ.

КРУТЕЛЬ.

Ну однакожъ этотъ не таковъ.

ИХАРЕВЪ.

Эхъ если бы!... Повѣрить нельзя, какъ возродилась во мнѣ теперь жажда къ дѣятельности. Надо вамъ знать, что послѣдній мой выигрышъ восемьдесятъ тысячъ у полковника Чеботарева былъ сдѣланъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Съ-тѣхъ-поръ я не имѣлъ практики въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Представить не можете, какую

испыталъ я скуку во все это время! Скука, скука смертная!

ШВОХНЕВЪ.

Я понимаю это положеніе. Это все равно, что полководецъ: что онъ долженъ чувствовать, когда нѣтъ войны? Это, любезнѣйшій, просто, фатальный антрактъ. Я знаю по себѣ, съ этимъ нечего шутить.

ИХАРЕВЪ.

Повѣришь ли, приходитъ такъ, что еслибы кто сдѣлалъ пять рублей банку — я готовъ съѣсть и играть.

ШВОХНЕВЪ.

Естественная вещь. Этакъ проигрывались иногда искуснѣйшіе игроки: стоскуется, работы нѣтъ, и наскочить съ-горя на одного изъ тѣхъ, которыхъ называютъ голъ и перетыка — ну, и проиграется ни за что.

ИХАРЕВЪ.

А богатъ этотъ Гловъ?

КРУТЕЛЬ.

О! деньги есть. Кажется около тысячи душъ крестьянъ.

ИХАРЕВЪ.

Эхъ, чортъ возьми, подпоить развѣ его, шампанскаго вельтъ подать.

ШВОХНЕВЪ.

Въ ротъ не беретъ.

ИХАРЕВЪ.

Что жъ съ нимъ дѣлать? Какъ подъѣхать? Нѣтъ однакожъ, все я думаю.... вѣдь игра соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, еслибы онъ подсылъ только къ играющимъ, онъ бы не утерпѣлъ потомъ.

ШВОХНЕВЪ.

Да вотъ мы попробуемъ. Мы вотъ здѣсь въ сторонѣ съ Кругелемъ сдѣлаемъ самую маленькую игру. Но не нужно оказывать большаго вниманія къ нему, старики подозрительны (*сидятъ въ сторонѣ съ картами.*)

Я В Л Е Н І Е X.

тѣ же, утѣшительный и михайло Александровичъ Гловъ (*человѣкъ почтенныхъ лѣтъ.*)

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Вотъ тебѣ, Ихаревъ, рекомендую: Михайло Александровичъ Гловъ.

ИХАРЕВЪ.

Я, признаюсь, давно искалъ этой чести. Живу въ одномъ трактирѣ...

ГЛОВЪ.

Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выѣздѣ.

ИХАРЕВЪ, подавая ему стулъ.

Прошу покорнѣйше!... Давно изволите жить въ этомъ городѣ?

*(Утѣшительный, Шведхневъ и Кругель
перешоптываются между собою.)*

ГЛОВЪ.

Ахъ, батюшка, ужъ онъ мнѣ такъ надоѣлъ, этотъ городъ: и тѣломъ и душою радъ бы поскорѣе отсюда вырваться.

ИХАРЕВЪ.

Что жъ, удерживаютъ дѣла?....

ГЛОВЪ.

Дѣла, дѣла, такая комиссія мнѣ эти дѣла!

ИХАРЕВЪ.

Вѣроятно, тяжба?

ГЛОВЪ.

Нѣтъ. Слава Богу, тяжбы нѣтъ, но тѣмъ не менѣе затруднительныя обстоятельства. Выдаю за-мужъ дочь, батюшка, восемнадцатилѣтнюю дѣвицу. Понимаете ли вы отповское положеніе? Пріѣхалъ за разными покупками, а глав-

ное заложить имѣніе. Дѣло бы уже все конечно, да приказъ денегъ до-сихъ-поръ не выдать. Даромъ совершенно живу.

ИХАРЕВЪ.

А позвольте узнать, въ какую сумму изволили заложить имѣніе?

ГЛОВЪ.

Въ двухъ-стахъ-тысячахъ. На дняхъ бы должны выдать, да вотъ затянулось. А мнѣ ужъ такъ опротивѣло здѣсь жить! Дома-то, знаете, все это оставилъ на самое короткое время. Дочь невѣста. Все это ждетъ.... Я ужъ рѣшился не дожидаться и бросить все.

ИХАРЕВЪ.

Какже? и денегъ не хотите дожидаться?

ГЛОВЪ.

Что жъ дѣлать, батюшка, вы рассмотрите и мое положеніе: вѣдь вотъ ужъ мѣсяць, какъ не видался съ женой и дѣтьми; писемъ даже не получаю. Богъ вѣсть, что тамъ дѣлается. Я ужъ все дѣло поручаю сыну, который здѣсь остается. Надоело возиться. (*Обращаясь къ Швохневу и Кругелю*).... А что вы, господа? я, кажется, вамъ помѣшалъ: вы чѣмъ-то занимались?

КРУГЕЛЬ.

Вздоръ. Это такъ. Отъ-нечего-дѣлать, вздумали поиграть.

ГЛОВЪ.

Кажется, что-то похожее на банчикъ?

ШВОХНЕВЪ.

Какое! Для препровожденія времени, грошовый банчикъ.

ГЛОВЪ.

Эхъ, господа, послушайте старика. Вы молодые люди, конечно тутъ ничего нѣтъ худаго, больше для развлеченья; да и въ грошовую игру нельзя много проиграть, все это такъ, но все... эхъ, господа, я самъ игралъ и знаю по опыту. Все на свѣтъ почитается грошовымъ дѣломъ, а смотришь, маленькая игра какъ-разъ кончилась большой.

ШВОХНЕВЪ, *Ихареву.*

Ну пошолъ ужъ старикашка плестъ свое. (Глову.) Ну вотъ видите, вы ужъ тотчасъ припишите важное слѣдствіе всякому вздору, это обыкновенная замашка всѣхъ пожилыхъ людей.

ГЛОВЪ.

Да что жъ, вѣдь я еще не такъ пожилой чело-
вѣкъ, я сужу по опыту.

ШВОХНЕВЪ.

Я не объ васъ буду говорить; но вообще у стариковъ есть это; на примѣръ, если они на чемъ-нибудь обожглись, они твердо увѣрены что и другой непременно обожжется на томъ же. Если они пошли какой-нибудь дорогою, да, зазѣвавшись, хлопнулись о гололедъ — они ужъ кричать и выдаютъ правило, что по такой-то дорогѣ никому нельзя ходить, потому-что на ней есть въ одномъ мѣстѣ гололедъ и всякій непременно на ней шлѣпнется лбомъ, никакъ не принимая въ соображеніе того, что другой, можетъ-быть, не зазѣвается, и сапоги у него не на скользкой подошвѣ. Нѣтъ, у нихъ для этого нѣтъ соображенья. Собака укусила человѣка на улицѣ — всѣ кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

ГЛОВЪ.

Такъ, батюшка; оно точно, съ одной стороны есть тотъ грѣхъ. Да вѣдь за то жъ и молодые! Вѣдь ужъ слишкомъ много рыси: того и смотри, что сломить шею!

ШВОХНЕВЪ.

Вотъ то-то и есть, что у насъ нѣтъ середины. Молодежь бѣсится, такъ-что не-въ-терпежъ дру-

гимъ, а подъ-старость прикинется ханжой, такъ-что не-въ-терпежь другимъ.

ГЛОВЪ.

Такого-то вы обиднаго мнѣнія на-счетъ стариковъ.

ШВОХНЕВЪ.

Да штъ, что за обидное мнѣніе, это правда, больше ничего.

ИХАРЕВЪ.

Позволь мнѣ замѣтить: твое мнѣніе рѣзко...

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

На-счетъ картъ я совершенно согласенъ съ Михайломъ Александровичемъ: я самъ игралъ, игралъ сильно; но благодарю судьбу, бросилъ навсегда; не потому, чтобы проигрался, или былъ вооруженъ противъ судьбы; поверьте мнѣ, это еще ничего: проигрышъ не такъ важенъ, какъ душевное спокойствіе. Одно это волненіе, чувствуемое во время игры, кто что ни говори, а это сокращаетъ видимо нашу жизнь.

ГЛОВЪ.

Такъ батюшка, ейбогу! какъ вы премудро замѣтили! Позвольте сдѣлать вамъ нескромный впросъ: сколько времени пмѣю честь пользоваться вашимъ знакомствомъ, а вотъ до-сихъ-поръ...

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Какой вопросъ?

ГЛОВА.

Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вамъ годъ?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Тридцать-девять лѣтъ.

ГЛОВА.

Представьте! Чтò жъ такое тридцать-девять лѣтъ? Еще молодой человекъ. Ну чтò, если бы у насъ въ Россіи было побольше такихъ, которые бы такъ мудро разсуждали? Господи ты Боже мой, чтò бы это было: просто, золотой вѣкъ-съ, та же астрей. Ужъ какъ ейбогу благодаренъ судьбѣ я за то, что познакомился съ вами.

ИХАРЕВЪ.

Повѣрьте мнѣ, я тоже раздѣляю это мнѣніе. Мальчишкамъ я бы не позволилъ и въ руки взять картъ. Но благоразумнымъ людямъ почему не поразвлечься и не позабавиться? Напримѣръ, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцовать.

ГЛОВА.

Такъ, все такъ; но повѣрьте, въ жизни нашей есть столько удовольствій, столько обязанностей,

томъ IV.

такъ сказать, священныхъ. Эхъ господа, послушайте старика! Нѣтъ для чловѣка лучшаго значенія, какъ семейная жизнь, въ домашнемъ кругу. Все это, что васъ окружаетъ, въдь это все волненіе, ейбогу волненіе; а прямаго-то блага вы не вкусили еще. Въдь вотъ я, повѣрите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своихъ, ейбогу! Какъ вообразу: дочь кинется на шею: «папашъ ты мой, милый папашъ!» Сынъ опять прѣхалъ изъ гимназіи... полгода не видалъ... Просто, словъ не достаетъ, ейбогу такъ. Да послѣ этого на карты смотрѣть не захочешь.

ИХАРЕВ

Но зачѣмъ же отеческія чувства мѣшать съ картами? Отеческія чувства сами-по-себѣ, а карты тоже....

АЛЕКСѢЙ, входя, говоритъ Глову.

Вашъ чловѣкъ спрашиваетъ насчетъ чемодановъ: прикажете выносить? Лошади ужъ готовы.

ГЛОВЪ.

А вотъ я сейчасъ! Извините господа, на одну минуточку васъ оставлю. (Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е ХІ.

ШВОХНЕВЪ, ИХАРЕВЪ, КРУГЕЛЬ, УТЪШИТЕЛЬ-
НЫЙ.

ИХАРЕВЪ.

Ну, нѣтъ никакой надежды!

УТЪШИТЕЛЬНЫМЪ.

Я говорилъ это прежде. Не понимаю, какъ вы не можете видѣть челоуѣка. Вѣдь стоитъ только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположенъ играть.

ИХАРЕВЪ.

Ну, да все бы такъ насѣсть на него хорошенько. Ну, зачѣмъ ты самъ его поддерживалъ.

УТЪШИТЕЛЬНЫМЪ.

Да иначе, братецъ, нельзя. Съ этими людьми нужно тонко поступать, не тѣ, какъ разъ догадается, что его хотятъ обыграть.

ИХАРЕВЪ.

Ну, да вѣдь чтѣ жъ вышло изъ того, вѣдь вотъ уѣдетъ все равно.

УТЪШИТЕЛЬНЫМЪ.

Ну да стой, еще не все дѣло кончено!

Я В Л Е Н І Е XII.

ТѢ ЖЕ И ГЛОВА.

ГЛОВА.

Покорѣйше благодарю васъ, господа, за пріятное знакомство. Жаль только, право, что вотъ передъ самымъ концомъ. А впрочемъ авось приведетъ Богъ опять гдѣ-нибудь столкнуться.

ШВОХНЕВЪ.

О, вѣроятно. Дороги битыя, а люди толкутся, какъ не столкнуться? захоти только судьба.

ГЛОВА.

Ейбогу такъ, совершенная правда. Судьба захочетъ, такъ завтра же увидимся — совершенная правда. Прощайте, господа! истинно благодарю! А ужъ вамъ, Степанъ Ивановичъ, такъ обязанъ: право, вы усладили мое уединеніе.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Помилуйте, нѣ за что. Чѣмъ могъ служить, служилъ.

ГЛОВА.

Ну ужъ если вы такъ добры, такъ сдѣлайте еще одну милость, можно ли васъ просить?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Какую? скажите! Все, что угодно, готовъ.

ГЛОВА.

Успокойте старика-отца!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Какъ?

ГЛОВА.

Я оставляю здѣсь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но все еще ненадеженъ: двадцать-два года, ну что за лѣта? почти ребенокъ... Кончилъ учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слышать не хочетъ, какъ объ гусарахъ. Я говорю ему: рано, Саша, погоди, осмотришься прежде! что тебѣ въ гусары, почему знать, можетъ-быть, у тебя штатскія склонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!... Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блестить, шитье, богатый мундиръ. Что жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя.... Такъ будьте такъ великодушны, батюшка, Степанъ Ивановичъ! онъ остается теперь одинъ; я возложилъ на него кое-какія дѣлишки. Молодой человекъ, все можетъ случиться: чтобы приказные какъ-нибудь его не обманули... мало ли чего, такъ возьмите его подъ свое покровительство, надзирайте надъ его поступками, от-

влеките его отъ дурнаго. Будьте такъ добры, батюшка! (*берётъ его за обѣ руки*).

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Извольте, извольте. Все, что можетъ сдѣлать отецъ для своего сына, все это я сдѣлаю для него.

ГЛОВЪ.

Ахъ, батюшка! (*обнимаются и целуются*) Въдь какъ видно, когда у человѣка-то доброе сердце, ейбогу! Богъ васъ наградить за это! Прощайте, господа, отъ души желаю вамъ счастливо оставаться.

ИЗЯРЕВЪ.

Прощайте, до рой дороги!

ШВОХНЕВЪ.

Счастливо найти всѣхъ домашнихъ!

ГЛОВЪ.

Благодарю васъ, господа!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

А я васъ провожу-таки до самой коляски, и посажу!

ГЛОВЪ.

Ахъ, батюшка, какъ вы добры!

Я В Л Е Н І Е XIII.

ШВОХНЕВЪ, КРУГЕЛЬ, ИХАРЕВЪ.

ИХАРЕВЪ.

Улетѣла птица!

ШВОХНЕВЪ.

Да, а было бы чѣмъ поживиться.

ИХАРЕВЪ.

Признаюсь, какъ онъ сказалъ: двѣсти-тысячъ — у меня вздрогнуло въ самомъ сердцѣ.

КРУГЕЛЬ.

О такой суммѣ и подумать даже сладко.

ИХАРЕВЪ.

Вѣдь какъ подумаешь, сколько денегъ пропадаетъ даромъ, безъ всякой совершенно пользы. Ну, что изъ того, что у него будетъ двѣсти-тысячъ? Вѣдь это все такъ пойдетъ, на покупку какихъ-нибудь тряпокъ, ветошекъ.

ШВОХНЕВЪ.

И все это дрянь, гниль.

ИХАРЕВЪ.

А вѣдь сколько даже такъ пропадаетъ на свѣтъ, не обращаясь. Сколько есть мертвыхъ капиталовъ, которые именно, какъ мертвецы, лежатъ въ ломбардахъ. Право, даже жалость. Я бы больше не

хотѣлъ имѣть у себя денегъ, какъ столько, сколько лежитъ въ опекунскомъ совѣтѣ.

ШВОХНЕВЪ.

Я помпирюсь и на половинѣ.

КРУГЕЛЬ.

Я доволенъ буду и четвертью.

ШВОХНЕВЪ.

Ну, не ври, шѣмецъ, захочешь больше.

КРУГЕЛЬ.

Какъ честный человѣкъ.

ШВОХНЕВЪ.

Надуешь.

Я В Л Е Н І Е XIV.

тѣжѣ и утѣшительный (*сходитъ
поспѣшно и съ радостнымъ видомъ.*)

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ничего, ничего, господа! Утѣхаль, чортъ его побери, тѣмъ лучше! Остался сынъ. Отецъ передалъ ему и довѣренность, и всѣ права на полученіе изъ приказа денегъ и поручилъ надсматривать за всѣмъ мнѣ. Сынъ молодецъ: такъ и рвется въ гусары. Будетъ жатва! Я пойду, и сейчасъ же приведу его къ вамъ (*убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

ШВОХНЕВЪ, КРУГЕЛЬ, ИХАРЕВЪ.

ИХАРЕВЪ.

Ай, да Утѣшительный!

ШВОХНЕВЪ.

Браво! дѣло приняло славный оборотъ! (*всп потираютъ съ радости руки.*)

ИХАРЕВЪ.

Молодецъ Утѣшительный! Теперь я понялъ, зачѣмъ онъ подбирался къ отцу и потакалъ ему. И какъ все это славно, какъ тонко!

ШВОХНЕВЪ.

О, у него на это талантъ необыкновенный!

КРУГЕЛЬ.

Способности невѣроятныя!

ИХАРЕВЪ.

Признаюсь, когда отецъ сказалъ, что оставляетъ здѣсь сына, у меня у самого промелькнула въ головѣ мысль, да вѣдь только на-мигъ, а ужъ онъ тотчасъ.... Смѣтливость какая!

ШВОХНЕВЪ.

О, ты еще не знаешь его хорошенько.

Я В Л Е Н І Е XVI.

ТѢ ЖЕ, УТѢШИТЕЛЬНЫЙ И ГЛОВЪ: АЛЕКСАНДРЪ
МИХАЙЛОВИЧЪ (*молодой человекъ.*)

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Господа! рекомендую: Александръ Михайловичъ Гловъ, отличный товарищъ, прошу полюбить, какъ меня.

ШВОХНЕВЪ.

Очень радъ... (*пожимаетъ ему руку.*)

ИХАРЕВЪ.

Знакомство ваше намъ...

КРУГЕЛЬ.

Позвольте васъ прямо въ наши объятія.

ГЛОВЪ.

Господа! я....

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Безъ церемоній, безъ церемоній, — равенство первая вещь. Господа! Гловъ! здѣсь видишь всѣ товарищи, и потому къ чорту всѣ этикетки. Сведемъ прямо на «ты».

ШВОХНЕВЪ.

Именно на «ты!»

ГЛОВЪ.

На «ты!» (*подаетъ имъ всѣмъ руку.*)

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Такъ! bravo! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-то гусарское. Пить, твой отецъ, не говоря дурнаго слова, большая скотина, извини—вѣдь мы на ты—пу какъ этакого молодца вздумалъ-было въ чернильную службу! Ну что, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

ГЛОВА.

Чортъ поberi съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ-занелъ отецъ меня, продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ну, послушай, а хороша твоя сестра?

ГЛОВА.

А такъ хороша.... Будь она не сестра: ну ужъ л'бы ей не спустилъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Браво, bravo, гусарь! сейчасъ видно гусара! Ну, послушай, а помогъ бы ты мнѣ, еслибы я захотѣлъ ее увезти?

ГЛОВА.

Почему жъ? помогъ бы.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Браво, гусарь! Вотъ оно, что называется настоя-

щій гусарь, чортъ побери! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

ШВОХНЕВЪ.

Дай же мнѣ обнять его (обнимаетъ его).

ИХАРЕВЪ.

Пусть же и я обниму его (обнимаетъ).

КРУГЕЛЬ.

Ну, такъ и я обниму его, если такъ (обнимаетъ).

(Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ, наливаетъ бокалы).

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Господа! за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый.... словомъ, пусть его будетъ, что́ хочетъ!

ВСѢ.

Пусть его будетъ, что́ хочетъ! (пьютъ).

ГЛОВЪ.

За здравіе всего гусарства! (подымая бокалы).

ВСѢ.

За здравіе всего гусарства! (пьютъ).

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Господа! надо его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьетъ онъ, какъ видно, уже сносно, но вѣдь это вздоръ: надо чтобы онъ былъ картежникъ во всей силѣ! Играешь въ банкъ?

ГЛОВЪ.

Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, сейчасъ выиграешь.

ГЛОВЪ.

Да вѣдь и сѣсть-то не съ чѣмъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да мы тебѣ повѣримъ въ-долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на полученіе денегъ изъ приказа. Мы подождемъ, а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь; а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да впрочемъ, что я говорю? Какъ-будто ты ужъ непременно проиграешь. Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистоганомъ.

ГЛОВЪ.

А какъ проиграю?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Стыдись, что жъ ты за гусарь послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ-то и дѣло, въ рискъ-то и есть главная добродѣтель, а не рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; на-вѣрняка и приказная строка отважится; и жидъ пользеть на крѣпость.

ГЛАЗЪ, *махнувъ рукой.*

Чортъ побери, если такъ, играю! что мнѣ смотреть на отца!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Браво, юнкеръ! Человѣкъ, карты! (*наливаетъ ему стаканъ*). Глазное что нужно? нужна отвага, ударъ, сила. Какъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать-пять-тысячъ. (*Мечетъ направо и налево*). Ну, гусарь.... Ты, Швохневъ, что ставишь? (*мечетъ*) какое странное теченіе картъ, вотъ любопытно для вычислений! Валеть убитъ, десятка взяла. Что тамъ, что у тебя? и четверка взяла. А гусарь, гусарь-то, каковъ гусарь? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки! А тузъ все еще не выходитъ. Что жъ ты, Швохневъ, не наливаєшь ему! вона, вона, вонъ тузъ! вонъ ужъ Кругель потащилъ себя. Нѣмцу всегда везетъ!

Четверка взяла. Абраво, браво, гусарь! слышишь, Швохневъ? гусарь? уже около пяти-тысячъ въ выигрышъ.

ГЛОВЪ, *персигбастъ карту.*

Чортъ побери! Пароле пе! да вонъ еще десятка на столъ, идетъ и она и пльсотъ рублей мазу!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, *продолжая метать.*

У! молодецъ гусарь. Сенерка уби.... ахъ пѣтъ, чортъ побери, пліе, опять пліе! а, проигралъ гусарь. Ну что жъ, братъ, дѣлать? не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разсчитывать! ну ставь эту, которую выдернулъ. Браво, выигралъ гусарь! Что жъ вы не поздравляете его. (*все пѣтъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами*). Говорятъ, пиковая дама всегда продастъ, а я не скажу этого. Помнишь, Швохневъ, свою брѹнетку, что ты называлъ пиковой дамой. Гдѣ-то она теперь, сердечная? Чай пустилась во всѣ тяжкія? Кругель, твоя убита! (*Ижаресу*) и твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусарь также лопнулъ.

ГЛОВЪ.

Чортъ побери, ва-банкъ!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Браво, гусарь! Вотъ она наконецъ настоящая гусарская замашка! Знаешь, Швохневъ, какъ настоящее чувство всегда выходитъ наружу. Досихъ-поръ все еще въ немъ было видно, что будетъ гусарь, а теперь видно, что онъ ужъ теперь гусарь. Вопа натура-то какъ того...убить гусарь.

ГЛОНЪ.

Ва-банкъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

У! браво гусарь! на всъ пятьдесятъ-тысячъ! Вотъ оно, что называется великодушіе! Ну подика, повизи, гдѣ отыщешь этакую черту....это именно подвигъ! Лопнулъ гусарь!

ГЛОНЪ.

Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ого, го! гусарь, на сто-тысячъ! каковъ, а? а глазки-то, глазки? замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горятъ? Барклай-де-Толъевское что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! а короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ Швохневъ, бубиновая дама! На, нѣмецъ, возьми, съѣшь семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска! а короля, видно, въ колодѣ нѣтъ: право даже странно. А вотъ онъ вотъ онъ.... Лопнулъ гусарь!

ГЛОВЪ, горячась.

Ва-банкъ, чортъ поберн, ва-банкъ!

УТЪШИТЕЛЬНЫЙ.

Нѣтъ, братъ, стой! ты ужъ просадилъ двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры — мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

ГЛОВЪ.

Да гдѣ жъ у меня? у меня-теперь нѣтъ.

УТЪШИТЕЛЬНЫЙ.

Дай намъ вексель, подпишись.

ГЛОВЪ.

Извольте, я готовъ (*береть перо*).

УТЪШИТЕЛЬНЫЙ.

Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

ГЛОВЪ.

Нѣтъ вамъ и довѣренность.

УТЪШИТЕЛЬНЫЙ.

Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это (*даетъ ему подписаться*).

ГЛОВЪ.

Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну вотъ я и подписалъ. Ну давайте жъ играть.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Нѣтъ, братъ, постой, покажи-ка прежде деньги!

ГЛОВЪ.

Да я вамъ заплачу; ужъ будьте увѣрены.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

ГЛОВЪ.

Да чтò жъ это?... Вѣдь это просто подлость.

КРУГЕЛЬ.

Нѣтъ, это не подлость.

ИХАРЕВЪ.

Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло, шансы, братъ, не равны.

ШВОХНЕВЪ.

Этакъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

ГЛОВЪ.

Ну чтò жъ? чего вы хотите? назначьте какіе угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Чтò, братъ, намъ въ твоихъ процентахъ? Мы

сами готовы тебѣ заплатить какіе угодно проценты, дай только намъ займы.

ГЛОВЪ, *отчаянно и рѣшительно.*

Ну, такъ скажите последнее слово: не хотите играть?

ШВОХНЕВЪ.

Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

ГЛОВЪ, *вынимал изъ кармана пистолетъ.*

Ну, такъ прощайте, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ (*убѣгаетъ съ пистолетомъ*).

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, *съ испугъ.*

Ты! ты! что ты? съ ума сошолъ! Побѣжать за нимъ, въ-самомъ-дѣлѣ, чтобъ еще какъ-нибудь не застрѣлился (*убѣгаетъ*).

Я В Л Е Н І Е XVII.

ШВОХНЕВЪ, КРУГЕЛЬ, ИХАРЕВЪ.

ИХАРЕВЪ.

Еще выйдетъ исторія, если этотъ чортъ вздумаетъ застрѣлиться.

ШВОХНЕВЪ.

Чортъ его возьми, пусть себѣ стрѣляется, да не теперь только: еще деньги не въ нашихъ рукахъ. Вотъ бѣда!

КРУГЕЛЬ.

Я всего боюсь. Это тоже возможно...

Я В Л Е Н І Е XVIII.

ТЪ ЖЕ, УТѢШИТЕЛЬНЫЙ И ГЛОВЪ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, держа Глова за руку съ пистолетомъ.

Что ты, что ты, братъ, рехнулся? Слышите, слышите господа, ужъ пистолетъ вздумалъ-бымо сунуть въ ротъ, а? стыдись!

ВСѢ, приступая къ нему.

Что ты! что ты! Помилуй что ты!

ИНВОХНЕВЪ.

А еще и умный человекъ, изъ дряни вздумалъ стрѣляться!

ИХАРЕВЪ.

Этакъ пожалуй вся Россія должна застрѣлиться: всякій или проигрался, или намѣренъ проигратъся. Да еслибы этого не было, такъ какъ же можно выиграть, ты посуди только самъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ты дуракъ просто, позволь тебѣ сказать. Ты счастья своего не видишь. Развѣ ты не чувствуешь, какъ ты выигралъ тѣмъ, что проигралъ.

ГЛОВЪ, съ досадою.

Что жъ вы въ-самомъ-дѣлѣ меня ужъ за дура-

ка считаете: какой тутъ выигрышиъ — проиграть двѣсти-тысячъ! чортъ возьми!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Эхъ ты простофиля! Да знаешь ли какую ты этимъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку? Слышь, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужъ проигралъ двѣсти-тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить.

ГЛОВЪ, ободришись.

Чтò жъ вы думаете? У меня развѣ не станеть духу наплевать на все это, если ужъ на то пошло. Чортъ побери, да здравствуетъ гусарство!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Браво! да здравствуютъ гусары! теремтете! шампанскаго! (*несутъ бутылки*).

ГЛОВЪ, съ стаканомъ.

Да здравствуютъ гусары!

ИХАРЕВЪ.

Да здравствуютъ гусары, чортъ побери!

ЩВОХНЕВЪ.

Теремтете! да здравствуютъ гусары!

ГЛОВЪ.

На все плюю, когда такъ!... (*ставитъ на столъ стаканъ*). Вотъ бѣда только: какъ домой прѣду? Отецъ, отецъ!.... (*хватаетъ себя за волосы*).

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да зачѣмъ тебѣ вѣхать къ отцу? ненадо!

ГЛОВЪ, вытираетъ глаза.

Какъ?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ты отсюда прямо въ полкъ. Мы тебѣ дадимъ на обмундировку. Надо, братъ, Швохневъ, дать ему теперь рублей двѣсти, пусть погуляетъ юнкеръ! Тамъ я ужъ замѣтилъ у него есть одна.... Черномазая-то, а?

ГЛОВЪ.

Чортъ побери, побѣгу прямо къ ней, возьму приступомъ!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Каковъ гусаръ, а? Швохневъ, пѣтъ ли у тебѣ двухсотрублевой?

ИХАРЕВЪ.

Да вотъ я ему дамъ, пусть его погуляетъ на славу!

ГЛОВЪ, беретъ ассигнацію и помахиваетъ ею на воздухъ.

Шампанскаго!

Всѣ.

Шампанскаго! (Несутъ бутылки).

ГЛОВЪ.

Да здравствуютъ гусары!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да здравствуютъ!... Знаешь ли, Швохнѣвъ, что мнѣ пришло на умъ? Покачаемъ его на рукахъ, такъ-какъ у насъ качали въ полку! Ну, приступай, бери его! (*Всѣ приступаютъ къ нему, схватываютъ его за руки и ноги, качаютъ, припывая на извѣстный припѣвъ извѣстную пѣсню:*)

Мы тебя любимъ сердечпо.

Будь ты начальникъ нашъ вѣчно!

Наши зажогъ ты сердца,

Мы въ тебѣ видимъ отца!

ГЛОВЪ, съ поднятой рюмкой.

Ура!

ВСѢ.

Ура! (*становятъ его на землю. Гловъ хлопнулъ рюмку объ полъ, всѣ разбиваютъ тоже свои рюмки, кто о каблукъ своего сапога, кто объ полъ.*)

ГЛОВЪ.

Иду прямо къ ней!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

А намъ нельзя за тобой, а?

ГЛОВЪ.

Ни никому! а кто сколько-нибудь... раздѣлка на сабляхъ!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

У! рубака какой, а? ревнивъ и задоренъ, какъ чортъ. Я думаю, господа, что изъ него просто выйдетъ Бурцовъ ёра забіяка. Ну прощай, прощай, гусаръ, не держимъ тебя!

ГЛОВЪ.

Прощайте!

ШВОХНЕВЪ.

Да приходи намъ послѣ рассказать. (*Гловъ уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е XIX.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ГЛОВА.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Надо его ласкать, пока еще деньги не въ нашихъ рукахъ, а тамъ чортъ съ нимъ.

ШВОХНЕВЪ.

Одного боюсь я, чтобъ какъ-нибудь не затянулась въ приказъ выдача денегъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да, это будетъ скверно, а впрочемъ... вѣдь на это, сами знаете, есть понукатели. Какъ ни ворочай, а все-таки придется сунуть въ руку тому и другому для соблюденія порядка.

Я В Л Е Н І Е XX.

тѣ же и чиновникъ замухрышкинъ (*высовываетъ голову въ дверь, одѣтый въ шьесколько поношенномъ фракѣ*).

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Позвольте узнать, не здѣсь ли Гловъ Александръ Михайловичъ?

ЩВОХНЕВЪ.

Нѣтъ, онъ сейчасъ вышелъ. А что вамъ угодно?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Да вотъ по дѣлу ихъ на-счетъ выдачи денегъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

А вы кто?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Да я чиновникъ изъ приказа.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

А, милости просимъ! Прошу покорнѣйше садиться! Въ-этомъ-дѣлѣ, мы все принимаемъ живѣйшее участіе, тѣмъ болѣе, что заключили кое-какія дружелолюбныя сдѣлки съ Александромъ Михайловичемъ. И потому можете понять, что вотъ и отъ него, и отъ него, и отъ него (*указывая пальцами на всѣхъ*) будетъ искреннѣйшая благодарность. Дѣло въ томъ только, чтобы скорѣе, какъ можно, получить изъ приказа деньги.

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Да ужъ какъ хотите, раньше двухъ недѣль никакъ нельзя.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Нѣтъ, это страшно далеко. Вѣдь вы позабываете, что со стороны нашей благодарность....

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Да ужъ это само-собой. Все это пріемлется, какъ это позабыть. Мы потому и говоримъ двѣ недѣли, а то бы, пожалуй, вы и три мѣсяца у насъ провозились. Деньги къ намъ придутъ не раньше какъ черезъ полторы недѣли, а теперь во всемъ приказъ ни копейки. На прошлой недѣлѣ получили полтора ста тысячъ, все роздали, — три помѣщика ожидаютъ, еще съ февраля заложили имѣніе.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ну это такъ для другихъ, а для насъ по дружбѣ. Нужно, чтобы мы съ вами покороче познакомились... Ну да что? да и люди свои. Ну какъ васъ зовутъ? какъ? Фентафлей Перпенцычъ, что ли?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Псой Стахицъ-съ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ну, все одно почти. Ну такъ послушайте, Псой

Стахицъ! будемъ такъ, какъ давніе пріятелі. Ну что, какъ вы? какъ дѣлшки, какъ служба ваша?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Да что служба? Извѣстное дѣло — служимъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ну, а доходовъ по службѣ этихъ, знаете, разныхъ.... а? просто, много ли берете?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Конечно, сами посудите, чѣмъ же и жить?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ну, что, какъ въ приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ хапуги?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Ну что! Вы ужъ, я вижу, смѣтаетесь! Эхъ господа!... Въдь вотъ тоже господа сочинители всѣ подсмѣиваются надъ тѣми, которые берутъ взятки, а какъ разсмотришь хорошенько, такъ взятки берутъ и тѣ, которые кажутся получше насъ. Ну, да вотъ хоть и вы, господа, только развѣ что придумали названья поблагороднѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ; Богъ вѣдастъ, что такое. А на дѣлѣ выходитъ: такія же взятки; тотъ же савка, да на другихъ санкахъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Вотъ уже Псой Стахицъ и обидѣлся, какъ я вижу, вотъ что значитъ задѣтъ за честь.

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего, я ужъ, батюшка, прожилъ свое.

ШВОХНЕВЪ.

Ну полно, поговоримте по-дружески, Псой Стахичъ! Ну, что жъ, какъ вы? какъ у васъ? какъ поживаете? какъ маячитесь на свѣтъ? Есть жонушка, дѣтки?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Слава Богу, Богъ наградилъ. Двое сыновей ужъ въ уѣздное училище ходять; два другихъ поменьше. Одинъ бѣгаетъ пока въ рубашонкѣ, а другой на карачкахъ ползаетъ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ну, а ручонками, я чай, ужъ всѣ этакъ (*показываетъ рукою, какъ-будто беретъ деньги*) умбуютъ?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Вѣдь вотъ вы право какіе господа, вѣдь вотъ опять начали.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ничего, ничего, Псой Стахичъ! вѣдь это по дружбѣ, ну что жъ тутъ такого? свои. Эй, дай-ка бокалъ шампанскаго Псою Стахичу! скорѣй. Мы

вѣдь теперь должны быть, какъ короткіе знакомые. Вотъ мы къ вамъ соберемся тоже въ-гости.

ЗАМУХРЫШКИНЪ, принимал бокаль.

А, милости просимъ, господа! Откровенно вамъ скажу, что такого чаю, какъ вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Небось даровой, отъ купца?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Отъ купца-съ, выписанный изъ Кяхты.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да какъ же Псой Стахичъ, вѣдь вы дѣль съ купцами не имѣете?

ЗАМУХРЫШКИНЪ, выпивъ бокаль и утирался руками въ колѣна.

А вотъ какъ: купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ былъ приплатиться. Помѣщикъ Фракасовъ, если изволите знать, закладываетъ имѣніе, все ужъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, завтра остается получить деньги. Затѣяли они заводъ какой-то въ-половинѣ съ купцомъ. Ну, намъ-то, понимаете, какое дѣло знать на заводъ ли, или на что другое нужны деньги, и съ кѣмъ онъ въ-половинѣ? Это не наша часть. Да купецъ по глупости своей и проговорись въ городѣ, что онъ съ нимъ въ-половинѣ и ждетъ отъ него съ часу на

часть денегъ. Мы и подослали ему сказать, что вотъ пришли двѣ-тысячи, сейчасъ выдадутъ деньги, а не то будешь ждать! а ужъ къ нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы и посуду, ожидаютъ только задатковъ. Купецъ видитъ, плетью обуха не перешибешь, заплатилъ двѣ-тысячи, да по три фунтика чаю каждому изъ насъ. Скажутъ взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ, кто его толкалъ, языка развѣ не могъ придержать?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Послушайте, Псой Стахичъ, ну пожалуста же на-счетъ этого дѣльца. Мы ужъ вамъ дадимъ, а вы ужъ тамъ съ начальниками своими сдѣлайтесь, какъ слѣдуетъ. Только, ради Бога, Псой Стахичъ! поскорѣе, а?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Да будемъ стараться (*вставая*). Но откровенно скажу вамъ: такъ скоро, какъ вы хотите, нельзя. Предъ Богомъ, въ приказъ ни копейки денегъ, а будемъ стараться.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Ну какъ васъ тамъ спросить?

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Такъ и спросите: Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Прощайте, господа! (*идетъ къ дверямъ*).

ШВОХНЕВЪ.

Псой Стахицъ, а Псой Стахицъ, (оглядывается)
постарайтесь!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Псой Стахицъ, Псой Стахицъ, выручайте по-
скорѣе!

ЗАМУХРЫШКИНЪ.

Да ужъ сказалъ: будемъ стараться.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Чортъ побори, какъ это долго (бьетъ себя ру-
кой по лбу). Нѣтъ, побѣгу за нимъ, авось что-
нибудь успѣю, не пожалѣю денегъ. Чортъ его
побори, три-тысячи дамъ ему своихъ.

(убѣгаетъ):

Я В Л Е Н І Е ХХІ.

ШВОХНЕВЪ, КРУГЕЛЬ, ИХАРЕВЪ.

ИХАРЕВЪ.

Конечно, лучше еслибы получить поскорѣе.

ШВОХНЕВЪ.

Да ужъ намъ какъ нужно! какъ намъ нужно!

КРУГЕЛЬ.

Эхъ, еслибы онъ уломалъ его какъ-нибудь.

ИХАРЕВЪ.

Да что, развѣ ваши дѣла.....

Я В Л Е Н І Е XXII.

ТЪ ЖЕ И УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, *выходитъ съ отца-
лиемъ.*

Чортъ побери, раньше четырехъ дней никакъ не можетъ. Я готовъ просто лобъ расшибить себѣ объ стѣну.

ИХАРЕВЪ.

Да что тебѣ такъ прспичило. Не ужъ-то четырехъ дней нельзя обождать?

ШВОХНЕВЪ.

Въ томъ-то и штука, братъ, что для насъ это слишкомъ важно.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Обождать! Да знаешь ли, что насъ въ Нижнемъ съ часу на часъ ждутъ? Мы тебѣ не сказывали еще, ужъ четыре дня назадъ тому мы имѣемъ извѣстіе сплнить какъ можно скорѣе, добывши во что бы ни стало хоть сколько-нибудь денегъ. Купецъ привезъ на шесть-сотъ тысячъ желѣза. Во вторникъ окончательная сдѣлка, и деньги получаютъ чистоганомъ; да вчера пріѣхалъ одинъ съ пенькой на полмилліона.

ИХАРЕВЪ.

Ну такъ что жъ?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Какъ что жъ? Да вѣдь старики-то остались дома, а выслали вмѣсто себя сыновей.

ИХАРЕВЪ.

Да будто сыновья ужъ непременно станутъ играть?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да гдѣ ты живешь, въ Китайскомъ государствѣ, что ли? Не знаешь, что такое купеческіе сынки? Вѣдь купецъ такъ воспитываетъ сына: или чтобъ онъ ничего не зналъ, или чтобы зналъ то, что нужно дворянину, а не купцу: ну натурально, онъ ужъ такъ и глядитъ: ходитъ подъ-руку съ офицерами, кутитъ. Это, братъ, для насъ самый выгодный народъ. Они, дурачье, не знаютъ, что за всякій рубль, который выплутуютъ у насъ, они намъ платятъ тысячами. Да, это счастье наше, что купецъ только и думаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чинъ.

ИХАРЕВЪ.

И дѣла совершенно вѣрныя?

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Какъ же не вѣрныя! Ужъ насъ не увѣдомляли бы; все почти въ нашихъ рукахъ; теперь всякая минута дорога.

ИХАРЕВЪ.

Эхъ, чортъ возьми! что жъ мы сидимъ? Господа, а вѣдь условіе дѣйствовать вмѣстѣ!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

Да, въ этомъ наша польза. Послушай, что мнѣ пришло на умъ. Тебѣ спѣшить пока еще не зачѣмъ. Денегъ у тебя есть восемьдесятъ-тысячъ. Дай ихъ намъ, а отъ насъ возьми векселя Глова. Ты вѣрныхъ получаешь полтораста тысячъ, стало быть, ровно вдвое, а насъ ты даже одолжишь еще, потому-что деньги намъ теперь такъ нужны, что мы съ радостью готовы платить алтынъ за всякую копейку.

ИХАРЕВЪ.

Извольте, почему нѣтъ; чтобы доказать вамъ, что узы товарищества... (*подходитъ къ шкатулку и вынимаетъ кипу ассигнацій*) Вотъ вамъ восемьдесятъ-тысячъ!

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

А вотъ тебѣ и векселя! Теперь я побѣгу сейчасъ за Гловымъ: нужно его привести и все устро-

ить по формѣ. Кругель, отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки (*Кругель уходитъ*). Эхъ, если бы такъ устроить, чтобы къ вечеру можно было ѣхать! (*уходитъ*).

ИХАРЕВЪ.

Натурально, натурально; тутъ и минуты не замѣтъ терять.

ШВОХНЕВЪ.

А тебѣ совѣтую тоже не заспживаться. Какъ только деньги получишь, сейчасъ прѣзжай къ намъ. Съ двумя-стами-тысячъ, знаешь, что можно сдѣлать — просто, ярмарку можно подорвать... Ахъ, я и позабылъ сказать Кругелю пренужное дѣло. Погоди, я сейчасъ возвращусь (*поспѣшно уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е XXIII.

ИХАРЕВЪ, одинъ.

Каковъ ходъ приняла обстоятельства, а? Еще поутру было только восемьдесятъ-тысячъ, а къ вечеру уже двѣсти. А? вѣдь это для инаго вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣчныхъ сидѣній, лишений, здоровья. А тутъ въ несколько часовъ, въ нѣсколько минутъ — владѣтельный принцъ! Шутка — двѣсти тысячъ! Воображаю, хорошъ бы я

*

былъ, еслибы сидѣлъ въ деревнѣ, да возмѣлся съ старостами, да мужиками, собирая по три-тысячи ежегоднаго доходу. А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое приобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не отскоблишь. Время-то на что́ было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ.... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь вотъ я обезпеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что́ способствуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ — поѣду и въ Петербургъ. Посмотрю театръ, монетный дворъ, пройду мимо дворца, по Англійской набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообедаю у Яра, могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка. А что́ всему причинною? чему обязанъ? именно тому, что́ называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство. Плутомъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученье. Ну, положимъ — плутовство. Да вѣдь необходимая вещь; что́ жъ можно безъ него сдѣлать? Оно нѣкоторымъ образомъ предостерегательство. Ну, не знай я, на примѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего это-

го, меня бы какъ обманули. Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло не съ простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣтъ, умъ великая вещь! Въ свѣтъ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ, проживетъ всякій, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обманутымъ самому — вотъ настоящая задача и цѣль!

Я В Л Е Н І Е XXIV.

ИХАРЕВЪ И ГЛОВЪ, *вбѣгающій торопливо.*

ГЛОВЪ.

Гдѣ жъ они? Я сейчасъ былъ въ комнату, тамъ пусто.

ИХАРЕВЪ.

Да они сію минуту здѣсь были; на минуту вышли.

ГЛОВЪ.

Какъ, вышли ужъ? и деньги у тебя взяли?

ИХАРЕВЪ.

Да, мы съ ними сдѣлались, за тобою остановка.

Я В Л Е Н І Е XXV.

ТѢ ЖЕ И АЛЕКСѢЙ.

АЛЕКСѢЙ, обращаясь къ Глову.

Изволили спрашивать, гдѣ господѣ?

ГЛОВЪ.

Да.

АЛЕКСѢЙ.

Да они ужъ уѣхали.

ГЛОВЪ.

Какъ уѣхали?

АЛЕКСѢЙ.

Да такъ-съ. Ужъ у нихъ съ-полчаса стояла те-
лежка и готовые лошади.

ГЛОВЪ, всплеснувъ руками.

Ну, мы надуты оба!

ИХАРЕВЪ.

Что за вздоръ? Я не могу понять ни одного
слова. Утѣшительный сію минуту долженъ воз-
вратиться сюда. Вѣдь ты знаешь, что теперь дол-
женъ весь долгъ твой заплатить мнѣ. Они пере-
вели.

ГЛОВЪ.

Какой чортъ долгъ? Получишь ты долгъ! Развѣ
ты не чувствуешь, что въ дуракахъ, и проведенъ,
какъ пошлый пенъ?

ИХАРЕВЪ.

Что ты за чепуху несешь? У тебя, видно, досихъ-поръ въ головѣ хмѣль распоряжается.

ГЛОВЪ.

Ну, видно, хмѣль у обоихъ насъ. Да проснись! Ты думаешь, что я Гловъ? я такой же Гловъ, какъ ты китайскій императоръ.

ИХАРЕВЪ, *безпокойно.*

Что ты, помилуй, что за вздоръ? И отецъ твой....
и....

ГЛОВЪ.

Старикъ-то? Во-первыхъ онъ и не отецъ, да и чорта ли и будутъ отъ него дѣти! а во-вторыхъ тоже не Гловъ, а Крыницынъ, да и не Михайло Александровичъ, а Иванъ Климычъ, изъ ихъ же компаніи.

ИХАРЕВЪ.

Послушай, ты говори серьезно, этимъ не шутятъ.

ГЛОВЪ.

Какія шутки! Я самъ участвовалъ и такъ же обманутъ. Мнѣ обѣщали три-тысячи за труды.

ИХАРЕВЪ, *подходил къ нему запальчиво.*

Эй, не шути, говорю тебѣ! Думаешь, я ужъ

дуракъ такой!.. и довѣренность и приказъ... и чиновникъ сейчасъ былъ изъ приказа, Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Ты думаешь, я не могу за нимъ сейчасъ послать?

ГЛОВЪ.

Во-первыхъ онъ и не чиновникъ изъ приказа, а отставной штабсъ-капитанъ, изъ ихъ же компаніи; да и не Замухрышкинъ, а Мурзафейкинъ, да и не Псой Стахичъ, а Флоръ Семеновичъ.

ИХАРЕВЪ, отчаянно.

Да ты кто? чортъ ты? говори, кто ты?

ГЛОВЪ.

Да кто я? Я былъ благородный человекъ, поневоля сталъ плутомъ: меня обыграли въ-пухъ, рубашки не оставили. Чтò жъ мнѣ дѣлать? не умирать же съ голоду. За три-тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебѣ это прямо: видишь, я поступаю благородно.

ИХАРЕВЪ, въ бѣшенствѣ схватывая
его за воротникъ.

Мошенникъ ты....

АЛЕКСѢЙ, въ-сторону.

Пу дѣло-то, видно, пошло на потасовку. Надо отсюда убраться (уходитъ).

ИХАРЕВЪ, *таща его.*

Пойдемъ, пойдемъ!

ГЛОНЪ.

Куда, куда?

ИХАРЕВЪ *въ изступленіи.*

Куда? къ правосудью! къ правосудью!

ГЛОНЪ.

Пошлиуй, не имѣешь никакого права.

ИХАРЕВЪ.

Какъ? не имѣю права? Обворовать, украсть деньги среди дня.... мошенническимъ образомъ! Не имѣю права? дѣйствовать плутовскими средствами. Не имѣю права? А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Нерчинскѣ скажешь, что не имѣю права! Вотъ погоди — переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей. Законъ! законъ! законъ призову (*тащитъ его*).

ГЛОНЪ.

Да вѣдь законъ ты могъ бы призвать тогда, еслибы самъ не дѣйствовалъ противузаконнымъ образомъ. Но вспомни: вѣдь ты соединился съ ними, чтобы обмануть и обыграть навѣрное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики.

Нѣтъ, братъ! Въ томъ-то и штука, что ты не имѣешь никакого права жаловаться.

ИХАРЕВЪ, *въ отчаяннѣ бьетъ себя
рукой по лбу.*

Чортъ побори, въ-самомъ-дѣль! (*въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ; Гловъ между-тѣмъ убѣгаетъ*). Но только какой дьявольскій обманъ!

ГЛОВЪ, *выглядывая въ дверь.*

Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще съ-полугоря! У тебя есть еще Аделаида Ивановна (*исчезаетъ*).

ИХАРЕВЪ, *въ ярости.*

Чортъ побори Аделанду Ивановну! (*схватываетъ Аделанду Ивановну и швыряетъ ея въ дверь; дамы и двойки летятъ на полъ*). Вѣдь существуютъ же, къ стыду и поношенію человѣковъ, этикіе мошенники! Но только я, просто, готовъ сойти съ ума, какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ За-мухрышкинъ! и концы всѣ спрятаны! и жаловаться даже не могу! (*вскакиваетъ со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ*). Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума, изощрай, изыскивай средства.... Чортъ побори, не стойтъ, просто, ни благороднаго рвенія, ни трудовъ. Тутъ же, подъ бокомъ отыщется плуть, который тебя

переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ (*съ досадой махнувъ рукой*). Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслить, ни о чемъ не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, а играетъ только по грошу въ бостонъ поддержанными картами!

THE
HISTORY
OF
THE
CITY
OF
BOSTON
FROM
1630
TO
1800
BY
JOHN
B. HENNING

УТРО ДѢЛОВАГО ЧЕЛОВѢКА.

THE HISTORY OF THE

УТРО ДѢЛОВАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Кабинетъ; нѣсколько шкафовъ съ книгами; на столѣ разбросаны бумаги. Иванъ Петровичъ, дѣловой человѣкъ, потягиваясь, выходитъ въ халатъ и звонитъ. Изъ передней слышенъ голосъ: «сей часъ». Иванъ Петровичъ звонитъ во второй разъ, опять тотъ же голосъ: «сей часъ». Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ звонитъ въ третій разъ; входитъ слуга.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Что ты, оглохъ?

ЛАКЕЙ.

Никакъ нѣтъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Что жъ ты не изволилъ являться, когда я звоню въ третій разъ?

ЛАКЕЙ.

Какъ же прикажете: мнѣ нельзя было бросить дѣла, я сапоги чистилъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А Иванъ что дѣлалъ?

ЛАКЕЙ.

Иванъ мелъ комнату, а потомъ пошолъ въ конюшню.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Подай сюда собачку (лакей приноситъ собачку). Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу (нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку).

(Вбѣгаетъ другой лакей).

Александръ Ивановичъ!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Проси (бросаетъ поспѣшно собачку и развертываетъ Сводъ Законовъ).

II.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ и АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ (также дѣловой человѣкъ).

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ,

Доброго утра, Иванъ Петровичъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ здоровье ваше? Александръ Ивановичъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Очень благодаренъ. Не помѣшалъ ли я вамъ?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

О, какъ можно! Вѣдь я всегда занятъ. Ну, что, въ которомъ часу прѣехали домой?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Часть шестой былъ. Я какъ поворотилъ изъ Офицерской, то спросилъ, подъѣзжая къ будочнику: не слышалъ ли, братецъ, который часъ? Да шестой уже, говорить, пробило. Вотъ я и узналъ, что ужъ былъ шестой часъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Представьте, я самъ почти въ то же время. Ну, что, каковъ былъ вистецъ, хе, хе, хе?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Хе, хе, хе! Да, признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Хе, хе, хе, хе! Я гляжу, что это значить, что онъ кладетъ короля? у меня вѣдь на рукахъ самъ-третей дама крестовъ, а у Лукьяна Федосѣевича, я давно вижу, что ренонсъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Длиннѣе всего тянулся восьмой роберъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да (помолчавъ). Я уже мигаю Лукьяну Федосеевичу, чтобъ онъ козырялъ,—нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни—валетъ мой пикъ и беретъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Позвольте, Иванъ Петровичъ, валетъ не беретъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Беретъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Не беретъ, потому-что вамъ никонмъ образомъ нельзя взять въ руку.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А семерка пикъ у Лукьяна Федосеевича? позабыли развѣ?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да развѣ у него была пиковка? Я что-то не помню.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Конечно, у него были двѣ пики: четверка, которую онъ сбросилъ на даму, и семерка.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одной пиковки.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому

вы это говорите! Двѣ пиковки! я, какъ теперь помню: четверка и семерка.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Четверка была, это такъ; но семерки не было. Въдь онъ бы козырнулъ; согласитесь сами, въдь онъ бы козырнулъ?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ейбогу, Александръ Ивановичъ, ейбогу!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Нѣтъ, Иванъ Петровичъ. Это совершенно невозможное дѣло.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да позвольте! Александръ Ивановичъ. Вотъ лучше всего: поѣдемъ завтра къ Лукьяну Федосѣвичу. Согласны ли вы?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Хорошо.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, и спросимъ у него лично: была ли на рукахъ у него семерка пикъ?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Извольте, я не прочь. Впрочемъ, если посудить, странно, что Лукьянъ Федосѣвичъ такъ дурно играетъ. Въдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ безъ ума. Человекъ тонкій и въ обращеніи...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

И прибавьте: большихъ свѣдѣній! человекъ, какихъ, сказать по секрету, у насъ мало на Русси. Были ли у его высокопревосходительства?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня поутру было немножко холодно. Въдѣ я, какъ думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку: она гораздо лучше фланелевой, и притомъ не горячитъ. По этому-то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Пріѣзжаю къ его высокопревосходительству—его высокопревосходительство еще спитъ. Однакожъ я дождался. Ну, тутъ пошли рассказы о томъ и о сѣмъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А про меня не было ничего говорено?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Какъ же, было и про васъ. Да еще прелюбопытный вышелъ разговоръ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, оживляется.

Что, что такое?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Позвольте, позвольте рассказать по порядку. Тутъ презанимательная вещь. Его высокопревосходительство, между прочимъ, спросилъ, гдѣ я

бываю, что такъ давно онъ меня не видитъ? и пожелалъ узнать о вчерашней вечеринкѣ, и кто былъ? Я сказалъ: были, ваше высокопревосходительство, Павелъ Григорьевичъ Борщовъ, Пляя Владиміровичъ Бубуницынъ. Его высокопревосходительство послѣ каждого слова говорилъ: «гм!» Я сказалъ: и еще былъ одинъ извѣстный вашему высокопревосходительству....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Кто жъ это такой?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Позвольте! что жъ бы, вы думали, сказалъ на это его высокопревосходительство?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не знаю.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Онъ сказалъ: «кто жъ бы это такой?» Иванъ Петровичъ Барсуковъ, отвѣчалъ я. «Гм!» сказалъ его высокопревосходительство, это чиновникъ и притомъ... (*поднимаетъ вверхъ глаза*). Довольно хорошо у васъ потолоки расписаны: на свой или хозяйскій счетъ?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нѣтъ, вѣдь это казенная квартира.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Очень, очень не дурно: корзиночки, лира, во-
круг сухарики, бубны и барабанъ! очень, очень
натурально!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, съ нетерпѣніемъ.

Такъ что же сказалъ его высокопревосходи-
тельство?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да, я и позабылъ. Что жъ онъ сказалъ?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Сказалъ «гм!» его высокопревосходительство;
«это чиновникъ....»

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да, да, «это чиновникъ ну и.... служить у ме-
ня». Послѣ того разговоръ не былъ уже такъ ин-
тересенъ и начался объ обыкновенныхъ вещахъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А больше ничего не заговаривалъ обо мнѣ?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Нѣтъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, про-себя.

Ну, покаместъ еще не много. Господи Боже
мой! ну что, еслибы сказалъ онъ: такого-то
Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и тѣхъ и прочихъ
заслугъ его, представляю....

III.

ТЪ ЖЕ И ШРЕЙДЕРЪ, выглядываетъ въ дверь.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Войдите, войдите; ничего, пожалуйста сюда: что, это для доклада?

ШРЕЙДЕРЪ.

Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ палату и рапортъ управляющему.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, между-тѣмъ читаетъ.

....Господишу управляющему.... Это что значить? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Какъ же это? Знаете ли, что васъ можно посадить подъ арестъ.... (устремляетъ на него глубоко-мысленный взоръ).

ШРЕЙДЕРЪ.

Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что министръ не будетъ смотреть на эту мелочь.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Мелочь. Ивану Ивановичу хорошо такъ говорить. Я самъ то же думаю: министръ точно не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается!

ШРЕЙДЕРЪ.

Можно переписать; только будетъ поздно. Но

такъ-какъ изволили сами сказать, что министръ не войдетъ....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ! это все правда. Я съ вами совершенно согласенъ: онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: дай-ка посмотрю, велико ли мѣсто остается для полей?

ШРЕЙДЕРЪ.

Если такъ, я сейчасъ перепишу.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

То-то, если такъ. Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому-что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ.

ШРЕЙДЕРЪ.

Я осмѣлился только, потому-что г. министръ....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами не спорю ни на волосъ. Такъ, министръ на это никогда не посмотритъ и не вспомнить даже про это. Ну, а вдругъ.... Что тогда?

ШРЕЙДЕРЪ.

Я перепишу (*уходитъ*).

IV.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, *пожимал плечами,*
оборачивается къ Алек-
сандру Ивановичу.

Все еще вѣтеръ ходитъ въ головѣ! Порядочный молодой человѣкъ, недавно изъ университета, но вотъ тутъ (*показывая на лобъ*) нѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколькихъ трудовъ мнѣ стоило привести все это въ порядокъ; посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я пынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной къ перенесетъ въ другую строку; иной въ одной строкѣ пишетъ: *сі*, а въ другой: *ательстсу*. Словомъ сказать: это былъ ужасъ! столпотвореніе вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ? порядокъ во всемъ!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Такъ вамъ чины, можно сказать, потомъ и кровью достались.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, *вздыхнувъ.*

Именно, потомъ и кровью. Что жъ будете дѣ-

латъ, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, еслибы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не нашлось для орденовъ. Но что прикажете! не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя.... нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно.... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! (вздохнувши). Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось — еслибъ получить хоть орденочъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшій Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ намекнуть его высокопревосходительству: что у Барсукова де въ канцеляріи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что-нибудь подобное.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай....

V.

ТЪ ЖЕ И КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, жена
Ивана Петровича

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, увидевъ Алек-
сандра Ивановича.

А! Александръ Ивановичъ! Боже мой, какъ
давно мы не видались! позабыли меня! Что На-
талья Ооминишна?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Слава Богу! недѣлю впрочемъ назадъ было-
захворала.

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Э!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Въ груди подъ ложечкой сдѣлалась колика и
стѣсненіе. Докторъ прописалъ очистительное и
пріпарку изъ ромашки и нашатыря.

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вы бы попробовали омеопатического средства.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Чудно право, какъ подумаешь, до чего не до-
ходитъ просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Кате-
рина Александровна про меопатию. Недавно
былъ я въ представленіи. Что жъ бы вы думали?
Мальчишка, росту, какъ бы вамъ сказать, вотъ

этакого (*показываетъ рукою*), лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ! Я васъ увѣряю сурьезно, что духъ занимается отъ страху.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Очень хорошо поетъ Меласъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, значительно.

Меласъ? о да! съ большимъ чувствомъ!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Очень хорошо.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Замѣтили ли вы, какъ она ловко беретъ вотъ это? (*вертитъ рукою передъ глазами*).

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Именно, это она удивительно хорошо беретъ. Однако ужъ скоро два часа.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Куда же это вы? Александръ Ивановичъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Пора! Мнѣ нужно еще мѣста въ трѣ захватить до обѣда.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, такъ до свиданія. Когда жъ увидимся? Да, я и позабылъ: вѣдь мы завтра у Лукьяна Федосевича?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

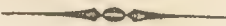
Непремѣнно (кланяется).

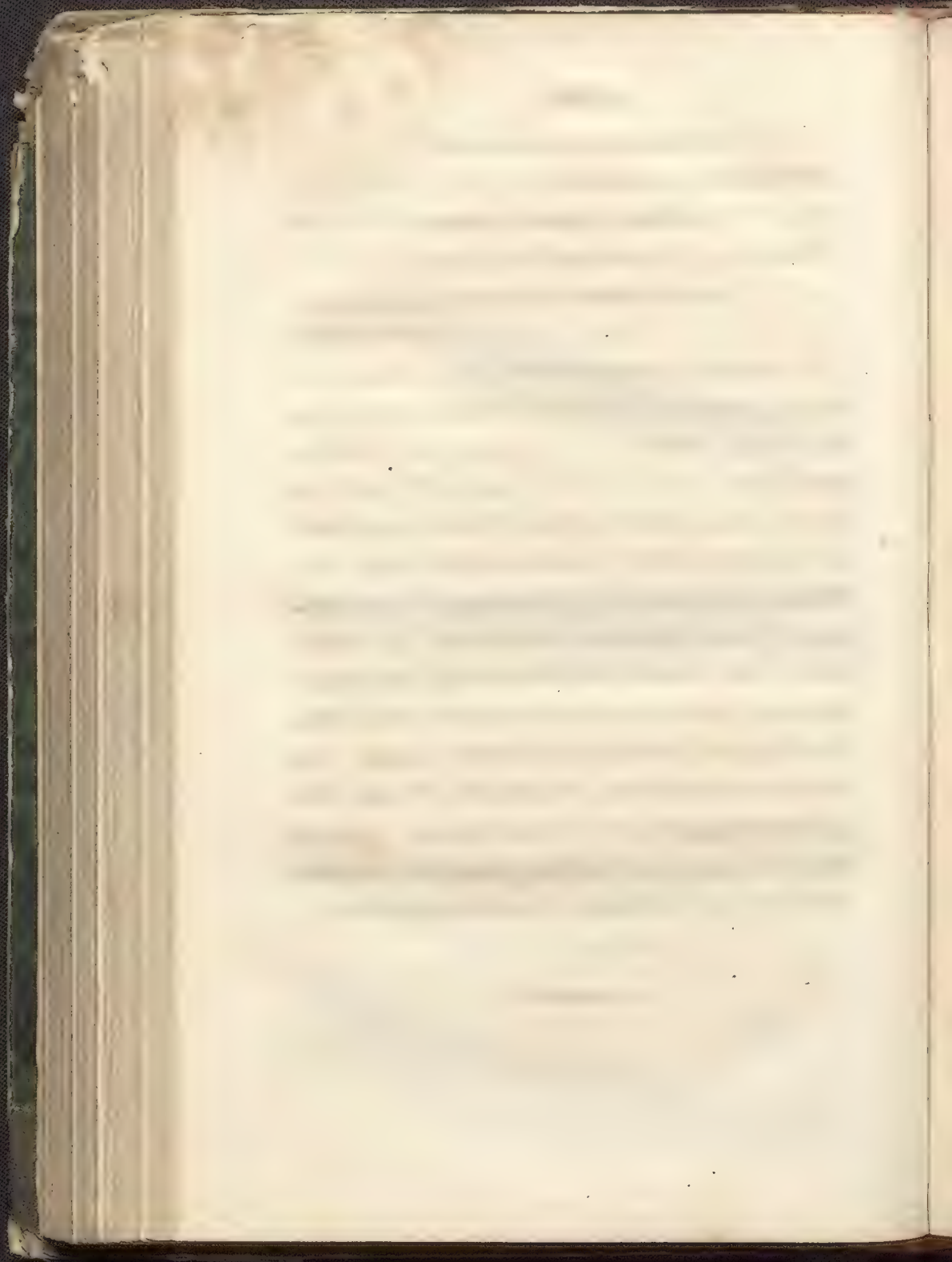
КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Прощайте, Александръ Ивановичъ!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *въ лакейской на-
кидывал шубу.*

Не терплю я людей такого рода. Ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣламъ, и то поправлѣ. Вишь чего захотѣлъ! ордена! И вѣдь получить, мошенникъ! получить! Этакіе люди всегда успѣваютъ. А я? а? вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ, и до-сихъ-поръ не представленъ. Какая противная фізіономія! И разнѣжился: ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще просить, чтобы я замолвилъ за него! Да, напашь кого просить, голубчикъ? Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! *(подтвердительно ударяетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ).*

ТЯЖБА.

Т Я Ж Б А.

I.

кабинетъ; пролетовъ, секретарь, одинъ сидитъ
въ креслахъ и поминутно икаетъ.

Что это у меня? точно отрыжка! вчерашній
обѣдъ засѣлъ въ горлѣ; эти грибки да ботвиньи....
Ъшь, ѡшь, просто, чортъ знаетъ, чего не ѡшь!
(икаетъ). Вотъ оно! (икаетъ) еще! (икаетъ) еще
разъ! (икаетъ). Ну, теперь въ четвертый! (икаетъ)
Туда къ чорту, и въ четвертый! Прочитать еще
Сѣверную Пчелу, что тамъ такое. Надоѣла мнѣ
эта Сѣверная Пчела: точь-въ-точь баба, засидѣв-
шаяся въ дѣвкахъ. (Читаетъ и вскрикиваетъ:)

Крахманову награда! а? Петрушкѣ Крахманову! Вотъ какимъ былъ мальчишкой (*показываетъ рукою*), я помѣстилъ самъ его кадетомъ въ корпусъ, а? (*Продолжаетъ читать и вскрикиваетъ, вытираетъ глаза*) Чтò это? чтò это? Неужели Бурдюковъ? Да онъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ произведенъ! а? каково? Взятчикъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ воръ, обокралъ казну, гнуснѣйшій человѣкъ, какого только можно представить себѣ, — каково? и вѣдь весь свѣтъ почитаетъ его за прямодушнаго человѣка! Подлецъ! Говоритъ: дѣло Бухтелева рѣшено не такъ, а? Просто, подлецъ, узналъ, что на мою долю пришлось двадцать-тысячъ, такъ вотъ зачѣмъ не ему! Какъ собака на снѣгъ: ни себѣ, ни другимъ. Ну, да я знаю тебя, ступай морочь другихъ, прикидывайся передъ другими. Я слышалъ про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянулъ въ газету, прочитаешь — чувствуешь тоску, гадость — и больше ничего. Эй Андрей!

II.

ЛАКЕЙ, *входя.*

Чего изволите-сѣ?

ПРОЛЕТОВЪ.

Возьми пошъ эту газету! И къ чему, зачѣмъ

ты принесъ эту газету? Дуракъ этакой! (*Андрей уноситъ газету*). Каковъ Бурдюковъ, а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему, хоть сію минуту, да вотъ до-сихъ-поръ нѣтъ, да и нѣтъ случая. Чтó прикажешь дѣлать? Разгнѣвался Богъ. А я бы тебя погладилъ, мазнулъ бы тебя по губамъ. Да ужъ и губы-то зато какія! какъ у вола, у канальи.

ЛАКЕЙ.

Бурдюковъ пріѣхалъ.

ПРОЛЕТОВЪ.

Чтò?

ЛАКЕЙ.

Бурдюковъ пріѣхалъ.

ПРОЛЕТОВЪ.

Что ты вздоръ несешь!

ЛАКЕЙ.

Такъ точно-съ.

ПРОЛЕТОВЪ.

Врешь ты, дуракъ! Бурдюковъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ?

ЛАКЕЙ.

Нѣтъ, не Павелъ Петровичъ, а другой какой-то.

ПРОЛЕТОВЪ.

Какой другой?

ЛАКЕЙ.

Да вотъ извольте сами видѣть: онъ здѣсь.

ПРОЛЕТОВЪ.

Проси.

III.

ПРОЛЕТОВЪ И ХРИСТОФОРЪ ПЕТРОВИЧЪ БУР-
ДЮКОВЪ.

БУРДЮКОВЪ.

Прошу извинить за беспокойство, что наносу
вамъ. Обстоятельства и дѣла понудили оставить
городишку. Приѣхалъ просить личной помощи,
заступничества.

ПРОЛЕТОВЪ, *въ-сторону.*

Это точно другой; а есть однакоже какое-то
сходство. (*вслухъ*) Что прикажете? въ чемъ могу
быть вамъ полезнымъ?

БУРДЮКОВЪ, *съ пожатіемъ плечъ.*

Дѣло, тяжба.

ПРОЛЕТОВЪ.

Тяжба? съ кѣмъ?

БУРДЮКОВЪ.

Съ роднымъ братомъ.

ПРОМЕТОВЪ.

Прежде позвольте узнать фамилию, а потомъ изъясните свое дѣло. Прошу покорно садиться.

БУРДЮКОВЪ.

Фамилія: Бурдюковъ, Христофоръ Петровъ сынъ, а дѣло съ роднымъ братомъ Павломъ Петровымъ Бурдюковымъ.

ПРОМЕТОВЪ.

Что вы!! что? нѣтъ!

БУРДЮКОВЪ.

Да что жъ вы на меня уставили глаза? или думаете, я бы захотѣлъ оставлять напрасно Тамбовъ и скакать на почтовыхъ.

ПРОМЕТОВЪ.

Господи благослови васъ за такое доброе дѣло! Позвольте съ вами покороче познакомиться. Умѣте этого дѣла вы не могли никогда бы придумать. Вотъ рассказываютъ теперь, что нѣтъ великодушія и справедливости, а это что же? Въдь вотъ родной братъ, узы крови, связи, а въдь не пощадить и брата—процессъ! Позвольте васъ обнять.

БУРДЮКОВЪ.

Извольте! я самъ обниму васъ за такую готовность (*обнимаются*); а прежде признаюсь, взгля-

пувши на вашу фізіономію, никакъ нельзя было думать, чтобы вы были путный человекъ.

ПРОМЕТОВЪ.

Вотъ тебѣ разъ! какъ такъ?

БУРДЮКОВЪ.

Да сурьезно. Позвольте спросить: вѣрно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

ПРОМЕТОВЪ.

Что за чепуху несетъ онъ?

БУРДЮКОВЪ.

Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не будьте въ претензіи, это очень часто случается. Вотъ у нашего засѣдателя вся нижняя часть лица баранья, такъ-сказать, какъ—будто отрѣзана и поросла шерстью совершенно, какъ у барана. А вѣдь отъ незначительнаго обстоятельства: когда покойница рожала, подойди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблѣять.

ПРОМЕТОВЪ.

Ну, оставимъ въ покоѣ засѣдателя и барана! Какъ же я радъ!

БУРДЮКОВЪ.

А ужъ я какъ радъ, пріобрѣтши такое по-

кровительство! Теперь только, какъ начинаю всматриваться въ васъ, вижу, что лицо ваше какъ-будто знакомо: у насъ въ полку былъ поручикъ: вотъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на васъ! Пяница страшнѣйшій, то-есть я вамъ скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

ПРОМЕТОВЪ, съ-стороны.

У этого уѣзднаго медвѣдя, какъ видно, нѣтъ совсѣмъ обычая держать языкъ за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душѣ—у него на языкѣ. (*вслухъ*) Времени у меня немного, пожалуста приступимъ же къ дѣлу.

БУРДЮКОВЪ.

Позвольте, сидя не расскажешь. Это дѣло казусное! Знали ли въ устюжскомъ уѣздѣ помѣщицу Евдокію Малафѣевну Меринову? не знали,—хорошо. Она доводится родной теткой мнѣ и бестѣн, моему брату. У ней ближайшими наследниками я, да братъ—изволите видѣть: вотъ оно куда пошло! Кромѣ того, еще сестра, чтò вышла за генерала Повалищева; ну объ этой ни слова, та и безъ того получила слѣдующую ей часть. Позвольте: вотъ этотъ мошенникъ, братъ, онъ на это хоть чорту въ дядьки годится. Вотъ и подъехалъ

онъ къ ней: «вы-де, тетушка, уже прожили, слава Богу, семьдесятъ лѣтъ; гдѣ уже вамъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ мѣшаться самимъ въ хозяйство: пусть, лучше, я буду приберегать и кормить». Воца! замѣчайте, замѣчайте! перевхалъ къ ней въ домъ, живетъ и распоряжается, какъ настоящій хозяинъ. Да вы слышите ли это?

ПРОМЕТОВЪ.

Слышу.

БУРДЮКОВЪ.

То-то, да. Вотъ занемогаетъ тетушка, отчего Богъ знаетъ, можетъ-быть, онъ самъ и подсунулъ ей чего-нибудь. Мнѣ даютъ уже знать стороною. Замѣчайте! Пріѣзжаю — въ сѣняхъ встрѣчаетъ меня эта бестія, то есть братъ, въ слезахъ, такъ весь и заливается, и растаялъ и говоритъ: «Пу, говоритъ, братецъ, на-вѣки мы несчастны съ тобою: благодѣтельница наша»... — «Что, отдала Богу душу?» — «Нѣтъ, при смерти». Я-вхожу: и точно, тетушка лежитъ на корачкахъ и только глазами хлопаетъ. Пу, что жъ? плакать? — не поможетъ, вѣдь не поможетъ?

ПРОМЕТОВЪ.

Не поможетъ.

БУРДЮКОВЪ.

Ну что жъ? нечего дѣлать! такъ, видно, Богу угодно! Я приступилъ поближе. «Ну, говорю, тетушка, мы всѣ смертны, одинъ Богъ, какъ говорить, не сегодня, такъ завтра властенъ въ нашей жизни: такъ неужели ли вамъ заблаговременно сдѣлать какое-нибудь распоряженіе?» Что жъ тетушка? Я вижу, не можетъ уже языкомъ поворотить, и только сказала: «э... э... э... э...» А эта шельма, что стояла подлѣ кровати ея, братъ, говорить: «Тетушка симъ изъясняетъ, что она уже распорядилась». Слышите, слышите!

ПРОЛЕТОВЪ.

Какъ же; да вѣдь она развѣ сказала это?

БУРДЮКОВЪ.

Кой чортъ сказала! Она сказала только «э... э... э...» Я все подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряженіе?» Что жъ тетушка? Тетушка опять отвѣчаетъ: «э, э, э». А тотъ подлецъ опять: «тетушка говоритъ, что все распоряженіе по этой части находится въ духовномъ завѣщаніи». Слышите? слышите? Что жъ мнѣ было дѣлать? я замолчалъ — и не сказалъ ни слова.

ПРОЛЕТОВЪ.

Однако жъ позвольте: какъ же вы не уличили тутъ же ихъ во лжи?

БУРДЮКОВЪ.

Что жъ? (*размахиваетъ руками*) стали божиться, что она точно все это говорила, ну вѣдь и повѣрилъ.

ПРОЛЕТОВЪ.

А духовное завѣщаніе распечатали?

БУРДЮКОВЪ.

Распечатали.

ПРОЛЕТОВЪ.

Что жъ?

БУРДЮКОВЪ.

А вотъ что. Какъ только все это, какъ слѣдуетъ, христіанскимъ долгомъ было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Братъ ничего и говорить не можетъ: страданья, отчаянья такія, что люди только! «Возьмите, говорить, читайте сами». Собрались свидѣтели и прочитали. Какъ же бы вы думали было написано завѣщаніе? а вотъ какъ: «Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову» слушайте: «въ возмездіе его сыновнихъ попеченій и неотлучнаго себя при мнѣ обрѣтенія до смерти» замѣчайте! замѣчайте! «оставляю во владѣніе родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое въ Устюжскомъ уѣздѣ» вона! вона! вона куда пошло!

«пятьсотъ ревизскихъ душъ, угодье и прочее» а? слышители вы это? «Племянникъ мой Маріа Петровой дочери Повалинцевой, урожденной Бурдюковой, оставляю слѣдующую ей деревню изъ ста душъ. Племяннику»—она! замѣчайте! Вотъ тутъ настоящій типунъ! «Хрисанфію сыну Петрову Бурдюкову» слушайте, слушайте! На память обо мнѣ, ого! го! завѣщаю: три стаметовыя юбки и всю рухлядь, находящуюся въ амбарѣ, какъ-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы, и тамъ чортъ знаетъ еще какое тряпье! А? какъ вамъ кажется, я спрашиваю: на кой чортъ мнѣ стаметовыя юбки?

ПРОЛЕТОВЪ.

Ахъ, онъ мошенникъ этакій! Прошу покорно!

БУРДЮКОВЪ.

Мошенничество это—такъ, я съ вами согласенъ; но спрашиваю я васъ, на что мнѣ стаметовыя юбки? что я съ ними буду дѣлать? развѣ себѣ на голову надѣну!

ПРОЛЕТОВЪ.

И свидѣтели подписались при этомъ?

БУРДЮКОВЪ.

Какъ же, набралъ какой-то сволочи.

ПРОЛЕТОВЪ.

А покойница собственноручно подписалась?

БУРДЮКОВЪ.

Вотъ то и есть, что подписалась, да чортъ знаетъ какъ!

ПРОЛЕТОВЪ.

Какъ?

БУРДЮКОВЪ.

А вотъ какъ: покойницу звали Евдокія, а она нацарапала такую дрянъ, что разобрать нельзя.

ПРОЛЕТОВЪ.

Какъ-такъ?

БУРДЮКОВЪ.

Чортъ знаетъ чтò такое: ей нужно было написать Евдокія, а она написала: «обмокни».

ПРОЛЕТОВЪ.

Чтò вы!

БУРДЮКОВЪ.

О, я вамъ скажу, что онъ гораздъ на все. «А племяннику моему Хрисанфію Петрову три ставетовья юбки».

ПРОЛЕТОВЪ, *въ сторону.*

Молодецъ однакожъ Павелъ Петровичъ Бур-

дюковъ, я бѣ никакъ не могъ думать, чтобы онъ ухитрился такъ!

БУРДЮКОВЪ, *размахивая руками.*

«Обмокни» что жъ это значить, вѣдь это не имя: «обмокни?»

ПРОЛЕТОВЪ.

Какъ же вы намѣрены поступить теперь?

БУРДЮКОВЪ.

Я подаль уже прошеніе объ уничтоженіи завѣщанія, потому-что подпись ложная. Пусть они не врутъ: покойницу звали Евдокіей, а не «обмокни».

ПРОЛЕТОВЪ.

И хорошо! Позвольте теперь мнѣ за все это взяться. Я сейчасъ напишу записку къ одному знакомому секретарю, а вы между-тѣмъ доставьте мнѣ копію съ завѣщанія вашего.

БУРДЮКОВЪ.

Несказанно обязанъ вамъ! (*берется за шапку*).
А въ которыя двери надо выходить въ тѣ, или въ эти?

ПРОЛЕТОВЪ.

Пожалуйте въ эти.

БУРДЮКОВЪ.

То-то. Я потому спросилъ, что мнѣ нужно еще будетъ по своей надобности. До свиданія почтеннѣйшій. Какъ? васъ я все забываю!

ПРОЛЕТОВЪ.

Александръ Ивановичъ.

БУРДЮКОВЪ.

Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ есть Пролдюковскій, вы не знакомы съ нимъ?

ПРОЛЕТОВЪ.

Нѣтъ.

БУРДЮКОВЪ.

Онъ еще живетъ въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Прощайте!

ПРОЛЕТОВЪ.

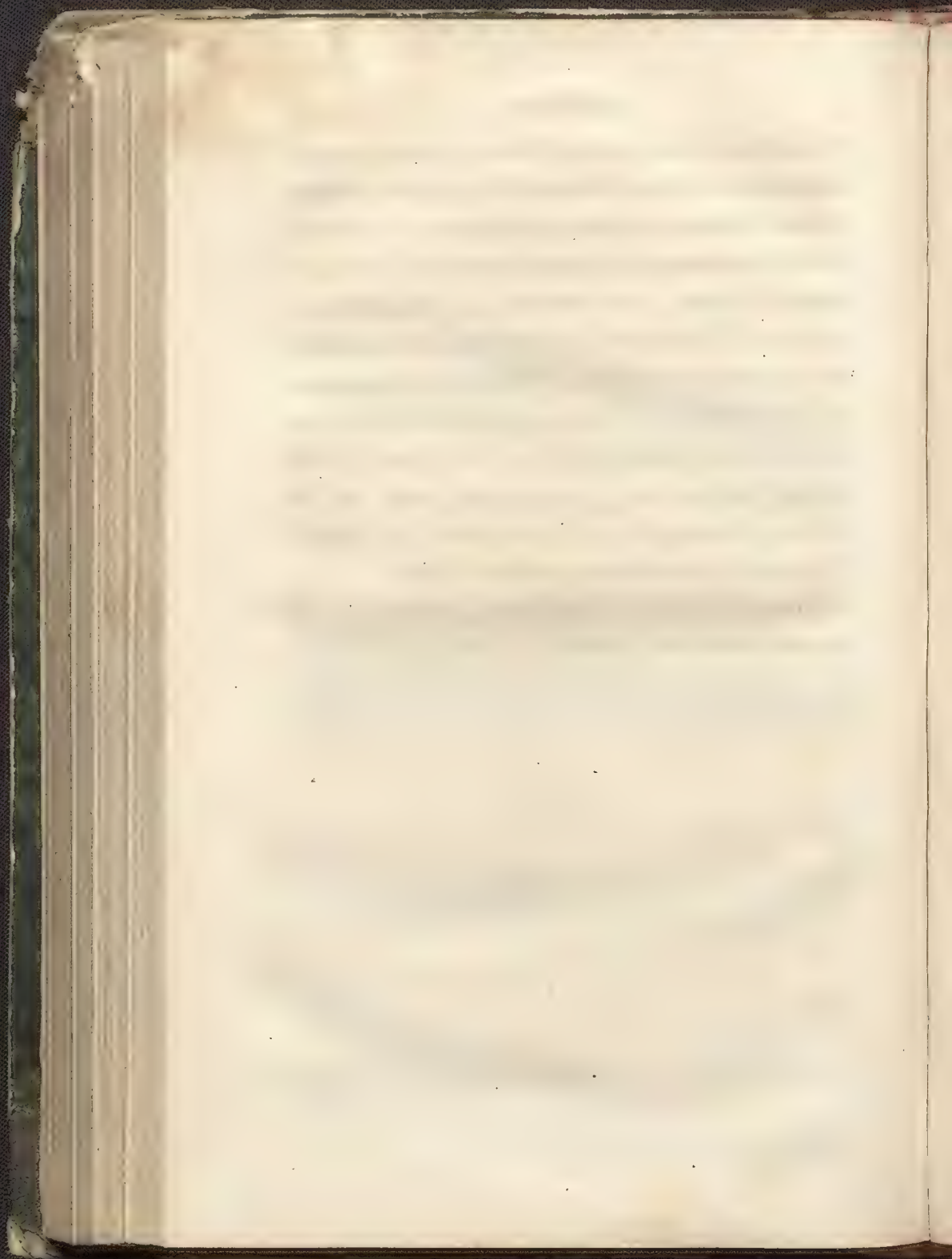
Прощайте, почтеннѣйшій, прощайте!

IV.

ПРОЛЕТОВЪ, потомъ слуга.

Вотъ неожиданный плодъ! вотъ подарокъ! Просто Богъ на шапку послалъ. Странно сказать, а по душѣ чувствуешь какое-то этакое неизъяснимое удовольствіе, какъ-будто бы или жена въ первый разъ сына родила, или министръ поцаловалъ тебя при всѣхъ чиновникахъ

въ полномъ присутствіи. Ейбогу! этакое магнетическое какое-то. Ей Андрей! (*Андрей входитъ*) ступай сейчасъ къ моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вотъ тебѣ на водку, напейся пьянъ, какъ стелька, для сегодняшняго дня я тебѣ позволяю; а вотъ еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы сейчасъ, самопужайшее дѣло. А, наконецъ-таки, на-силу и на нашу улицу пришло веселье! Постой же теперь я сяду играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подплясывать. А ужъ коли изъ своихъ пріятелей-чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ, такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнуть у тебя бока.

ЛАКЕЙСКАЯ.

SAINT JEROME

ЛАКЕЙСКАЯ.

I.

Театръ представляетъ переднюю. Направо дверь на лѣстницу, налево — въ залъ. На заднемъ занавѣсѣ дверь нѣсколько съ боку въ кабинетъ. До самыхъ дверей во всю стѣну длинная скамья. Петръ, Иванъ и Григорій видятъ на ней и спятъ, уткнувши головы одинъ другому въ плечо. Въ дверяхъ съ лѣстницы звенитъ громкій звонокъ. Лакеи пробуждаются.

ГРИГОРІЙ.

Ступай, отвори дверь : звонятъ!

ПЕТРЪ.

Да ты что сидишь? На ногахъ у тебя пузыри, что ли? встать не можешь?

ИВАНЪ, *махнувъ рукой.*

Ну, ужъ я пойду, такъ и быть, отворю! (отворяя дверь, вскрикиваетъ). Это Андриюшка!

ЧУЖОЙ СЛУГА, *сходитъ въ картузъ,
въ шинели и съ узелкомъ въ руку.*

ГРИГОРІЙ.

А, московская ворона! откуда тебя принесло?

ЧУЖОЙ СЛУГА.

Ахъ ты чухонскій сычъ! Побѣгалъ бы ты съ-мое. Вонъ (подымая узелокъ) къ цвѣточницѣ велѣла снести, что на Петербургской. Небось, четвертака на извозника не дастъ. Да и къ вашему то жъ. Что, спить?

ГРИГОРІЙ.

Кто? медвѣдь? Нѣтъ, еще не рычалъ изъ берлоги.

ПЕТРЪ.

Правда ли, что барыня ваша даетъ вамъ чулки штопать (естъ смѣются.)

ГРИГОРІЙ.

Ну ужъ ты, братъ, будь теперь штопальница. Ужъ мы такъ и звать тебя будемъ.

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Врешь, а вотъ же и не штопалъ никогда.

ПЕТРЪ.

Да вѣдь у васъ извѣстно: дворовый челоуѣкъ до обѣда поварь, а послѣ обѣда ужъ онъ кучеръ, или лакей, или башмаки шьетъ.

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Ну такъ что жъ, ремесло другому не помѣшаетъ. Не сидѣть же безъ дѣла. Конечно, я и лакей, да и женскій портной вмѣстѣ. И на барыню шью и на другихъ тоже — копейку добываю. А вы что, вѣдь вотъ ничево жъ не дѣлаете.

ГРИГОРІЙ.

Нѣтъ, братъ, у хорошаго барина лакея не займутъ работой, на то есть мастеровой. Вонъ у графа Булкина, тридцать, братъ, челоуѣкъ слугъ однихъ, и ужъ тамъ, братъ, нельзя такъ: «ей, Петрушка, сходи-ка туда». «Нѣтъ-моль, скажетъ, это не мое дѣло; извольте-съ приказать Ивану». Вотъ оно какъ. Вотъ оно что значить, если баринъ хочетъ жить, какъ баринъ. А вонъ ваша пigoлица, изъ Москвы пріѣхала, коляска-то орѣхъ раскушенный, веревками хвосты лошадямъ позавязаны (*смѣются*).

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Ну, ты смѣхунъ, смѣхунъ! Что жъ изъ того,

что лежишь весь день, вѣдь за то жъ ни копейки за душой у тебя нѣтъ.

ГРИГОРІЙ.

Да на что жъ мнѣ твоя копейка? а баринъ-то зачѣмъ? Вѣдь жалованье-то ужъ онъ мнѣ выдастъ, хоть я работай, или не работай. А копипть мнѣ на старость зачѣмъ? Что жъ за баринъ, коли ужъ пансіона слугъ не выдастъ за службу.

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Что? говорятъ, ребята балъ затѣлили?

ПЕТРЪ.

Да. А ты будешь?

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Да вѣдь что жъ этотъ балъ! только чай слава, что балъ.

ГРИГОРІЙ.

Нѣтъ, братъ, балъ будетъ на всю руку. По цѣлковому жертвуютъ и больше. Княжой поваръ далъ пять рублей и самъ берется столъ готовить. Угощенье будетъ не то, что орѣхи, ужъ полпуда конфетъ купили, мороженаго тоже.... (слышенъ тоненькій звонокъ изъ барскаго кабинета.)

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Ступай! звонить баринъ.

ГРИГОРІЙ.

Подождать. Лиминацію тоже зажгутъ. Музыку торговали, только не сошлись, баса нѣтъ, а то ужъ было (*слышенъ звонокъ изъ кабинета громче прежняго.*)

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Ступай, ступай! звонить.

ГРИГОРІЙ.

Подождать. Ну, ты сколько даешь?

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Да вѣдь чтò жъ этотъ балъ, вѣдь это все такъ.

ГРИГОРІЙ.

Ну развязывай мою, ты, штопальница! Вонъ смотри, Петрушка, на него, какой онъ.... (*тыкаетъ на него пальцемъ; въ это время открывается дверь кабинета и баринъ, въ халатъ, протянувши руку; схватываетъ Григорія за ухо, всѣ поднимаются съ своихъ мѣстъ.*)

II.

БАРИНЪ.

Что вы бездѣльники? Три человека, и хоть бы одинъ поднялся съ своего мѣста. Я звоню, что есть мочи, чуть тесьмы не оборвалъ.

ГРИГОРІЙ.

Да ничего не было слышно, сударь!

БАРИНЪ.

Врешь!

ГРИГОРІЙ.

Ейбогу! Что жъ мнѣ лгать? вотъ Петрушка тоже сидѣлъ. Ужъ это такой колокольчикъ, сударь, никуда не годится: никогда ничего не слышать. Надо будетъ слесаря позвать.

БАРИНЪ.

Ну, такъ позвать слесаря.

ГРИГОРІЙ.

Да я ужъ сказывалъ дворецкому. Да вѣдь что жъ? ему говоришь, а вѣдь онъ еще и выбранилъ за это.

БАРИНЪ, увидя чужаго лакея.

Это что за человекъ?

ГРИГОРІЙ.

Это-съ человекъ отъ Анны Петровны, зачѣмъ-то пришолъ къ вамъ.

БАРИНЪ.

Что скажешь братъ?

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Барыня приказала кланяться и доложить, что будутъ сегодня къ вамъ.

БАРИНЪ.

Зачѣмъ, не знаешь?

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Не могу знать. Онѣ только сказали: «скажи Федору Федоровичу, что я приказала кланяться и буду къ нимъ».

БАРИНЪ.

Да когда, въ которомъ часу?

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Не могу знать, въ которомъ часу. Онѣ сказали только, что доложи-де, говорить, Федору Федоровичу, что я, говорить, къ нимъ сама-де буду у нихъ а....

БАРИНЪ.

Хорошо. Петрушка, дай мнѣ поскорѣй одѣться: я иду со двора. А вы — не принимать никого! Слышишь, всѣмъ говорить, что меня нѣтъ дома! (*уходитъ, за нимъ Петрушка*).

III.

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ, Григорію.

Ну видишь, вѣдь вотъ и досталось.

ГРИГОРІЙ, махнувъ рукой.

А! ужъ служба такая! какъ ни старайся — все выбранять. (*Въ дверяхъ, что у лѣстницы, раздается звонокъ*).

ГРИГОРІЙ.

Вотъ опять какой-то чортъ лѣзетъ. (Ивану)
Ступай, отвориай, что жъ ты зѣваешь. (Иванъ
отворяетъ дверь; входитъ господинъ въ шу-
бъ).

IV.

ГОСПОДИНЪ ВЪ ШУБѢ.

Федоръ Федоровичъ дома?

ГРИГОРІЙ.

Никакъ нѣтъ.

ГОСПОДИНЪ.

Досадно. Не знаешь, куда уѣхалъ?

ГРИГОРІЙ.

Неизвѣстно. Должно-быть въ департаментъ.
А какъ объ васъ доложить?

ГОСПОДИНЪ.

Скажи, что былъ Нѣвелецагинъ. Очень-молъ
жалѣлъ, что не засталъ дома. Слышишь? не по-
забудь: Нѣвелецагинъ.

ГРИГОРІЙ.

Лентягинъ-съ.

ГОСПОДИНЪ, вразумительнѣе.

Нѣвелецагинъ.

ГРИГОРІЙ.

Да вы нѣмецъ?

ГОСПОДИНЪ.

Какой нѣмецъ! просто, русскій: Нѣ-ве-ле-ща-
гинъ.

ГРИГОРІЙ.

Слышь, Иванъ, не забудь: Ердацагинъ! (Гос-
подинъ уходитъ).

V.

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Прощайте, братцы, пора ужъ и мнѣ.

ГРИГОРІЙ.

Да что жъ на балъ, будешь, что ли?

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ.

Ну, да тамъ посмотрю послѣ. Прощай Иванъ.

ИВАНЪ.

Прощай (идетъ отворять двери.)

VI.

ГОРНИЧНАЯ ДѢВУШКА, бѣжитъ бѣгомъ
черезъ лакейскую.

ГРИГОРІЙ.

Куда, куда! удостойте взглядомъ! (хватаетъ
ее за полу платья.)

ДѢВУШКА.

Нельзя, нельзя, Григорій Павловичъ! не дер-
жите меня, совсѣмъ-съ некогда (вырывается и
убѣгаетъ въ дверь на лѣстницу).

ГРИГОРІЙ, смотря вслѣдъ ей.

Вонъ она, какъ поплелась! (смыется) хе, хе, хе!

ИВАНЪ, смыется.

Хи, хи, хи! (выходитъ баринъ; Григорій и Иванъ вдругъ наспливаютъ рожи и становятся сурьезны; Григорій снимаетъ съ вѣшалки шубу и накидываетъ барину на плечи; баринъ уходитъ; Григорій стоитъ среди комнаты, чистя пальцемъ въ носу.)

ГРИГОРІЙ.

Вѣдь вотъ свободное время; баринъ ушолъ, чего-бы, кажется, лучше, — нѣтъ, сейчасъ привалить этотъ чортъ, брюхачъ-дворецкій.

(За сценой слышенъ крикъ дворцоваго).

Вѣдь вотъ точно божеское наказаніе: десять человекъ въ домъ, и хотъ бы одинъ что-нибудь прибралъ.

ГРИГОРІЙ.

Вонъ ужъ пошолъ кричать толстобрюхій.

VII.

ПУЗАТЫЙ ДВОРЕЦКІЙ, входитъ съ сильными движеніями и размахами рукъ.

Побоялись бы хотъ совѣсти своей, коли Бога не боятесь. Вѣдь ковры до-сихъ-поръ не выко-

лочены. Вы бы, Григорій Павловичъ, примѣръ другимъ должны бы дать, а вы спите ровно отъ утра до вечера, вѣдь глаза-то у васъ совсѣмъ запыли отъ сна, ейбогу! вѣдь вы совсѣмъ подлецъ послѣ этого, Григорій Павловичъ.

ГРИГОРІЙ.

Да что жъ, нешто я не человѣкъ, что ужъ и заснуть нельзя!

ДВОРЕЦКІЙ.

Да кто жъ противъ этого и слово говорить. Почему жъ не заснуть? но вѣдь не весь же день спать. Ну, вотъ хоть бы и ты, Петръ Ивановичъ! вѣдь ты, не говоря дурнаго слова, на свинью похожъ, ейбогу. Вѣдь что тебѣ заботы? всего два, три какихъ-нибудь подсвѣчника вычистить. Ну, зачѣмъ ты тутъ баншься? (*Петръ медленно уходитъ*). А тебѣ, Ванька просто, толчка въ затылокъ слѣдуетъ.

ГРИГОРІЙ, *уход.*

Эхъ ты, житье, житье! вставши, да за вытье!

ДВОРЕЦКОЙ, *оставшись одинъ.*

Въ томъ-то и есть поведеніе, что всякій человѣкъ долженъ знать долгъ. Коли слуга, такъ слуга, дворянинъ, такъ дворянинъ, архіерей,

такъ архіерей. А то бы, пожалуй, всякій за-
чалъ... я бы сейчасъ сказалъ: нѣтъ, я не дво-
рецкій, а губернаторъ, или тамъ какой-нибудь
отъ инфантеріи. Да вѣдь за то мнѣ всякій бы ска-
залъ: нѣтъ, врешь, ты дворецкій, а не генералъ,
вотъ что! твоя обязанность смотрѣть за домомъ,
за поведеніемъ слугъ, вотъ что! Тебѣ не то, что
бонъ журъ, команъ ву франсе, а води порядокъ,
распоряженіе, вотъ что! Да.

VIII.

*Входитъ аннушка, горничная дѣвушка изъ дру-
гаго дома.*

ДВОРЕЦКІЙ.

А! Анна Гавриловна! на-счетъ моего почтенія
съ большимъ удовольствіемъ васъ вижу.

АННУШКА.

Не беспокойтесь, Лаврентій Павловичъ! я на-
рочно зашла къ вамъ на-минуту: я встрѣтила
карету вашего барина и услыхала, что его нѣтъ
дома.

ДВОРЕЦКІЙ.

И очень хорошо сдѣлали, я и жена будемъ
очень рады, пожалуйста, садитесь.

АННУШКА, съвши.

Скажите, вѣдь вы знаете что-нибудь о балѣ, который на-дняхъ затѣвается?

ДВОРЕЦКІЙ.

Какъ же. Оно примѣрно, вотъ изволите видѣть, складчина. Одинъ человѣкъ, другой, примѣрно также сказать, третій. Конечно это впрочемъ составитъ большую сумму. Я пожертвовалъ вмѣстѣ съ женою пять рублей. Ну, натурально, балъ, или что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно будетъ угощеніе, примѣрно сказать, прохладительное. Для молодыхъ людей танцы и тому прочія подобныя удовольствія.

АННУШКА.

Непремѣнно, непремѣнно буду. Я только зашла за тѣмъ, чтобы узнать, будете ли вы вмѣстѣ съ Агафьей Ивановной?

ДВОРЕЦКІЙ.

Ужъ Агафья Ивановна только и говорить, что объ васъ.

АННУШКА.

Я боюсь только на-счетъ общества.

ДВОРЕЦКІЙ.

Нѣтъ, Анна Гавриловна, у насъ будетъ обще-

ство хорошее. Не могу сказать навѣрно, но слышалъ, что будетъ камердинеръ графа Толстого, буфетчикъ и кучера князя Брюховецкаго, горничная какой-то княгини.... я думаю, тоже чиновники и некоторые будутъ.

АННУШКА.

Одно мнѣ только очень не нравится, что будутъ кучера. Отъ нихъ всегда запахъ простаго табаку или водки, притомъ же всѣ они такіе необразованные, невѣжи.

ДВОРЕЦКІЙ.

Позвольте вамъ доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерамъ рознь. Оно конечно, такъ-какъ кучера по обыкновенію больше своему находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчиняются, съ позволенія сказать, навозъ; конечно, человекъ простой, выпьетъ стаканъ водки, или, по недостаточности больше, выкурить обыкновеннаго бакупу, какой большею частию простой народъ употребляетъ; да, такъ, оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ навозомъ или водкой, конечно, все это такъ: да; однакожь согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такіе кучера, которые хо-

тя и кучера, однакожь, по обыкновенію своему, больше, примѣрно сказать, конохи, нежели кучера. Ихъ должность, или, такъ выразить, дирекція состоитъ въ томъ, чтобы отпустить овесъ, или укорить въ чемъ, если провинился фореиторъ или кучеръ.

АННУШКА.

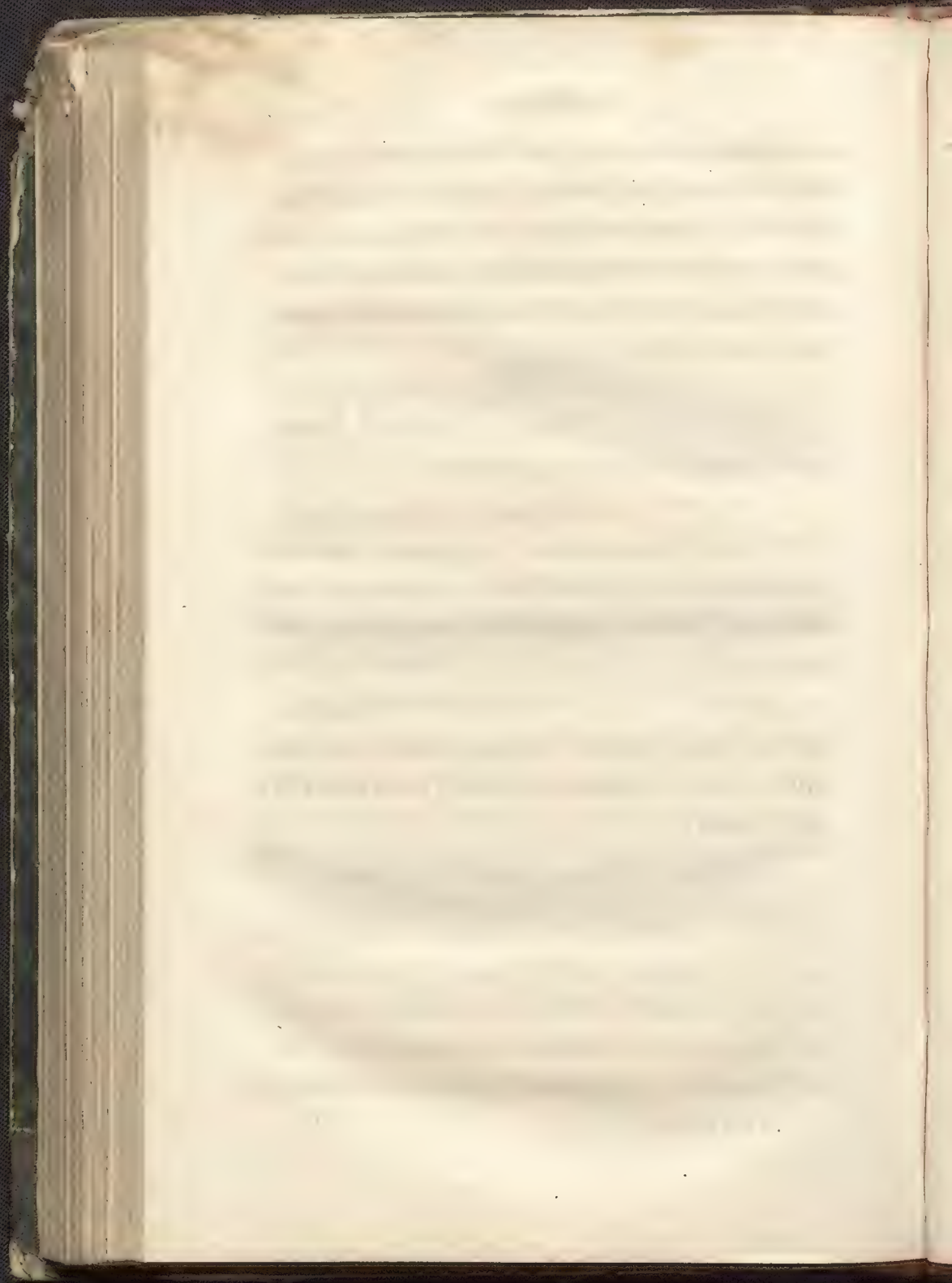
Какъ вы хорошо говорите, Лаврентій Павловичъ! я всегда васъ слушаюсь.

ДВОРЕЦКІЙ, съ довольною улыбкою.

Не стоить благодарности сударыня. Оно конечно не всякій человекъ имѣетъ, примѣрно сказать рѣчь, то-есть даръ слова. Натурально, бываетъ иногда... что какъ обыкновенно говорятъ коспозычіе... да, или иные прочіе подобные случаи, что впрочемъ уже происходитъ отъ натуры... Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату.

Аннушка идетъ, Лаврентій за нею.

==

ОТРЫВОКЪ.

25082570

ОТРЫВОКЪ.

I.

Комната въ домъ марьи Александровны.
МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (пожилыхъ лѣтъ дама)
и МИХАЙЛО АНДРЕЕВИЧЪ (ея сынъ).

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Послушай, Миша, я давно хотѣла съ тобою переговорить: тебѣ должно переменить службу.

МИША.

Пожалуй, хоть завтра же.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ты долженъ служить въ военной.

МИША, вытаращив глаза.

Въ военной?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Да.

МИША.

Что вы, маменька? въ военной?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну что жъ ты такъ изумился?

МИША.

Помилуйте; да развѣ вы не знаете: вѣдь нужно начинать съ юнкеровъ?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну да, послуживъ годъ юнкеромъ, а потомъ произведутъ въ офицеры, ужъ это мое дѣло.

МИША.

Да что вы нашли во мнѣ военнаго? и фигура моя совершенно не военная. Подумайте, матушка, право вы меня совершенно изумили такими словами, такъ-что я, я, я, просто, не знаю, что и подумать: я, слава Богу, и толстепекъ немножко, а какъ надѣну юнкерскій мундиръ съ короткими хвостиками, — совѣстно даже будетъ смотреть.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ нужды. Произведутъ въ офицеры, будешь

носить мундиръ съ длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, такъ-что ничего не будетъ замѣтно. Притомъ это и лучше, что ты немного толстъ—скорѣе пойдетъ производство: имъ же будетъ совѣстно, что у нихъ въ полку такой толстый прапорщикъ.

МИША.

Но, матушка, вѣдь мнѣ годъ, всего годъ осталось до коллежскаго ассессора. Я уже два года, какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранить мои уши; мнѣ такъ и приходится на умъ, Богъ знаетъ что. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штафирку, просто, не могу и смотреть теперь.

МИША.

Но посудите, матушка, разсмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще въ школѣ звали хомякомъ. Въ военной службѣ все же надо, чтобы и на лошади лихо ѣздить, и голосъ бы имѣлъ звонкій, и ростъ бы имѣлъ богатырскій, и талію.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Приобрѣтешь, все приобрѣтешь. Я хочу, чтобы

ты непременно служилъ; на это есть очень важная причина:

ЖЕННА.

Да, какая же причина?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, ужъ причина важная.

ЖЕННА.

Все же таки скажите, какая причина?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько: Губолизова, эта дура, третьяго дня у Рогожинскихъ, говорить и нарочно такъ, чтобы я слышала. А я и сижу третьею. Передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина и за княгиней Александриной сейчас я. Что бы ты думалъ эта негодная осмѣлилась говорить?... Я право такъ и хотѣла встать съ мѣста, и еслибъ не княгиня Александрина, я бы не знала, что я сдѣлала. Говорить: «я очень рада, что на знатныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такіе все, говорить, *mauvais gen*, что-то не благороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада, говорить, что мой Алексисъ не носитъ этого сквернаго фрака».—И все это произнесла съ такимъ жеманствомъ, съ

такимъ тономъ.... такъ право.... я не знаю, что-бы я сдѣлала съ нею. А ея сынъ просто дуракъ набитый; только всего и умѣетъ, что подымать ногу. Такая противная мерзавка.

НИНА.

Какъ, матушка, такъ въ этомъ-то причина?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Да я хочу на-зло, чтобы мой сынъ тоже служилъ въ гвардіи и былъ бы на всѣхъ лучшихъ балахъ.

НИНА.

Помилуйте, матушка, изъ того только, что она дура....

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ, ужъ я рѣшилась. Пусть-ка она себѣ треснетъ съ досады, пусть побѣситя.

НИНА.

Однако жѣ....

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

О! я ей покажу! Ужъ какъ она хочетъ, я употреблю всѣ старанья, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть чрезъ это и потеряетъ, а ужъ непременно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться передо мною и подымать и

безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ ужъ вотъ этого-то никогда не будетъ. Ужъ какъ вы себя хотите, Наталья Андреевна!

МИША.

Да развѣ этимъ вы ей досадите?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

О! ужъ этого-то не позволю.

МИША.

Если вы этого требуете, маменька, я перейду въ военную, только, право, мнѣ самому будетъ смѣшно, когда увижу себя въ мундирѣ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ужъ по-крайней-мѣрѣ гораздо благороднѣе этого фрацишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

МИША.

За однимъ разомъ и перемѣнить службу и женить?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Что же? Какъ-будто нельзя и перемѣнить службу и жениться?

МИША.

Да вѣдь я и намѣренія еще не имѣю. Я еще не хочу жениться.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Захочешь, если только узнаешь на комъ. Этой женитьбой доставишь ты себѣ счастье и въ службѣ и въ семейственной жизни. Словомъ, я хочу женить тебя на княжнѣ Шлепохвостовой.

МИША.

Да вѣдь она, матушка, дура первоклассная.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Вовсе не первоклассная, а такая же, какъ и всѣ другія. Прекрасная дѣвушка, вотъ только что памяти нѣтъ; иной разъ забывается, скажетъ невпопадъ; по это отъ разсѣянности; а ужъ за то вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумаетъ.

МИША.

Помилуйте, куда ей сплетничать! Она насилу слово можетъ связать, да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дѣло сердечное, надо чтобы душа....

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну такъ, я вотъ какъ-будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебѣ это не пристало, не пристало, я тебѣ двадцать разъ

уже говорила. Другому еще это идетъ както, а тебѣ совсѣмъ не идетъ.

МИННА.

Ахъ, маменька, но когда и въ чемъ я былъ не послушенъ вамъ. Мнѣ уже скоро тридцать лѣтъ, а между-тѣмъ я, какъ дитя, покоренъ вамъ во всемъ. Вы мнѣ велите вѣхать туда, куда бы мнѣ смерть не хотѣлось вѣхать — и я ѣду, не показывая даже и виду, что мнѣ это тяжело. Вы мнѣ приказываете потереться въ передней такого-то — и я трусь въ передней такого-то, хоть мнѣ это вовсе не по-сердцу. Вы мнѣ велите танцовать на балахъ — и я танцую, хоть всѣ надо мною смѣются и надъ моей фигурой. Вы, наконецъ, велите мнѣ перемѣнить службу — и я перемѣняю службу, въ тридцать лѣтъ иду въ юнкера; въ тридцать лѣтъ я перерождаюсь въ ребенка, въ угодиость вамъ, и при всемъ томъ вы мнѣ всякій день колете глаза либеральничествомъ. Не пройдетъ минуты, чтобы вы меня не называли либераломъ. Послушайте, матушка, это больно, клянусь вамъ, это больно. Я достоинъ за мою искреннюю любовь и привязанность къ вамъ болѣе....

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Пожалуста, не говори этого. Будто я не знаю, что ты либераль, и знаю даже, кто тебѣ все это внушаетъ: все этотъ скверный Собачкинъ.

МИША.

Нѣтъ, матушка, это уже слишкомъ, чтобы Собачкина я даже сталъ слушаться. Собачкинъ мерзавецъ, картежникъ и все, что вы хотите. Но тутъ онъ невиненъ. Я никогда не позволю ему надо мною имѣть и тѣни вліянія.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ Боже мой, какой ужасный человекъ! я испугалась, когда его узнала. Безъ правилъ, безъ добродѣтели, какой гнусный, какой гнусный человекъ! Еслибъ ты зналъ, что такое разнесъ онъ про меня, я три мѣсяца не могла никуда поса показать: что у меня подають салыные огарки; что у меня по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою; что я вышла на гулянье въ упряжи изъ простыхъ всревокъ на извозничьихъ хомутахъ.... Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна; я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно, одна вѣра въ Провидѣніе подкрѣпила меня.

МИША.

И этотъ человекъ, вы думаете, можетъ имѣть надо мною власть, и думаете, я позволю...

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Я сказала, чтобъ онъ не смѣлъ мнѣ на глаза показываться, и ты однимъ можешь только оправдать себя, когда безъ всякаго упорства сдѣлаешь княжнѣ declaration сегодня же.

МИША.

Но, матушка, а если нельзя этого сдѣлать.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Какъ нельзя, это почему?

МИША, въ сторону.

Ну, рѣшительная минута!... (*вслухъ*). Позвольте мнѣ хоть здѣсь имѣть свой голосъ, хотя въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастье моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня.... ну, если я влюбленъ въ другую?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Это, признаюсь, для меня новость. Объ этомъ я еще ничего не слышала. Да кто жъ такая эта другая?

МИША.

Ахъ, маменька, клянусь, никогда еще не было подобной, ангель, ангель и лицомъ и душою.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Да чьихъ она, кто отецъ ея?

МИША.

Отецъ Александръ Александровичъ Одосимовъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Одосимовъ? фамилія не слышная! Я ничего не знаю про Одосимова.... да что, онъ богатый человекъ?

МИША.

Рѣдкій человекъ, удивительный человекъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

И богатый?

МИША.

Какъ вамъ сказать? Надо, чтобы вы его видели. Такихъ достоинствъ души не сыщешь въ свѣтѣ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Да что онъ, какъ, въ чемъ состоитъ его имущество?

МИША.

Я не понимаю, маменька, чего вы хотите? Позвольте мнѣ на-счетъ этого сказать откровенно мои мысли. Въдь теперь, какъ бы то ни было, можетъ-быть, во всей Россіи нѣтъ жениха, который бы не искалъ богатой невѣсты. Всякій хочетъ поправиться женнинымъ приданымъ. Ну пусть

еще въ нѣкоторомъ отношеніи это извинительно: я понимаю, что бѣдный человѣкъ, которому не повезло по службѣ или въ чемъ другомъ, которому, можетъ-быть, излѣпивъ честность помѣшала составить состояніе, словомъ, что бы то ни было, но я понимаю, что онъ вправѣ искать богатой невѣсты и, можетъ-быть, несправедливы бы были родители, еслибъ не отдали должнаго его достоинствамъ и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедливы ли человѣкъ богатый, который будетъ искать тоже богатыхъ невѣстъ,—что жъ будетъ тогда на свѣтъ? Вѣдь это все равно, что сверхъ шубы да надѣть шинель, когда и безъ того жарко, когда эта шинель, можетъ-быть, прикрыва бы чьи-нибудь плечи. Нѣтъ, маменька, это несправедливо. Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитаніе дочери.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Довольно, довольно! Больше я не въ силахъ слушать. Все знаю, все: влюбился въ потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая можетъ-быть, Богъ знаетъ чѣмъ занимается.

МИША

Матушка....

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Отецъ пьяница, мать стряпуха, родня кварташки или служащіе по питейной части... и я должна все это слышать, все это терпѣть, терпѣть отъ роднаго сына, для котораго я не щадила жизни—нѣтъ, я не переживу этого?

МИША.

Но, матушка, позвольте....

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Боже мой, какая теперь нравственность у молодыхъ людей! Нѣтъ, я не переживу этого, клянусь, не переживу этого.... Ахъ! что это? у меня закружилась голова! (*вскрикиваетъ*). Ахъ, въ боку колिका?... Машка, Машка, стклянку!... Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокій сынъ!

МИША, бросаясь.

Матушка, успокойтесь. Вы сами создаете для себя....

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

И все это надѣлалъ этотъ скверный Собачкинъ. Я не знаю, какъ не выгнать до-сихъ-поръ эту чуму.

ЛАКЕЙ, въ дверяхъ.

Собачкинъ пріѣхалъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Какъ! Собачкинъ? Отказать, отказать, чтобъ его и духу здѣсь не было.

II.

ТЪ ЖЕ И СОБАЧКИНЪ.

СОБАЧКИНЪ.

Марья Александровна! извините великодушно, что такъ давно не былъ. Ейбогу никакъ не могъ: повѣрить не можете, сколько дѣлъ; зналъ, что будете гнѣваться, право зналъ.... (увидя Мишу). Здравствуй братъ, какъ ты?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, въ-сторону.

У меня, просто, словъ не достаетъ! Каковъ? Еще извиняется, что давно не былъ!

СОБАЧКИНЪ.

Какъ я радъ, что вы, судя по лицу, такъ свежи и здоровы. А брата вашего какъ здоровье? Я полагалъ, признаюсь, и его также застать у насъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Для этого вы бы могли отправиться къ нему, а не ко мнѣ.

СОБАЧКИНЪ, *улыхался.*

Я прїѣхалъ разсказать вамъ одинъ преинтересный анекдотъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Я не охотница до анекдотовъ.

СОБАЧКИНЪ.

Объ Натальѣ Андреевнѣ Губомазовой.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Какъ, объ Губомазовой!... (*стараясь скрыть любопытство*). Такъ это, вѣрно, недавно случилось?

СОБАЧКИНЪ.

На-дняхъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Что жъ такое?

СОБАЧКИНЪ.

Знаете ли, что она сама съчетъ своихъ дѣвокъ?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Пѣтъ! что вы говорите? Ахъ какой срамъ! можно ли это?

СОБАЧКИНЪ.

Вотъ вамъ крестъ! Позвольте же разсказать: одинъ разъ велитъ она виноватой дѣвушкѣ лечь, какъ слѣдуетъ, на кровать, а сама пошла въ другую комнату, не помню зачѣмъ-то, кажет-

ся, за розгами. Въ это время дѣвушка зачѣмъ-то выходитъ изъ комнаты, а на мѣсто ея приходитъ Наталья Андреевны мужъ, ложится и засыпаетъ. Является Наталья Андреевна, какъ слѣдуетъ, съ розгами, велитъ одной дѣвущкѣ сѣсть ему на ноги, накрыла простыней и выскла мужа.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, *всплеснувъ руками.*

Ахъ, Боже мой, какой срамъ! Какъ это до-сихъ-поръ я ничего объ этомъ не знала? Я вамъ скажу, что я почти всегда была увѣрена, что она въ состояніи это сдѣлать.

СОВАЧКИНЪ.

Натурально. Я это говорилъ всему свѣту. Толкуютъ: примѣрная жена, сидитъ дома, занимается воспитаніемъ дѣтей, сама учитъ ихъ по-англійски—какое воспитанье: сѣчетъ всякій день мужа, какъ кошку!... Какъ мнѣ жаль право, что я не могу пробить у васъ подолѣе (*раскланивается*).

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Кудажъ это вы, Андрей Кондратьевичъ? Не совѣстно ли вамъ, столько времени у меня не бывши.... Я всегда привыкла васъ видѣть, какъ друга дома, оставайтесь! Мнѣ хотѣлось еще съ

вами переговорить кое-о-чемъ. Послушай, Миша, у меня въ комнату дожидается каретникъ, пожалуйста, переговори съ нимъ. Спроси, возьмется ли онъ передѣлать карету къ первому числу. Цвѣтъ чтобы былъ голубой съ свѣтлой уборкой, на-маперъ кареты Губомазовой.

(Миша уходитъ).

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Я нарочно услала сына, чтобы переговорить съ вами наединѣ. Скажите, вы, вѣрно, знаете, есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ?

СОВАЧКИНЪ.

Одосимовъ?... Одосимовъ.... Одосимовъ.... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ; а впрочемъ я могу справиться.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Пожалуста.

СОВАЧКИНЪ.

Помню, помню, есть Одосимовъ столоначальникъ или начальникъ отдѣленія.... точно есть.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Вообразите, вышла одна смѣшная исторія.... вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе.

СОБАЧКИНЪ.

Вамъ стоитъ только приказать. Для васъ я готовъ на все: вы сами это знаете.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Вотъ въ чемъ дѣло: мой сынъ влюбился, или лучше не влюбился, а просто зашло въ голову сумасбродство... Ну, молодой человекъ. Словомъ, онъ бредить дочерью этого Одосимова.

СОБАЧКИНЪ.

Бредить? А однако жъ: онъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Да впрочемъ конечно бредить, если вы говорите.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Я хочу отъ васъ, Андрей Кондратьевичъ, большой услуги: вы, я знаю, правитесь женщинамъ.

СОБАЧКИНЪ.

Хе, хе, хе! Да вы почему это думаете? А вѣдь точно, вообразите: на-масленной шестъ купчихъ... можетъ-быть, вы думаете, что я съ своей стороны какъ-нибудь волочился или что-нибудь другое... клянусь, даже не посматрѣлъ. Да вотъ еще лучше: вы знаете того, какъ-бишь его, Ер-

молай, Ермолай.... Ахъ Боже, Ермолай, вотъ что жилъ на Липтейной, недалеко отъ Кирочной?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Не знаю тамъ никого.

СОВАЧКИНЪ.

Ахъ Боже мой, Ермолай Ивановичъ, кажется, вотъ хоть убей, позабылъ фамилію. Еще жена сгорѣтъ пять тому назадъ, попала въ исторію. Ну, да вы знаете ее, Сильфіда Петровна.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Совѣмъ нѣтъ; не знаю я никакого, ни Ермолая Ивановича, ни Сильфіды Петровны.

СОВАЧКИНЪ.

Боже мой! онъ еще жилъ недалеко отъ Куропаткина.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Да и Куропаткина я не знаю.

СОВАЧКИНЪ.

Да вы послѣ припомните, дочь богачка страшная, до двухъ-сотъ-тысячъ приданого и не то, чтобы съ надуваньемъ, а еще до вѣнца ломбардный билетъ въ руки.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Что жъ вы не женились?

СОВАЧКИНЪ.

Не женился. Отецъ три дня на колынахъ стоялъ, упрасивалъ, и дочь не перенесла, и теперь въ монастырь сидитъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Почему жъ вы не женились?

СОВАЧКИНЪ.

Да такъ както. Думаю себѣ: отецъ откупщикъ, родня — что ни попало. Повѣрите, самому, право, было потомъ жалко. Чортъ побери право, какъ устроены свѣтъ: все условія, да приличія. Сколькихъ людей уже погубили.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, да что же вамъ смотреть на свѣтъ? (въ-сторону) Прощу покорно! Теперь всякая чушь, вылезшая козявка ужъ думаетъ, что онъ аристократъ. Вотъ всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, какъ говорить.

СОВАЧКИНЪ.

Ну да нельзя, Марья Александровна, право, нельзя, все както... ну понимаете... Станутъ говорить: ну вотъ женился, чортъ знаетъ на комъ.... Да со мной, впрочемъ, всегда такія исторіи. Иной разъ право совсѣмъ не виновать, съ

своей стороны рѣшительно ничего.... ну что ты прикажешь дѣлать? (*Говоритъ тихо*) Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ-трехъ утонувшихъ женщинъ — я ужъ только молчу, потому-что въ такую еще впутаться исторію.... Да, любить; а вѣдь за что бы, кажется? лицомъ нельзя сказать, чтобы очень...

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Полно, будто вы сами не знаете, что вы хорошъ.

СОБАЧКИНЪ, *усмѣхался.*

А вѣдь вообразите, что еще какъ былъ мальчишкой, ни одна, бывало, не пройдетъ безъ того, чтобы не ударить пальцемъ подъ подбородокъ и не сказать: плутишка, какъ хорошъ!

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, *въ-сторону.*

Прошу покорно! Вѣдь вотъ на счетъ красоты тоже вѣдь моська совершенная, а воображаетъ, что хорошъ. (*Вслухъ*) Ну такъ послушайте же, Андрей Кандратьевичъ, съ вашею наружностію можно это сдѣлать. Мой сынъ влюбленъ до дурачества и воображаетъ, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли какъ-нибудь,

знаете, представить ее не въ томъ видѣ, какъ-нибудь этакъ, что называется немножко разма-
рать. Если вы, положимъ, не произведете на нее
дѣйствія и она не сойдетъ съ-ума отъ васъ...

СОБАЧКИНЪ.

Марья Александровна, сойдетъ! не спорьте,
сойдетъ! я голову дамъ отрубить, если не сой-
детъ. Я вамъ скажу, Марья Александровна, со
мною не такія бывали исторіи.... Вотъ еще на
дняхъ....

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну какъ бы то ни было, сойдетъ, или не
сойдетъ, только нужно, чтобы по городу раз-
неслись слухи, что вы съ нею въ связи.... и
чтобы это дошло до моего сына.

СОБАЧКИНЪ.

До вашего сына?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Да, до моего сына.

СОБАЧКИНЪ.

Да.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Что? да?

СОБАЧКИНЪ.

Ничего, я такъ сказалъ да.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Развѣ вы находите, что это для васъ трудно?

СОБАЧКИНЪ.

О, нѣтъ, ничего. Но всѣ эти влюбленные, вы не повѣрите, какія у нихъ несообразности, неумѣстныя ребячества разныя: то пистолеты, то.... чортъ знаетъ что такое.... Конечно, я не-то чтобы этимъ какъ-нибудь.... но знаете, не прилично въ хорошемъ обществѣ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

О, на-счетъ этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до того.

СОБАЧКИНЪ.

Впрочемъ я такъ только замѣтилъ. Повѣрьте, Марья Александровна, я для васъ, еслибы пришлось, точно порисковать гдѣ жизнью, то съ удовольствіемъ, ейбогу, съ удовольствіемъ.... Я такъ васъ люблю, что, признаться сказать, даже совѣстно, вы подумаете быть-можетъ, Богъ знаетъ что, а это именно одно только глубочайшее уваженіе. Ахъ вотъ, хорошо, что вспомнилъ! Я

попрошу васъ, Марья Александровна, одолжить мнѣ на самое короткое время тысячки двѣ. Чортъ его знаетъ, какая дурацкая память: одѣваясь, все думалъ, какъ бы не позабыть книжку, нарочно положилъ на столъ передъ глазами. Чтò прикажете, все взялъ, табакерку взялъ, платокъ даже лишній взялъ, а книжка осталась на столѣ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, съ-стороны.

Чтò съ нимъ дѣлать? Дашь — замотаетъ, а не дашь — распустилъ по городу такую чепуху, что мнѣ никуда нельзя будетъ носа показать. И мнѣ нравится, что еще говорить, позабылъ книжку! Книжонка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А нечего дѣлать, надо дать. (*Вслухъ*) Извольте, Андрей Кондратьевичъ; обождите только здѣсь; я вамъ ихъ сейчасъ принесу.

СОБАЧКИНЪ.

Очень хорошо, я посижу здѣсь.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, уходя съ-стороны.

Безъ денегъ ничего, мерзавецъ, не можетъ сдѣлать.

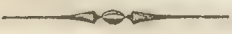
СОБАЧКИНЪ, одинъ.

Да, эти двѣ тысячи теперь мнѣ и очень пригодятся. Долговъ-то я отдавать не буду—и сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна тоже подождетъ, конечно раскричится—ну да что жъ дѣлать—нельзя же деньги сорить на все, съ нея довольно и любви моей, а платье, она вретъ, у нея есть. А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясочка моя хоть и новая, ну да ее всякій уже видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Юкина только-что отдѣланная послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ее. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей коляскѣ, такъ я и весьма ее могу вымѣнять. Такъ я, знаете, какой задамъ тогда эффектъ! Можетъ-быть, на всемъ гуляньѣ всего и будетъ только одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ вездѣ заговорятъ. А между-тѣмъ нужно подумать о порученьи Марьи Александровны. Мнѣ кажется, благоразумнѣе всего начать съ любовныхъ писемъ. Написать письмо отъ имени этой дѣвушки, да и выронить какъ-нибудь нечаянно при немъ или позабыть на столѣ въ его комнату. Конечно, можетъ выйти какъ-нибудь плохо. Да впрочемъ что жъ? надасть еѣ только

тузановъ. Тузаны, конечно, больно, да все же вѣдь не до такой же степени, чтобы... да вѣдь я могу и удрать, и если что, въ спальню Марьи Александровны и прямо подъ кровать, и пусть-ка онъ оттуда меня вытащитъ! Но главное, какъ написать письмо? Смерть не люблю писать, то есть, просто, хоть зарѣжь. Чортъ его знаетъ, такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо—просто, какъ-будто бы кто-нибудь оплеуху далъ, конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно. Развѣ вотъ что! У меня есть кое-какія письма, еще недавно ко мнѣ присланныя; выбрать, которое получше, подскоблить фамилію, а вмѣсто ея написать другую. Что жъ, чѣмъ же это не хорошо? право. Пошарить въ карманъ, можетъ-быть, тутъ же посчастливится найти именно такое, какъ нужно. (*Вынимаетъ изъ кармана пучокъ писемъ*). Ну хоть бы это, напиримъ (*читаетъ*): «Я очинь слава Богу здорова по за немогаю отъ болѣ. Али вы душенька совсемъ позабыли. Иванъ Даниловичъ виделъ васъ душиньку въ тѣатрѣ и то пришли бы успокоили веселостями разговора». Чортъ возьми, кажется, правописанья нѣтъ! Нѣтъ, этимъ, я думаю, не надуешь. (*Продолжаетъ*) «Я для васъ

душинька вышшла подвязку». Ну и разносилась съ пѣжностями, что-то буколическаго много, Шатобріаномъ пахнетъ. А вотъ, можетъ-быть, не будетъ ли здѣсь чего-нибудь? (*Разсвертываетъ другое и прищуриваетъ глаза, стараясь разобратъ*). «Лю-без-ный другъ!» Нѣтъ, это одна-кожъ не любезный другъ, что же однакожъ? «Пѣж-ныйшій, дражайшій?» Нѣтъ, и не дражайшій, нѣтъ, нѣтъ. (*читаетъ*): «Ме, ме, е... рзавецъ». Хм. (*сжимаетъ губы*). «Если ты коварный оболь-ститель моей невинности не отдашь задолжанныя мною въ мелочную лавочку деньги, которыя я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа, (*последнее слово читаетъ почти сквозь зубы*), то я тебя въ полицію». Чортъ знаетъ что, вотъ ужъ, просто, чортъ знаетъ что. Вотъ, ужъ имен-но ничего нѣтъ въ этомъ письмѣ. Конечно, обо всемъ можно сказать, но можно сказать благопри-стойно, выраженьями такими, которыя бы не о-скорбляли человека. Нѣтъ, нѣтъ, все эти письма, я вижу, какъ-то не то... совсѣмъ не годятся. Надо поискать чего-нибудь сильнаго, гдѣ ви-днѣнь кинятокъ, кинятокъ, что называютъ. А вотъ, вотъ, посмотримъ это. (*читаетъ*): «Жестокій ти-ранъ души моей!» А, — это что-то хорошее од-

накожь. «Тропись сердечной моей участью!» И
преблагородно! ейбогу преблагородно! Въдь вотъ
видно воспитанье, ужъ по началу видно, кто
какъ себя поведеть. Вотъ какъ пужно писать!
Чувствительно, а между-тѣмъ и человекъ не ос-
корбленъ. Вотъ это письмо я ему и подсуну.
Далѣе ужъ и читать не надо; только не знаю,
какъ бы выскоблить, такъ-чтобъ не было замѣт-
но. (*смотритъ на подпись*). Э, э! вотъ хорошо,
даже имени не выставлено, прекрасно! это и под-
писать. Каково обдѣлалось дѣльце само-собою!
А въдь, говорить, наружность вздоръ: ну не будь
смазливъ, не влюбился бы въ тебя, а не влю-
бившись, не написали бы писемъ, а не имѣя ихъ,
не зналъ бы какъ взяться за это дѣло. (*Подходя
къ зеркалу*) Еще сегодня какъ-то опустился, а то
въдь иной разъ точно даже что-то значительное
въ лицѣ.... Жаль только, что зубы скверные, а
то бы совсѣмъ былъ похожъ на Багратіона. Вотъ
не знаю, какъ отпустить бакенбарды: такъ ли,
чтобы рѣшительно вокругъ было бахрамой, какъ
говорять сукномъ облить, или выбрить все
гольемъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ

ПОСЛѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ НОВОЙ КОМЕДИИ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ

ПОСЛѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ НОВОЙ КОМЕДИИ.

Сънми театра. Съ одной стороны видны лѣстницы, ведущія въ ложи и галлерей; по-средины вхоть въ кресла и амфитеатръ; съ другой стороны вхоть. Слышенъ отдаленный гулъ рукоплескаій.

АВТОРЪ ПІЕСЫ, * вхоть.

Я вхоть, какъ изъ оута! Вхоть наконецъ и крики и рукоплесканья! весь театръ гре-

* Само-собою разумѣется, что авторъ піесы лицо идеальное. Въ немъ изображено положеніе комика въ обществѣ, комика, избравшаго предметомъ своимъ осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей.

*

мнѣ!.... вотъ и слава! Боже, какъ бы забилось мое сердце назадъ тому лѣтъ семь, восемь! какъ бы встрепенулось все во мнѣ. Но это было давно. Я былъ тогда молодъ, дерзкомысленъ, какъ юноша. Благъ промыслъ, не давшій вкусить мнѣ раннихъ восторговъ и хвалъ! Теперь.... Но разумный холодъ лѣтъ умудрить хотъ кого. Узнаешь наконецъ, что рукоплесканья еще не много значать и готовы служить всему наградой: актеръ ли постигнетъ всю тайну души и сердца чловѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить вензеля ногами, фокусникъ ли — всѣмъ имъ гремитъ рукоплесканье! Голова ли думаетъ, сердце ли чувствуетъ, звучитъ ли глубина души, работаютъ ли ноги, или руки перевертываютъ стаканы — все покрывается равными плесками. Нѣтъ, не рукоплесканій я бы теперь желалъ: я бы желалъ теперь вдругъ переселиться въ ложи, въ галереи, въ кресла, въ раёкъ, проникнуть всюду, услышать всѣхъ мнѣнйя и впечатлѣнйя, пока они еще дѣвственны и свѣжи, пока еще не покорились толкамъ и сужденьямъ знатоковъ и журналистовъ, пока каждый подъ вліяніемъ своего собственнаго суда. Мнѣ это нужно: я комикъ. Всѣ другія произведенія и роды подлежатъ су-

ду не многихъ, одинъ комикъ подлежить суду всѣхъ; надъ нимъ всякій зритель имѣетъ право, всякаго званія человекъ уже становится судьей его. О, какъ бы хотѣлъ я, чтобы каждый указалъ мнѣ мои недостатки и пороки! Пусть даже посмѣется надо мною, пусть недоброжелательство править устами его, пристрастие, негодованье, ненависть, все, что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не можетъ безъ причины произвестись слово, и вездѣ можетъ зарониться искра правды. Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанья слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ. Попробую, останусь здѣсь въ свѣтахъ во все время разъѣзда. Нельзя, чтобы не было толковъ о новой піесѣ. Человекъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія всегда живъ и спѣшитъ имъ подѣлиться съ другимъ. (*Отходитъ въ-сторону; показывается нѣсколько прилично одѣтыхъ людей; одинъ говоритъ обращаясь къ другому*): Выйдемъ лучше теперь. Игратся будетъ незначительный водевиль. (*Оба уходятъ*).

Два сомме ил фаут, плотнаго свойства, сходятъ
съ льстницы.

ПЕРВЫЙ СОММЕ ИЛ ФАУТ.

Хорошо, еслибы полиція недалеко отогнала
мою карету. Какъ зовутъ эту молоденькую акт-
рису, ты не знаешь?

ВТОРОЙ СОММЕ ИЛ ФАУТ.

Пьтъ, а очень не дурна.

ПЕРВЫЙ СОММЕ ИЛ ФАУТ.

Да, не дурна; но все чего-то еще пьтъ. Да,
рекомендую: новый ресторанъ: вчера намъ по-
далъ свѣжій зеленый горохъ (цалустъ концы
пальцевъ) прелесть! (Уходятъ оба).

Бѣжитъ офицеръ, другой удерживаетъ его за
руку.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕРЪ.

Да останемся!

ДРУГОЙ ОФИЦЕРЪ.

Ньтъ, братъ, на водевилъ и калачомъ не зама-
нишь. Знаемъ мы эти пьсы, которыя даются на
закуску: лакеи вместо актеровъ, а женщины —
уродъ на уродъ. (Уходятъ).

СВѢТСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ, *цеголевато оди-*
тый, сходл съ
лѣстницы.

Плуть портной, претѣсно сдѣлалъ мнѣ панталоны, все время было страхъ неловко сидѣть. Зато я намѣренъ еще проволочить его, и годика два не заплачу долговъ (*уходитъ*).

ТОЖЕ СВѢТСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ, *поплатилъ, го-*
ворить съ живостію другому.

Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядетъ играть. Меньше какъ по полутора ста рублей роберъ онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому-что шуринъ мой, Пафнутьевъ, всякій день съ нимъ играетъ.

АВТОРЪ ПІЕСЫ, *про-себя.*

И все еще ни слова о комедіи!

ЧИНОВНИКЪ СРЕДНИХЪ ЛѢТЪ, *выходл съ*
растопыренными руками.

Это, просто, чортъ знаетъ что такое! Этакое... этакое!.... это ни на что не похоже (*ушолъ*).

ГОСПОДИНЪ, НѢСКОЛЬКО БЕЗЗАБОТНЫЙ НА-СЧЕТЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, обращаясь къ другому.

Вѣдь это, однакожъ, кажется, переводъ?

ДРУГОЙ.

Помилуйте, что за переводъ! Дѣйствіе проис-
ходить въ Россіи, наши обычаи и чины даже.

ГОСПОДИНЪ БЕЗЗАБОТНЫЙ НА-СЧЕТЪ ЛИТЕРАТУРЫ.

Я помню однакожъ, было что-то на француз-
скомъ, но не совсѣмъ въ этомъ родѣ (оба ухо-
дятъ).

Одинъ изъ двухъ зрителей тоже выходящихъ
вонъ.

Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что
скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь.

Два бекеша; одна другой.

Ну, какъ вы? Я бы желалъ знать ваше мнѣ-
ніе о комедіи.

ДРУГАЯ БЕКЕША, для значительныхъ
движеній губали.

Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было то-
го.... въ своемъ родѣ.... Ну, конечно, кто жъ

противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было и.... гдѣ жъ, такъ сказать.... а впрочемъ (у-твердительно сжимая губами) Да, да (ухо-дятъ).

АВТОРЪ, про-себя.

Ну, эти пока еще не много сказали. Толки однако же будутъ: я вижу впереди горячо размахиваютъ руками.

Два офицера.

ПЕРВЫЙ.

Я еще никогда такъ не смѣлся.

ВТОРОЙ.

Я полагаю, отличная комедія!

ПЕРВЫЙ.

Ну нѣтъ, посмотримъ еще, что скажутъ въ журналахъ; надо подвергнуть суду критики.... Смотри, смотри! (толкаетъ его подъ-руку).

ВТОРОЙ.

Что?

ПЕРВЫЙ, указывая пальцемъ на од-ного изъ двухъ идущихъ съ ль-стицы.

Литераторъ!

ВТОРОЙ, *торопливо.*

Который?

ПЕРВЫЙ.

Вотъ этотъ! чш! послушаемъ, что будутъ говорить.

ВТОРОЙ.

А другой кто съ нимъ?

ПЕРВЫЙ.

Не знаю; неизвестно какой человекъ. (Оба офицера поворачиваются и даютъ имъ мѣсто).

НЕИЗВѢСТНО КАКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Я не могу судить относительно литературнаго достоинства; но, мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро.

ЛИТЕРАТОРЪ.

Помилуйте, что жъ тутъ остроумнаго? что за низкій народъ выведенъ, что за тонъ? шутки самыя плоскія, просто, даже сально!

НЕИЗВѢСТНО КАКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

А, это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить; я только замѣтилъ, что пьеса смѣшна, доставила удовольствіе.

ЛИТЕРАТОРЪ.

Да и не смѣшна. Помилуйте, что жъ тутъ смѣшнаго и въ чемъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій; все несообразности; ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого.

НЕИЗВѢСТНО КАКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну да, противъ этого я и не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...

ЛИТЕРАТОРЪ.

Да что же есть, помилуйте, и этого даже нѣтъ. Ну что за разговорный языкъ, кто говоритъ такъ въ высшемъ обществѣ. Ну скажите сами, ну говоримъ ли мы съ вами такъ?

НЕИЗВѢСТНО КАКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣтъ. Все лица, кажется, какъ-будто не могутъ скрыть низкой природы своей—это правда.

ЛИТЕРАТОРЪ.

Ну, а вы еще хвалите!

НЕИЗВѢСТНО КАКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Кто жъ хвалить? я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что піеса вздоръ. Но вѣдь вдругъ нельзя этого узнать; я не могу судить въ литературномъ отношеніи. (Оба уходятъ).

ЕЩЕ ЛИТЕРАТОРЪ, *сходитъ съ сцены
возведеніи слушателей, которыми
говорить, размахивая руками.*

Повѣрьте мнѣ, я знаю это дѣло: отвратительная піеса! грязная, грязная піеса. Нѣтъ ни одного лица истиннаго, все карикатуры! Въ натурѣ нѣтъ этого, повѣрьте мнѣ, нѣтъ, я лучше это знаю: я самъ литераторъ. Говорятъ: живость, наблюденіе.... да вѣдь все вздоръ, это все пріятель, пріятель хвалитъ, все пріятель. Я уже слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ, а піеса просто, недостойна даже быть названа комедіей. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный. Последняя, пустыишая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею Монбланъ передъ Пулковскою горою. Я это имъ всѣмъ докажу, докажу математически, какъ дважды-два. Просто, друзья и пріятель захвалили его не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о

себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда пріятели захвалять. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говоритъ о немъ? все пріятели кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать. (*Уходитъ вмѣстѣ съ слушателями*).

Оба офицера подаются впередъ и занимаютъ ихъ мѣста.

ПЕРВЫЙ.

Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарсъ; я это и прежде говорилъ, глупый фарсъ, поддержанный пріятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотреть.

ВТОРОЙ.

Да, вѣдь ты же говорилъ, что еще никогда такъ не смѣлся?

ПЕРВЫЙ.

А это опять другое дѣло. Ты не понимаешь, тебѣ надо растолковать. Тутъ что въ этой піесѣ? Во-первыхъ завязки никакой, дѣйствія тоже нѣтъ, соображенія рѣшительно никакого;

все невѣроятности и при-томъ все карикатуры.

Двое другихъ офицеровъ позади.

ОДИНЪ, другому.

Кто это разсуждаетъ? Кажется, изъ вашихъ?

Другой, заглянувъ съ-боку въ лицо разсуждающаго, махнулъ рукою.

ПЕРВЫЙ.

Что, глупъ?

ДРУГОЙ.

Нѣтъ, не то чтобы... У него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а заноздала выходомъ книжка — и въ головѣ ничего. Но однакожъ пойдемъ. (*Уходятъ*).

Два любителя искусствъ.

ПЕРВЫЙ.

Я вовсе не изъ числа тѣхъ, которые прибѣгаютъ только къ словамъ: грязная, отвратительная, дурнаго тона и тому подобное. Это уже доказанное дѣло, что такія слова болѣею частію исходятъ изъ устъ тѣхъ, которые сами очень сомнительнаго тона, толкують о гостинныхъ, а допускаются только въ переднія, но не объ нихъ рѣчь. Я говорю на-счетъ того, что въ піэсѣ точно нѣтъ завязки.

ВТОРОЙ.

Да если принимать завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то есть, въ смыслѣ любовной интриги, такъ ее точно нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ-поръ на эту вѣчную завязку. Стоитъ оглядѣться пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтъ. Теперь сильный завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другаго, отмстить за пренебреженіе, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?

ПЕРВЫЙ.

Все это хорошо; но и въ этомъ отношеніи все-таки я не вижу въ піэсѣ завязки.

ВТОРОЙ.

Я не буду теперь утверждать, есть ли въ піэсѣ завязка, или нѣтъ. Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли уже къ этимъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться піеса. Конечно, это завязка, но какая завязка?

точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама-собою, всей своей массою, въ одинъ большой, общій узелъ. Завязка должна обнимать всё лица, а не одно или два, коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ пьесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и не входящее въ дѣло.

ПЕРВЫЙ.

Но всё не могутъ же быть героями; одинъ или два должны управлять другими?

ВТОРОЙ.

Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одинъ колеса замѣтнѣй и сильнѣй двинутся; ихъ можно только назвать главными; но править пьесою идея, мысль. Безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона...

ПЕРВЫЙ.

Но это выходитъ ужъ придавать комедіи какое-то значеніе, болѣе общее.

ВТОРОЙ.

Да развѣ это не есть ея прямое и настоящее значеніе? Въ самомъ началѣ комедія была уже общественнымъ, народнымъ созданіемъ. По-крайней-мѣрѣ такую показали ее самъ отецъ ея, Аристофанъ. Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. Зато, какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ, какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонной любовью.

ТРЕТІЙ, *подходя и слегка ударивъ
второго по плечу.*

Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію.

ВТОРОЙ.

Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но и любовь и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Заявившись ими, неминуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то, что составляетъ именно сторону комедіи, тогда уже поблѣд-
томъ IV. 34

нѣтъ, и значеніе комедіи общественной непременно исчезнетъ.

ТРЕТІЙ.

Стало-быть, предметомъ комедіи должно быть непременно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ.

ВТОРОЙ.

Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ служить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго чловѣка, не рисуется уже образъ честнаго чловѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленіе отъ законовъ и справедливости, не дастъ уже знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лечатъ съ равнымъ успѣхомъ одні и тѣ же болѣзни. Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

ЧЕТВЕРТЫЙ, *подходл.*

Что может послужить прекрасному? и о чемъ у васъ толки?

ПЕРВЫЙ.

Споръ завязался у насъ о комедіи. Мы всѣ говоримъ о комедіи вообще, а никто еще не сказалъ ничего о новой комедіи. Что вы скажете?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А вотъ что скажу: видѣнь талантъ, наблюденіе жизни, много смѣшнаго, вѣрнаго, взятаго съ натуры; но вообще во всей піесѣ чего-то нѣтъ. Какъ-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ того, чтобы не вышивать начальствъ. Безъ нихъ у насъ не развяжется ни одна комедія.

ТРЕТІЙ.

Это правда. А впрочемъ, съ другой стороны это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ; интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало-быть, не мудрено, что это отражается въ созданьяхъ нашихъ писателей.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Такъ. Ну и пусть эта связь будетъ слышна. Но смѣшно то, что пѣса никакъ не можетъ кончиться безъ того, чтобъ не вмѣшивать начальства. Оно непременно явится точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ.

ВТОРОЙ.

Ну видите: стало-быть, это уже что-то невольное у нашихъ комиковъ. Стало-быть, это составляетъ какой-то отличительный характеръ нашей комедіи. Въ груди нашей заключается какая-то тайная вѣра въ правительство. Чтожъ? тутъ нѣтъ ничего дурнаго: дай Богъ, чтобъ правительство всегда и вездѣ слышало призваніе свое: быть представителемъ Провидѣнія на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленія.

ПЯТЫЙ.

Здравствуйте, господа. Я только и слышу слово «правительство». Комедія возбудила крики и толки...

ВТОРОЙ.

Поговоримте лучше объ толкахъ и крикахъ у

меня, чѣмъ здѣсь, въ театральныхъ сѣняхъ (уходятъ).

Нѣсколько почтенныхъ и прилично одѣтыхъ людей появляются одинъ за другимъ.

№ 1.

Такъ, такъ, я вижу: это вѣрно, это есть у насъ и случается въ иныхъ мѣстахъ и похуже; но для какой цѣли, къ-чему приведетъ это? вотъ вопросъ. Зачѣмъ эти представленія? какая польза отъ нихъ? вотъ что разрышите мнѣ! Что мнѣ нужды знать, что въ такомъ-то мѣстѣ есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности подобныхъ представленій (уходитъ).

2-й.

Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ; это отвратительная насмѣшка надъ Россіею — вотъ что. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самыя начальства. Просто, даже не слѣдуетъ позволять такихъ представленій (уходитъ).

*Входятъ господинъ А. и господинъ Б., люди
не маловажныхъ чиновъ.*

ГОСПОДИНЪ А.

Я не на-счетъ этого говорю; напротивъ, злоупотребленія намъ надо показывать; надо, чтобы мы видѣли свои проступки; и я ничуть не раздѣляю мнѣній многихъ, черезчуръ разгорячившихся патріотовъ; но только мнѣ кажется, что не слишкомъ ли много здѣсь чего-то печальнаго...

ГОСПОДИНЪ Б.

Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы услышали замѣчаніе одного, очень скромно одѣтаго человѣка, который сидѣлъ подлѣ меня въ креслахъ... Ахъ, вотъ онъ самъ!

ГОСПОДИНЪ А.

Кто?

ГОСПОДИНЪ Б.

Именно этотъ, очень скромно одѣтый человѣкъ.
(Обращаясь къ нему) Мы съ вами не кончили разговора, котораго начало было такъ для меня интересно.

ОЧЕНЬ-СКРОМНО-ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

А я, признаюсь, очень радъ продолжать его. Сейчас только я слышалъ толки, именно: что это все неправда, что это насмѣшка надъ нашими обычаями, и что этого не слѣдуетъ вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю пѣсу. И признаюсь, выраженіе комедіи показалось мнѣ теперь еще даже значительнѣй: въ ней, какъ мнѣ кажется, сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость, плутъ, корчащій рожу благонамѣреннаго человѣка. Признаюсь, я чувствовалъ радость, видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута. И какъ уморительно смѣшна стала всѣмъ, отъ кресель до райка, надѣтая имъ маска; и послѣ этого есть люди, которые говорятъ, что не надо выводить этого на сцену. Я слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ, довольно порядочнымъ человекомъ: «А что скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія?»

ГОСПОДИНЪ А:

Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому

тоже невольно представился вопросъ: а что скажетъ народъ нашъ, глядя на все это?

ОЧЕНЬ-СКРОМНО-ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Что скажетъ народъ? (*посторанивается, проходятъ двое въ армякахъ*).

СИНІЙ АРМЯКЪ СЪРОМУ.

Небось, приткіе были воеводы, а всѣ побѣднѣли, когда пришла царская расправа! (*Оба выходятъ вонъ*).

ОЧЕНЬ-СКРОМНО-ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Вотъ что скажетъ народъ, вы слышали?

ГОСПОДИНЪ А.

Что?

ОЧЕНЬ-СКРОМНО-ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Скажетъ: «небось приткіе были воеводы, а всѣ побѣднѣли, когда пришла царская расправа!» Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черплетъ ихъ изъ самой природы человѣка? Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія

народъ получить болѣе вѣры въ правительство? Да, для него нужны такія представленія. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходят не отъ правительства, а отъ не понимающихъ требованій правительства, отъ не желающихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человека; что поблѣднѣютъ передъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій, высшій законъ. Минь правится тоже еще замѣчаніе: «народъ получить дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ». То есть, они воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ; что если дома какой-нибудь плутъ-староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театрѣ, такъ тогда и увидитъ. Они, право, народъ нашъ считаютъ глуше бревна, глупымъ до такой

степени, что будто уже онъ не въ-силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей. Нѣтъ, теперь, мнѣ кажется, даже хорошо то, что не выведешь на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ. Выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенія и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это можетъ быть.

ГОСПОДИНЪ А.

Но неужели однакожъ существуютъ у насъ точь-въ-точь такіе люди?

ОЧЕНЬ-СКРОМНО-ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Позвольте мнѣ сказать вамъ на это: вотъ что: я не знаю, почему мнѣ всякій разъ становится грустно, когда слышу подобный вопросъ. Я могу съ вами говорить откровенно: въ чертахъ лицъ вашихъ я вижу что-то такое, что располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ вопросъ: «неужели существуютъ такіе люди?» Но когда было видано, чтобы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: «неужели я самъ

чисть вовсе отъ такихъ пороковъ?» Никогда, никогда! Да вотъ что, я буду съ вами говорить прямодушно. У меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но еслибы вы знали, какихъ душевныхъ усилій и потрясеній мнѣ стоило, чтобы не впасть во многія порочныя наклонности, въ которыя впадаешь невольно, живя съ людьми. И какъ я могу сказать теперь, что во мнѣ нѣтъ сію же минуту тѣхъ самыхъ наклонностей, которымъ только-что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ, и надъ которыми я самъ посмѣялся.

ГОСПОДИНЪ А., послѣ нѣкотораго молчанія.

Признаюсь, надъ словами вашими призадумался. И когда я вспомню, представляю себѣ, какъ гордыми сдѣлало насъ европейское наше воспитаніе, вообще какъ скрыло насъ отъ самихъ себя, какъ высоко и съ какимъ презрѣніемъ глядимъ мы на тѣхъ, которые не получили подобной намъ наружной полировки, какъ всякій изъ насъ ставитъ себя чуть не святымъ, о дурномъ говоритъ вѣчно въ третьемъ лицѣ, — то, признаюсь, невольно становится грустно душѣ... Но

простите мою нескромность, вы, впрочемъ, виноваты въ ней сами: позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

ОЧЕНЬ-СКРОМНО-ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

А я, ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ чиновникъ, въ должности которыхъ выведены были лица комедіи, и третьяго дня только пріѣхалъ изъ своего городка.

ГОСПОДИНЪ А.

Я бы этого не могъ думать. И неужели вамъ не кажется послѣ этого обидно жить и служить съ такими людьми?

ОЧЕНЬ-СКРОМНО-ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Обидно? А вотъ что я вамъ скажу на это: признаюсь, мнѣ приходилось часто терять терпѣнье. Въ городкѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка; часто приходится лѣзть на стѣну, чтобы сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Уже нѣсколько разъ хотѣлъ-было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ новую силу продолжать свое поприще. Я утѣшенъ уже мыслью,

что подлость у насъ не останется скрытою, или потворствуемой, что тамъ, въ виду всѣхъ благородныхъ людей, она поражена осмѣяніемъ, что есть перо, которое не укоснитъ обнаружитъ низкія наши движенія, хотя это и не льститъ національной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое дозволитъ показать это всѣмъ, кому слѣдуетъ въ очи, и уже это одно даетъ мнѣ рвеніе продолжать мою полезную службу.

ГОСПОДИНЪ А.

Позвольте сдѣлать вамъ одно предложеніе: я занимаю государственную должность, довольно значительную. Мнѣ нужны истинно благородные и честные помощники. Я вамъ предлагаю мѣсто, гдѣ вамъ будетъ обширное поле дѣйствія, гдѣ вы получите несравненно болѣе выгодъ и будете на-виду.

ОЧЕНЬ-СКРОМНО-ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Позвольте мнѣ отъ всей души и отъ всего сердца поблагодарить васъ за такое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте отказаться отъ него. Если я уже чувствую, что полезенъ своему

мѣсту, то благородно ли съ моей стороны его бросить? И какъ я могу оставить его, не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать прижимки. Если же это предложеніе сдѣлано вами въ-видѣ награды, то позвольте сказать вамъ: я аплодировалъ автору пѣсы на-равнѣ съ другими, но я не вызывалъ его. Какая ему награда? Пѣса поправилась — хвали ее, а онъ—онъ только выполнилъ долгъ свой. У насъ, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадитъ никому въ жизни и на службѣ, то уже считаетъ себя Божь вѣсть какимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ; сердится сурьезно, если не замѣчаютъ и не награждаютъ его. «Помилуйте, говоритъ: я цѣлый вѣкъ честно жилъ, совсѣмъ почти не дѣлалъ подлостей,—какъ же мнѣ не даютъ ни чина, ни ордена?» Пѣтъ, по-мнѣ, кто не въ-силахъ быть благороднымъ безъ поощренія—не вѣрю я его благородству, не стоитъ гроша его мышинное благородство.

ГОСПОДИНЪ А.

«По-крайней-мѣрѣ вы мнѣ не откажете въ нашемъ знакомствѣ. Простите мою неотвязчивость;

вы сами видите, что она есть слѣдствіе моего искренняго уваженія. Дайте мнѣ вашъ адресъ.

ОЧЕНЬ-СКРОМНО-ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Вотъ вамъ мой адресъ; но будьте увѣрены, что я не допущу васъ имъ воспользоваться, и завтра же поутру явлюсь къ вамъ. Извините меня, я не воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и не умѣю говорить... Но встрѣтить такое великодушное вниманіе въ государственномъ человѣкѣ, такое стремленіе къ добру... дай Богъ, чтобы вездѣ было побольше такихъ людей! (*поспѣшно уходитъ*).

ГОСПОДИНЪ А., *переворачивая въ рукахъ карточку.*

Я смотрю на эту карточку и на эту неизвѣстную мнѣ фамилію, и какъ-то полно становится на душѣ моей. Это, вначалѣ грустное впечатлѣніе, разсѣялось само-собою. Да хранить тебя Богъ, наша малознаемая нами Россія! Въ глуши, въ забытомъ углу твоёмъ скрывается подобный перлъ, и, вѣроятно, онъ не одинъ. Они какъ искры золотой руды разсыпаны среди грубыхъ и темныхъ ея гранитовъ. Есть глубоко утѣшительное чувство въ этомъ явленіи, и душа моя освѣтилась послѣ встрѣчи съ этимъ чиновникомъ, какъ освѣти-

лась его собственная послѣ представленія комедіи. Прощайте. Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ эту встрѣчу (*уходитъ*).

ГОСПОДИНЪ В., *подходя къ господину Б.*

Кто это былъ съ вами? кажется, онъ министръ, а?

ГОСПОДИНЪ П., *подходя съ другой стороны.*

Помилуй, братецъ, ну что это такое, какъ же это въ самомъ дѣлѣ!...

ГОСПОДИНЪ В.

Что?

ГОСПОДИНЪ П.

Ну да какъ же выводить это?

ГОСПОДИНЪ В.

Почему же нѣтъ?

ГОСПОДИНЪ П.

Ну, да самъ посуди ты: ну какъ же, право. Все пороки, да пороки; ну какой примѣръ подастъ это зрителямъ?

господинъ в.

Да развѣ пороки хвалятся? Въдѣ они же выведены на осмѣяніе.

господинъ п.

Ну, да все, братъ, какъ ни говори: уваженіе... въдѣ чрезъ это теряется уваженіе къ чиновникамъ и должностямъ.

господинъ в.

Уваженіе не теряется ни къ чиновникамъ, ни къ должностямъ, а къ тѣмъ, которые скверно исполняютъ свои должности.

господинъ в.

Но позвольте однако же замѣтить, все это нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

господинъ п.

Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь напримѣръ выведутъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... э... пожалуй выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

господинъ в.

Ну такъ что жъ? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумалъ собственное лицо и придалъ ему кое-какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы даже и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ, какъ слѣдуетъ: что жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками?

господинъ п.

Ну, ужъ, братъ, это слишкомъ. Какъ же можетъ быть гусь дѣйствительный статскій совѣтникъ? Ну пусть еще титулярный... Нѣтъ, ты ужъ слишкомъ.

господинъ в.

Чѣмъ выставлать дурное, зачѣмъ же не выставлать хорошее, достойное подражанія?

господинъ в.

Зачѣмъ? странный вопросъ: зачѣмъ? Много можно сдѣлать такихъ «зачѣмъ». Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной

жизни, не тратилъ словъ и наставлений, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

ГОСПОДИНЪ В.

Но позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя надо скрывать, а не показывать.

ГОСПОДИНЪ П.

Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное надо скрывать, а не показывать.

ГОСПОДИНЪ В.

Еслибы слова эти были сказаны къмъ другимъ, а не вамъ, я бы сказалъ, что ими водило лицемеріе, а не истинная любовь къ отечеству. По-вашему, нужно бы только закрыть, замечить какъ-нибудь снаружки эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покамѣстъ онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь, до того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ пре-

увеличенія ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ смяхъ мы возвыситься надъ ними, не въ смяхъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого! Пусть глухъ остается человекъ, пусть сонно переходитъ жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачетъ въ глубинѣ сердца, пусть низведетъ до такого усыпленія свою душу, чтобы уже ничто не произвело въ ней потрясенія! Пить... простите меня. Холодный эгоизмъ движетъ устами, произносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь къ человечеству (*уходитъ*).

ГОСПОДИНЪ П., *послѣ нѣкотораго молчанія.*

Что жъ ты молчишь? каковъ? чего не наговорилъ, а?

ГОСПОДИНЪ В., *молчитъ.*

ГОСПОДИНЪ П., *продолжая.*

Онъ можетъ себѣ говорить, что ему угодно, а вѣдь это все таки наши, такъ сказать, раны.

ГОСПОДИНЪ В., *въ-сторону.*

Ну, попались ему на языкъ эти раны! Будетъ онъ толковать о нихъ и встрѣчному и поперечному!

ГОСПОДИНЪ П.

Этакъ, пожалуй, и я могу насказать кучу всего, да вѣдь что жъ изъ этого?... А вотъ князь Н. Послушай, князь, не уходи!

КНЯЗЬ Н.

А что?

ГОСПОДИНЪ П.

Ну, потолкуемъ, остановись! пу что, какъ піеса?

КНЯЗЬ Н.

Да, смѣшна.

ГОСПОДИНЪ П.

Ну, однакожь скажи: какъ это представлять? на что это похоже....

КНЯЗЬ Н.

Почему-жъ не представлять?

ГОСПОДИНЪ П.

Ну да посуди самъ, ну да какъ же это: вдругъ на сценѣ плуть,—вѣдь это все наши раны.

КНЯЗЬ Н.

Какія раны?

ГОСПОДИНЪ П.

Да, это наши раны, наши, такъ сказать, общественныя раны.

КНЯЗЬ П., съ досадою.

— Возьми ихъ себѣ. Пусть онѣ будутъ твои, а не мои рапы! Что ты мнѣ ихъ тычешь, мнѣ пора домой (*уходитъ*).

ГОСПОДИНЪ П., продолжалъ.

И потомъ опять, что за чепуху онѣ наговорилъ здѣсь? Говорить, дѣйствительный статскій совѣтникъ можетъ быть гусь. Ну еще пусть титулярный, это можно допустить...

ГОСПОДИНЪ В.

Однако-жъ пойдемъ, полно толковать; я думаю, всѣ проходящіе узнали уже, что ты дѣйствительный статскій совѣтникъ. (*Въ-сторону*) Есть люди, которые имѣютъ искусство все исказить. Твою же мысль, повторивши, они умѣютъ сдѣлать столь пошлою, что самъ красишь. Скажешь глупость; она бы, можетъ-быть, такъ и проскользнула незамѣченной,—нѣтъ, отыщется поклонникъ и пріятель, который непременно пуститъ ее въ-ходъ и сдѣлаетъ еще глупѣе, чѣмъ она есть. Даже досадно право, точно въ грязь посадилъ (*уходитъ*).

Военный и статскій выходятъ вмѣстѣ.

СТАТСКІЙ.

Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы го-

ворите, это надо выводить на сцену, вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь статскимъ чиновникомъ, а затронь, какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ-то полку офицеры, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурнаго тона съ неприличными ухватками, — да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

ВОЕННЫЙ.

Ну послушайте: за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такіе Донкихоты; но повѣрьте также, что есть много истинно-разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣяніе порочащій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обида? Подавайте, подавайте намъ его, мы всякій день готовы смотреть.

СТАТСКИЙ, въ сторону.

Этакъ всегда кричить человекъ: подавайте! подавайте! а подашь—такъ и разсердятся (уходятъ).

ДВѢ БЕКЕШИ:

ПЕРВАЯ БЕКЕША.

У французовъ тоже напримѣръ; но у нихъ все это очень мило. Ну вотъ, помнишь, во

вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель, и проч. Оно, конечно, не скромно, но мило. На все это можно смотреть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякій день въ театрѣ. А здѣсь, ну что́ это, право: какой-нибудь мерзавецъ, мужикъ, котораго бы я въ переднюю не пустилъ, развалится съ сапогами, зѣваетъ или ковыряетъ въ зубахъ, ну что́ это право, на что́ это похоже.

ДРУГАЯ БЕКЕША.

У французовъ другое дѣло. Тамъ *société, mon cher!* У насъ это невозможно. У насъ вѣдь сочинители совершенно безъ всякаго образованья: все это бѣльшеею частію воспитывалось въ семинаріи. Онъ и къ вину наклоненъ, онъ и потаскунъ. Къ моему лакею также ходилъ въ-гости одинъ какой-то сочинитель: гдѣ жъ ему имѣть понятіе о хорошемъ обществѣ? (*уходятъ*).

СВѢТСКАЯ ДАМА, *въ сопровожденіи двухъ
мужчинъ: одного во фра-
кѣ, другаго въ мундирѣ.*

Но что́ за люди, что́ за лица выведены, хотябы одинъ привлечь... Ну отчего не пишутъ у насъ такъ, какъ французы пишутъ, напримѣръ, какъ Дюма и другіе. Я не требую образцовъ до-

бродѣтели; выведите мнѣ женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже изменила мужу, предалась, положимъ, самой порочной и непозволительной любви, но представьте это увлекательно, такъ чтобы я побуждена была къ ней участіемъ, чтобы я полюбила ее... а вѣдь здѣсь всѣ лица одно отвратительный другого.

МУЖЧИНА ВЪ МУНДИРѢ.

Да, тривіально, тривіально.

СВѢТСКАЯ ДАМА.

Скажите, отчего у насъ, въ Россіи, все еще такъ тривіально?

МУЖЧИНА ВО ФРАКѢ.

Душа моя, послѣ расскажешь отчего тривіально: кричатъ нашу карету (*уходятъ*).

ВЫХОДЯТЪ ТРОЕ МУЖЧИНЪ ВМѢСТѢ.

ПЕРВЫЙ.

Почему жъ не посмѣяться? смѣяться можно; но что за предметъ для насмѣшки: злоупотребленія и пороки? какая здѣсь насмѣшка?

ВТОРОЙ.

Такъ надъ чѣмъ же смѣяться? развѣ надъ добродѣтелями, надъ достоинствами человека?

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой милый. Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ-будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чемъ можно писать?

ВТОРОЙ.

Какіе же другіе предметы?

ПЕРВЫЙ.

Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣтскихъ случаевъ. Ну, положимъ, напримѣръ, я отправился на Аптекарскаго острова, а кучеръ меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую, или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сцѣпленій?

ВТОРОЙ.

То есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьезное значеніе. Но зачѣмъ же издавать непримѣнный законъ? Комедій въ томъ именно вкусѣ, въ какомъ вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существованія двухъ, трехъ такихъ, какова была игранная теперь? Если же вамъ нравятся тѣ, о которыхъ вы говорите, позжайте только въ театр: тамъ всякій день вы увидите піесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу.

ТРЕТИЙ.

Ну нѣтъ, послушайте: это не то. Всему есть свои границы. Есть вещи, надъ которыми, такъ сказать, не слѣдуетъ смѣяться, которыя въ нѣ-
которомъ родѣ уже святыня.

ВТОРОЙ, *про-себя съ горькой ус-
лышкой.*

Такъ всегда на свѣтъ: посмѣйся надъ истинно-
благороднымъ, надъ тѣмъ, что составляетъ вы-
сокую святыню души, никто не станетъ заступ-
никомъ. Посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ
и низкимъ, всѣ закричатъ: онъ смѣется надъ свя-
тыней!

ПЕРВЫЙ.

Ну вотъ видите ли, вы я вижу теперь убежде-
ны, не говорите ни слова. Повѣрьте, нельзя
не быть убеждену, это истина. Я самъ человекъ
безпристрастный и говорю не то, чтобы.... но
просто, это не авторское дѣло, это не предметъ
для комедій (*уходитъ*).

ВТОРОЙ, *про-себя.*

Признаюсь, я бы ни за что не захотѣлъ быть
на мѣстѣ автора. Прошу угодить! Избери мало-
важные свѣтскіе случаи, всѣ будутъ говорить:
онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣтъ глубокой прав-

ственной цѣли; избери предметъ, сколько-нибудь
имѣющій серьёзную нравственную цѣль, будутъ
говорить: не его дѣло, пиши пустяки (*уходитъ*).

МОЛОДАЯ ДАМА БОЛЬШАГО СВѢТА. ВЪ СОПРО-
ВОЖДЕНІИ МУЖА.

МУЖЪ.

Карета наша не должна быть далеко, мы мо-
жемъ скоро уѣхать.

ГОСПОДИНЪ Н., *подходя къ дамѣ.*

Что вижу! вы пріѣхали смотреть русскую піэсу!

МОЛОДАЯ ДАМА.

Что жъ тутъ такого? развѣ я уже ничуть не
патріотка.

ГОСПОДИНЪ Н.

Ну если такъ, то вы не очень насытили па-
тріотизмъ свой. Вы, вѣрно, брали піэсу.

МОЛОДАЯ ДАМА.

Совсѣмъ нѣтъ. Я нахожу, что многое очень
вѣрно; я смѣялась отъ-души.

ГОСПОДИНЪ Н.

Отчего же вы смѣялись? оттого ли, что лю-
бите посмѣяться надо всѣмъ; что русское?

МОЛОДАЯ ДАМА.

Оттого, что просто было смѣшно. Оттого,

что выведена была наружу та подлость, низость, которая въ какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не въ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насъ,—все была бы такая же подлость или низость: вотъ отчего смѣялась.

ГОСПОДИНЪ Н.

Мнѣ говорила сейчасъ одна очень умная дама, что она тоже смѣялась, но при всемъ томъ піеса произвела на нее грустное впечатлѣніе.

МОЛОДАЯ ДАМА.

Я не хочу знать, что чувствовала ваша умная дама; но у меня не такъ чувствительны нервы. И я всегда рада смѣяться надъ тѣмъ, что внутренно смѣшно. Я знаю, что есть нѣкоторые изъ насъ, которыя отъ-души готовы посмѣяться надъ кривымъ носомъ чловѣка, и не имѣютъ духу посмѣяться надъ кривою душою чловѣка.

Вдали показывается тоже молодая дама съ мужемъ.

ГОСПОДИНЪ Н.

А вотъ идетъ ваша пріятельница. Я бы желалъ знать ея мнѣніе о комедіи. (Обѣ дамы подаютъ другъ другу руку).

ПЕРВАЯ ДАМА.

Я видѣла издали, какъ ты смѣялась.

ВТОРАЯ ДАМА.

Да кто же не смѣялся? всѣ смѣялись.

ГОСПОДИНЪ Н.

А не чувствовали вы никакого грустнаго чувства?

ВТОРАЯ ДАМА.

Признаюсь, мнѣ было точно грустно. Я знаю, все это очень вѣрно, и сама даже видѣла много подобнаго, но при всемъ томъ мнѣ было тяжело.

ГОСПОДИНЪ Н.

Стало-быть, комедія вамъ не понравилась?

ВТОРАЯ ДАМА.

Ну послушайте, кто жъ это говорить? Я вамъ говорю уже, что я смѣялась отъ всей души, и даже больше нежели всѣ другіе; я думаю, меня приняли даже за безумную.... Но мнѣ было грустно оттого, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ. Это излишество, и множество низкаго....

ГОСПОДИНЪ Н.

Говорите, говорите!

ВТОРАЯ ДАМА.

Послушайте, посоветуйте автору, чтобы онъ

вывелъ хоть одного честнаго человѣка. Скажите ему, что объ этомъ его просить, что это будетъ, право, хорошо.

МУЖЪ ПЕРВОЙ ДАМЫ.

А вотъ же этого именно и не совѣтуйте. Дамамъ хочется непременно рыцаря, чтобы онъ тутъ же твердилъ имъ за всякимъ словомъ о благородствѣ, хотя бы самымъ пошлымъ слогомъ.

ВТОРАЯ ДАМА.

Совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы мало знаете насъ. Вотъ вамъ-то принадлежить это. Вы любите именно только одиѣ слова и толки о благородствѣ. Я слышала сужденіе одного изъ васъ: одинъ толстякъ кричалъ, такъ-что, я думаю, всѣхъ заставилъ на себя обратиться: что это клевета, что подобныхъ низостей и подлостей у насъ никогда не дѣлается. А кто говорилъ? самый низкій и подлый человѣкъ, который готовъ продать свою душу, совѣсть и все, что хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

ГОСПОДИНЪ Н.

Ну скажите же, кто это былъ?

ВТОРАЯ ДАМА.

Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ; я слышала безпрестанно, какъ около насъ кричали:

«это отвратительная насмѣшка надъ Россіей, да какъ это позволить? да что скажетъ народъ?» А отчего они кричали? Оттого ли, что въ-самомъ-дѣлѣ думали и чувствовали это? Извините. Затѣмъ, чтобы произвестъ шумъ, чтобы запретили піесу, потому-что въ ней, можетъ-быть, отыскали они кое-что похожее на самихъ-себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари.

МУЖЪ ПЕРВОЙ ДАМЫ.

О! да у васъ начинается маленькая злость.

ВТОРАЯ ДАМА.

Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. О, нельзя не быть злою, видя какъ подлость является подъ всякими личинами.

МУЖЪ ПЕРВОЙ ДАМЫ.

Ну да, вамъ бы хотѣлось, чтобы сейчасъ выскочилъ рыцарь, прыгнулъ чрезъ какую-нибудь пропасть, сломилъ бы себѣ шею....

ВТОРАЯ ДАМА.

Извините.

МУЖЪ ПЕРВОЙ ДАМЫ.

Натурально: женщины что нужно? ей непременно нужно, чтобы въ жизни былъ романъ.

ВТОРАЯ ДАМА.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Дѣсти разъ готова говорить нѣтъ. Это пошлая, старая мысль, которую вы намъ навязываете безпрестанно. У женщины больше истиннаго великодушія, чѣмъ у мужчины. Женщина не можетъ, женщина не въ силахъ сдѣлать тѣхъ подлостей и гадостей, какія дѣлаете вы. Женщина не можетъ тамъ лицемерить, гдѣ лицемерите вы, не можетъ смотреть сквозь пальцы на тѣ низости, на которыя вы смотрите. Въ ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонамъ, понравится ли это кому-либо, или нѣтъ; потому-что это нужно говорить. Что подло, то подло, какъ вы ни скрываете и какой ни дадите видъ. Это подло, подло, подло!

МУЖЪ ПЕРВОЙ ДАМЫ.

Да вы, я вижу, разсердился во всѣхъ отношеніяхъ.

ВТОРАЯ ДАМА.

Потому, что я откровенна и не могу вынести, когда говорить неправду.

МУЖЪ ПЕРВОЙ ДАМЫ.

Ну, не сердитесь же, дайте мнѣ вашу руку, я пошутилъ.

ВТОРАЯ ДАМА.

Вотъ вамъ рука моя, я не сержусь. (обращаясь къ г-ну N) Послушайте, посоветуйте автору, чтобы онъ вывелъ въ комедіи благороднаго и честнаго человека.

ГОСПОДИНЪ N.

Да какъ же это сдѣлать? ну если онъ выведетъ честнаго человека, и этотъ честный человекъ будетъ похожъ на театральнаго рыцаря.

ВТОРАЯ ДАМА.

Нѣтъ, если онъ сильно и глубоко чувствуетъ, то герой его не будетъ театральнымъ рыцаремъ.

ГОСПОДИНЪ N.

Да вѣдь я думаю, это не такъ легко сдѣлать.

ВТОРАЯ ДАМА.

Просто, скажите лучше, что у автора нашего нѣтъ глубокихъ и сильныхъ движеній сердечныхъ.

ГОСПОДИНЪ N.

Отъ чего жъ такъ?

ВТОРАЯ ДАМА.

Ну, да ужъ кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ; ему не можетъ быть знакомо то, что чувствуетъ одно только нѣжное сердце.

СПОДИНЪ Н.

Вотъ хорошо! Стало-быть, по-вашему, авторъ не долженъ быть благородный человѣкъ?

ВТОРАЯ ДАМА.

Ну вотъ видите, вы сейчасъ перетолковываете это въ другую сторону. Я не говорю ни слова о томъ, чтобы у комика не было благородства и строгаго понятія о чести во всемъ смыслѣ слова. Я говорю только, что онъ не могъ бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

МУЖЪ ВТОРОЙ ДАМЫ.

Но какъ же ты можешь сказать это утвердительно?

ВТОРАЯ ДАМА.

Могу, потому-что знаю. Всѣ люди, которые смѣялись или были насмѣшниками, всѣ они были самолюбивы, всѣ почти эгоисты; конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

ГОСПОДИНЪ Н.

Стало-быть, вы рѣшительно предпочитаете только тотъ родъ сочиненій, гдѣ дѣйствуютъ одиѣ высокія движенія человѣка.

ВТОРАЯ ДАМА.

О, конечно! Я ихъ всегда поставлю выше, и

признаюсь, я больше имѣю душевной вѣры къ такому автору:

МУЖЪ ПЕРВОЙ ДАМЫ, *обращаясь къ господину N.*

Ну развѣ ты не видишь: выходить опять то же. Это женскій вкусъ. Для нихъ самая пошлѣйшая трагедія выше самой лучшей комедіи, ужь потому только, что она трагедія....

ВТОРАЯ ДАМА.

Молчите, я опять буду зла. *(обращаясь къ господину N)*. Ну скажите, не правду ли я сказала: вѣдь у комика душа непременно должна быть холодная?

МУЖЪ ВТОРОЙ ДАМЫ.

Или горячая, потому-что раздражительность характера возбуждаетъ тоже къ насмѣшкамъ и сатирамъ.

ВТОРАЯ ДАМА.

Ну или раздражительная. Ну что же это значить? Это значить, что причиною такихъ произведеній все же была жолчь, ожесточеніе, негодование, можетъ-быть, и справедливое во всѣхъ отношеніяхъ. Но пѣтъ того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью къ человѣчеству.... словомъ, любовью. Неправда ли?

ГОСПОДИНЪ Н.

Это правда.

ВТОРАЯ ДАМА.

Ну, скажите: похожъ авторъ комедіи на этотъ портретъ?

ГОСПОДИНЪ Н.

Какъ вамъ сказать? я не знаю его такъ коротко, чтобы могъ судить о душѣ его. Но, соображая все, что о немъ слышалъ, онъ точно долженъ быть или эгоистъ, или очень раздражительный человѣкъ.

ВТОРАЯ ДАМА.

Ну, видите ли, я это хорошо знала.

ПЕРВАЯ ДАМА.

Не знаю почему, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ былъ эгоистомъ.

МУЖЪ ПЕРВОЙ ДАМЫ.

А вотъ идетъ нашъ лакей, стало-быть карета готова. Прощайте. (*Пожимая руку второй дамы*). Вы къ намъ, неправда ли, чай пьемъ у насъ?

ПЕРВАЯ ДАМА, уходитъ.

Пожалуста!

ВТОРАЯ ДАМА.

Непремѣнно.

МУЖЪ ВТОРОЙ ДАМЫ.

Кажется, наша карета то же готова (*уходятъ за ними*).

ВЫХОДЯТЪ ДВА ЗРИТЕЛЯ.

ПЕРВЫЙ.

Вотъ что растолкуйте мнѣ: отчего разбирая порознь всякое дѣйствіе, лицо и характеръ, видишь: все это правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ, кажется, уже чѣмъ-то громаднымъ, преувеличеннымъ, каррикатурнымъ, такъ-что, выходя изъ театра, невольно спрашиваешь: неужели существуютъ такіе люди? А между-тѣмъ вѣдь они не то чтобы злодѣи.

ВТОРОЙ.

Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно то, какъ говорить пословица: «не душой худъ, а просто плутъ».

ПЕРВЫЙ.

И потомъ еще одно: это громадное накопленіе, это излишество, не есть ли уже недостатокъ комедіи? Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было если не половины, то по-крайней-мѣрѣ нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ об-

щественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности.

ВТОРОЙ.

Во-первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія во все не картина, а скорѣе фронтисписъ. Вы видите—и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ погрѣшностей и анахронизмовъ, не вложилъ бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежать имъ. Только первая раздражительность приняла за личность тѣ, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и чтò принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это сборное мѣсто. Отсюду изъ разныхъ угловъ Россіи стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идее: про-извести въ зрителя яркое, благородное отвращеніе отъ многого кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣе оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа; человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроженіе. И смѣясь, зритель невольно оборачивается назадъ, какъ-бы чувствуя, что близко отъ него тѣ, надъ чѣмъ онъ

посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думаю, забавитъ всего слышать автору упреки: зачѣмъ лица и герои его не привлекательны, тогда-какъ онъ употребилъ все, чтобы оттолкнуть отъ нихъ. Да еслибы, хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всей увлекательностью, то всѣ до одного перешли бы на сторону этого истиннаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образы, можетъ-быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые, по окончаніи представленія, зритель не унесъ бы грустнаго чувства и не говорилъ бы: неужели существуютъ такіе люди?

ПЕРВЫЙ.

Да, но это однако же не вдругъ поймутъ.

ВТОРОЙ.

Весьма естественно. Смыслъ внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся, и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданія. Но разбирать и складывать такіа буквы быстро, чи-

татъ по-верхамъ и вдругъ, не всякій можетъ. А до-тѣхъ-поръ долго будутъ видѣть однѣ буквы. И вы увидите, вотъ я вамъ говорю это впередъ: прежде всего разсердится всякій уездный городишка въ Россіи, и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него (*уходятъ*).

ОДИНЪ ЧИНОВНИКЪ.

Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, насквиль.

БѢГУТЪ ДВОЕ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

ОДИНЪ.

Ну, всѣ разсердились. Я ужъ столько слышался толковъ, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думаетъ о піесѣ.

ДРУГОЙ.

Ну что думаетъ вотъ этотъ?

ПЕРВЫЙ.

Вотъ тотъ, который надѣваетъ шинель въ рукава?

ДРУГОЙ.

Да.

ПЕРВЫЙ.

Вотъ что онъ думаетъ: за такую комедію те-

бя бы въ Нерчинскъ!... Однакожь тронулось, кажется, верхнее населеніе; водевилъ, какъ видно, кончился, сейчасъ нахлынуть разночинцы. Уйдемъ (оба уходятъ).

(Шумъ увеличивается; по вѣтмѣ лѣстницамъ раздается бѣготня. Бѣгутъ армяки, полушубки, чепцы, пѣмецкіе долгополые кафтаны купцовъ, трехугольные шляпы и султаны; шинели вѣхъ родовъ: фризовыя, военныя, поддержанныя и щегольскія съ бобрами. Толпа сталкиваетъ господина, надѣвающего въ рукавъ шинель; господинъ постороняется и продолжаетъ надѣвать ее въ сторону. Показываются въ толпѣ господа и чиновники вѣхъ родовъ и сортовъ. Лакеи въ либреяхъ прочищаютъ для барынь дорогу. Слышенъ бабій крикъ:

«батюшки, припихнули со вѣхъ сторонъ!»

МОЛОДЕНЬКІЙ ЧИНОВНИКЪ УКЛОНЧИВАГО СВОЙСТВА, подбѣгалъ къ господину, надѣвающему шинель.

Ваше превосходительство, позвольте, я вамъ подержу.

ГОСПОДИНЪ ВЪ ШИНЕЛИ.

А здравствуй! ты здѣсь? пришелъ смотреть?

МОЛОДЕНЬКІЙ ЧИНОВНИКЪ.

Да-съ, ваше превосходительство, забавно подмѣчено.

ГОСПОДИНЪ ВЪ ШИНЕЛИ.

Вздоръ! ничего нѣтъ забавнаго.

МОЛОДЕНЬКІЙ ЧИНОВНИКЪ.

Это правда, ваше превосходительство, совсѣмъ ничего нѣтъ.

ГОСПОДИНЪ ВЪ ШИНЕЛИ.

За этакія вещи надо съчъ, а не хвалить.

МОЛОДЕНЬКІЙ ЧИНОВНИКЪ.

Это правда, ваше превосходительство.

ГОСПОДИНЪ ВЪ ШИНЕЛИ.

Вотъ, пускають молодыхъ людей въ театръ. Много полезнаго вынесутъ! Вотъ и ты: теперь ужъ, чай, придешь въ канцелярію, прямо грубить станешь?

МОЛОДЕНЬКІЙ ЧИНОВНИКЪ.

Какъ можно, ваше превосходительство?... Позвольте, я вамъ прочиню дорогу впередъ (*народу, толкая того и другаго*) Эй, вы, посторонитесь, генераль идетъ! (*Подходя съ необыкновенною учтивостію къ двумъ щегольски одѣтымъ*) Господа, сдѣлайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одѣтые, давалъ дорогу.

ПЕРВЫЙ.

Не знаешь, какой генераль? Долженъ быть какой-нибудь известный?

ВТОРОЙ.

Не знаю, я никогда не видывалъ его.

ЧИНОВНИКЪ РАЗГОВОРЧИВАГО СВОЙСТВА, *подхватывая сзади.*

Просто, статскій совѣтникъ; по мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастье? Въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Лину, Станислава, 3,000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ комиссіи, да еще по департаменту.

ГОСПОДА ХОРОШО ОДѢТЫЕ ОДИНЪ ДРУГОМУ.

Уйдемъ! (*уходятъ*).

ЧИНОВНИКЪ РАЗГОВОРЧИВАГО СВОЙСТВА.

Должны быть, матушкины сынки. Я не люблю комедій; на мой вкусъ больше нравятся трагедіи (*уходитъ*).

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Экъ народу навалило!

ОФИЦЕРЪ, *пробиравсь съ дамой подъ руку.*

Эй вы, борода, что напираете. Развѣ не видишь: дама!

КУПЕЦЪ съ дамою подъ руку.

У самихъ, батюшка, дама.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Вотъ она поворотилась, видишь, видишь? еще теперь подурнѣла, но года три тому назадъ....

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Да три гривны, слышь ты, взялъ съ него сдачи. Подлая, скверная піеса! Забавная піеска! Ты, что лезешь въ самое горло!

ГОЛОСЪ ВЪ ОДНОМЪ КОНЦѢ ТОЛПЫ.

Все это вздоръ! гдѣ могло случиться такое происшествіе? Этакое происшествіе могло только развѣ случиться на Чукотскомъ Посу.

ГОЛОСЪ ВЪ ДРУГОМЪ КОНЦѢ.

Ну вотъ точь-въ-точь этакое событіе было въ нашемъ городкѣ. Я подозревалъ, что авторъ если не былъ тамъ, то вѣроятно слышалъ.

ГОЛОСЪ КУЩА.

Оно вотъ изволите видѣть. Оно здѣсь больше, такъ-сказать, съ маральной стороны. Конечно, бываютъ, такъ-сказать, всякіе-съ. Да вѣдь и то извольте посудить, что и честный человекъ, случаемъ придется.... А на-счетъ маральности, такъ и за дворянами это водится.

ГОЛОСЪ ГОСПОДИНА ПООЩРИТЕЛЬНОГО СВОЙСТВА.

Долженъ быть, бестія, пройдоха сочинитель,
все извѣдалъ, все знаетъ.

ГОЛОСЪ СЕРДИТАГО ЧИНОВНИКА, НО, КАКЪ ВИДНО,
ОПЫТНАГО.

Что онъ знаетъ? чорта онъ знаетъ. И вретъ
онъ, вретъ: все это, что ни написалъ онъ, все
враки. И взятки не такъ берутъ, ужъ если по-
шло на то...

ГОЛОСЪ ДРУГАГО ЧИНОВНИКА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Да что вы говорите: смѣшно, смѣшно! Знаете
ли отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь
это все онъ вывелъ своихъ бабушекъ, да тету-
шекъ. Вотъ отчего это смѣшно!

НЕИЗВѢСТНЫИ ГОЛОСЪ.

Стой, украли платокъ!

Два офицера, узнавши другъ друга, перего-
вариваются черезъ толпу.

ПЕРВЫЙ.

Мишель, ты туда?

ВТОРОЙ.

Туда.

ПЕРВЫЙ.

Ну, и я тамъ.

ЧИНОВНИКЪ ВАЖНОЙ НАРУЖНОСТИ.

Я бы все запретилъ. Ничего ненадо печатать. Просвѣщеніемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше ненадо.

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДѢ.

Что жъ, коли подлецъ, то и подлецъ. Не будь подлецомъ, то и не будутъ надъ тобой смѣяться.

КРАСИВЫЙ И ПЛОТНЫЙ ГОСПОДИНЪ *говоритъ*
съ жаромъ невзрачному и низенькому.

Нравственность, нравственность страждетъ, вотъ что главное!

ГОСПОДИНЪ НИЗЕНЬКІЙ И НЕВЗРАЧНЫЙ, НО ЯДОВИТАГО СВОЙСТВА.

Да вѣдь нравственность вещь относительная.

КРАСИВЫЙ И ПЛОТНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Что вы разумѣете подъ словомъ относительная?
НЕВЗРАЧНЫЙ, НО ЯДОВИТАГО СВОЙСТВА ГОСПОДИНЪ.

То, что нравственность всякій мѣрлетъ относительно себя. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его

любовницъ. Въдь обыкновенно, какъ говорить всякій изъ нашей братии своимъ подчиненнымъ? свысока говорить: милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества; а ты-моль ужъ тамъ себя разумей относительно чего. Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, неправда ли? Тутъ если и явится у кого-нибудь въ три года два дома, такъ въдь это отчего? все отъ честности, неправда ли?

КРАСИВЫЙ И ПЛОТНЫЙ ГОСПОДИНЪ *въ-сторону.*

Скверенъ, какъ чортъ, а языкъ какъ у змыи. **НЕВЗРАЧНЫЙ, НО ЯДОВИТАГО СВОЙСТВА ГОСПОДИНЪ**, толкалъ подъ руку вовсе незнакомаго чело-
вѣка, говоритъ ему, кивая на красиваго господина.

Четыре дома въ одной улицѣ; всѣ рядомъ одинъ подлѣ другаго, въ шесть лѣтъ выросли! Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу, а?

НЕЗНАКОМЕЦЪ, *уходя поспѣшно.*

Извините, я не дослышалъ. **НЕВЗРАЧНЫЙ, НО ЯДОВИТАГО СВОЙСТВА ЧЕЛОВѢКЪ**,
толкалъ подъ руку незнакомаго соседа.

Глухота-то какъ нынче распространилась въ

городъ, а? вотъ что значитъ нездоровый и сырой климатъ!

НЕЗНАКОМЫЙ СОСѢДЪ.

Да вотъ и гриппъ то же. У меня всѣ дѣти перболѣли.

НЕВЗРАЧНЫЙ, НО ЯДОВИТАГО СВОЙСТВА ЧЕЛОВѢКЪ.

Да и гриппъ и глухота; свинка тоже въ горлѣ (*пропадаетъ въ толпѣ*).

РАЗГОВОРЪ ВЪ ГРУППѢ НА СТОРОНѢ.

ПЕРВЫЙ.

А говорятъ, что подобное происшествіе случилось съ самимъ авторомъ: онъ въ какомъ-то городкѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги.

ГОСПОДИНЪ СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ ГРУППЫ, подхватывая рѣчь.

Нѣтъ, это не въ тюрьмѣ, это было на башнѣ, это видѣли тѣ, которые проѣзжали. Говорятъ, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэтъ на высочайшей башнѣ, вокругъ горы, мѣстоположеніе восхитительное, и онъ оттуда читаетъ стихи. Неправда ли, что здѣсь является какая-то особенная черта писателя.

ГОСПОДИНЪ, ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО СВОЙСТВА.

Авторъ, долженъ быть, умный человѣкъ.

ГОСПОДИНЪ, ОТРИЦАТЕЛЬНОГО СВОЙСТВА.

Ни-чуть не умный. Я знаю, онъ служилъ, его чуть не выгнали изъ службы, просьбы не умѣлъ написать.

ПРОСТО, ВРАЛЬ,

Бойкая, бойкая голова! Ему мѣста вовсе не давали, такъ что жъ вы думаете? Онъ прямо написалъ письмо къ министру. Да вѣдь какъ написалъ, квинтильяновскимъ манеромъ. Одно ужъ то, какъ началъ: «милостивый государь!»—а потомъ и пошолъ, и пошолъ и пошолъ.... страницъ восемь отваливалъ кругомъ. Министръ какъ прочиталъ: «ну, говорить, благодарю, благодарю! Я вижу у тебя много враговъ. Будь начальникъ отдѣленія!» И прямо изъ писцовъ махнулъ онъ въ начальники отдѣленія.

**ГОСПОДИНЪ, ДОБРОДУШНАГО СВОЙСТВА, обращался
къ другому чѣловѣку хладнокровнаго
свойства.**

Чортъ его знаетъ, кому и вѣрить! И въ тюрьмѣ сидѣлъ, и на башню лазилъ, и выгнали изъ службы, и мѣсто дали!

ГОСПОДИНЪ ХЛАДНОКРОВНАГО СВОЙСТВА.

Да вѣдь это все говорится экспромптомъ.

ГОСПОДИНЪ ДОБРОДУШНАГО СВОЙСТВА.

Какъ экспромптомъ?

ГОСПОДИНЪ ХЛАДНОКРОВНЫЙ.

Такъ. Въдь они еще за двѣ минуты не знаютъ сами, что услышать отъ себя. Языкъ у нихъ безъ-вѣдома хозяина вдругъ бракнетъ новость, а хозяинъ и радъ, возвращается домой, какъ-будто бы наѣлся. А на другой день онъ ужъ и позабылъ о томъ, что самъ выдумалъ. Ему кажется, что онъ слышалъ отъ другихъ и пошолъ передавать по городу всѣмъ.

ГОСПОДИНЪ ДОБРОДУШНЫЙ.

Это однако же безсовѣстно: лгать и не чувствовать самому.

ГОСПОДИНЪ ХЛАДНОКРОВНЫЙ.

Да есть и чувствительные. Есть такіе, которые чувствуютъ, что лгутъ, но считаютъ уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а рѣчь ложью.

ДАМА СРЕДНЯГО СВѢТА.

Но только какой злой насмѣшникъ долженъ быть этотъ авторъ. Я признаюсь, ни за что бы не хотѣла попасться ему на глаза. Этакъ онъ вдрухъ замѣтитъ во мнѣ смѣшное.

ГОСПОДИНЪ СЪ ВЪСОМЪ.

Я не знаю, что это за человекъ. Это, это, это... Для этого человека нѣтъ ничего священнаго: сегодня онъ скажетъ такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и въ насъ правды нѣтъ ни на грошъ. Въдъ тутъ всего только одинъ шагъ.

ВТОРОЙ ГОСПОДИНЪ.

Осмѣять! Да въдъ со смѣхомъ шутить нельзя. Это значить разрушить всякое уваженіе, вотъ что это значить. Да въдъ меня послѣ всего этого всякій прибѣдетъ на улицъ, скажетъ: да въдъ надъ вами смѣются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрещина! Въдъ это вотъ что значить.

ТРЕТІЙ ГОСПОДИНЪ.

Еще бы! Это сурьезная вещь! говорятъ: бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе. Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить должно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да, еслибы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта божьяго не въидѣлъ.

Появляется группа людей, Богъ въсть, какого свойства, впрочемъ благородной наружности и прилично одѣтыхъ.

ПЕРВЫЙ.

Постойте лучше здѣсь, покаместъ выйдетъ толпа. Ну что это, право? затѣвать шумъ, рукоплесканье, какъ-будто бы Богъ знаетъ что! Бездѣлка какая-нибудь, пустая театральная пѣса и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора, ну что это такое!

ВТОРОЙ.

Однако-жъ пѣса повеселила, развлекла.

ПЕРВЫЙ.

Ну да, повеселила, какъ обыкновенно веселить всякая бездѣлка. Но зачѣмъ же изъ этого такіе крики, толки? разсуждаютъ, какъ-будто бы о какой-нибудь важной вещи, аплодируютъ.... Ну что это такое! Ну я понимаю, если бы какая-нибудь пѣвица, или танцовщица, ну тамъ я понимаю. Тамъ удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здѣсь что? кричать: литераторъ! литераторъ! писатель! Да что такое писатель? Что иной разъ попадется остроумное слово, да списать кое-что съ

натуры... Да что же здесь за трудъ? Что жъ тутъ такого? Въдь это все побасенки и больше ничего.

ВТОРОЙ.

Да, конечно, вещь не важная.

ПЕРВЫЙ.

Разсудите: ну танцоръ, напримѣръ: тамъ все таки искусство, ужъ того никакъ не сдѣлаешь, что онъ дѣлаетъ. Ну захоти я, напримѣръ: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну сдѣлай я антраша — не сдѣлаю ни за что. А въдь писать можно, не учившись. Я не знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ, его откуда-то, кажется, выгнали.

ВТОРОЙ.

Ну, однако-жъ все-таки что-нибудь онъ долженъ знать; безъ этого нельзя писать.

ПЕРВЫЙ.

Да помилуйте, что жъ онъ можетъ знать? Вы сами знаете что такое литераторъ? Пустыишій человекъ! Это всему свѣту извѣстно, ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну посудите сами, ну что

такое они пишутъ? вѣдь это все пустяки, побасенки. Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишете, и онъ напишетъ, и всякій напишетъ.

ВТОРОЙ.

Да, конечно, почему-жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.

ПЕРВЫЙ.

Да и ума неужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бы еще была, положимъ, какая-нибудь учоная наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь—а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что ни дѣлается, вотъ и вся штука.

ТРЕТІЙ.

Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!

ПЕРВЫЙ.

Именно, трата времени больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы, надо запретить давать имъ перо и чернила въ руки. Однакожъ народъ выходить, пойдемте! Подымать шумъ

кричать! поощрять! а дѣло, просто, вздоръ! Побасенки, пустяки! побасенки! (*уходятъ. Толпа рѣдѣетъ, бѣгутъ кое-какіе отставшіе*).

ДОБРОДУШНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

А все бы, право, ну что бы хоть одного честнаго человѣка выставить. Все плуты, да плуты.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Слышь ты, жди меня на перекресткѣ! Я забѣгу возьму рукавицы.

ОДИНЪ ИЗЪ ГОСПОДЪ, смотря на часы.

Однако скоро часъ. Никогда я такъ поздно не выходилъ изъ театра (*уходитъ*).

ОТСТАВШІЙ ЧИНОВНИКЪ.

Только время даромъ пропало! Пять, никогда больше не пойду въ театръ! (*уходитъ; слышны пустяютъ*).

АВТОРЪ ПЬЕСЫ, выходя.

Я слышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижимую массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго предразсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что человѣкъ, то и мнѣнье, гдѣ всякій самъ создатель своего характера. Ка-

кое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснулъ этотъ твердый, ясный русскій умъ! И въ этомъ благородномъ стремленіи государственнаго мужа! и въ этомъ высокомъ самоотверженіи забившагося въ глушь чиновника! и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души! и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей! и въ простомъ вѣрномъ чувствѣ народа! какъ даже въ этихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что нужно знать комику. Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лицо былъ — смѣхъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозванье комику, прозванье холоднаго эгонста, и заставилъ даже усумниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему чест-

но и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительный и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, жолчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы чловѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключонъ вѣчно-бѣющійся родникъ его, но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко тѣ, что проскользнуло бы, безъ проникающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ чловѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы передъ нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: неужели есть такіе люди? тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ. Возмущаетъ только тѣ, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило чловѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто понесъ бы мщеніе противу злобнаго чловѣка, уже

почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливо говорить, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боятся даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтъ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышать могучей силы такого смѣха: что смѣшно, то низко, говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названіе высокаго. Но Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ міръ! Все, что имъ творилось вдохновеніемъ, для нихъ пустяки и побасенки; созданія Шекспира для нихъ побасенки, высокія движенія души—для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное мелочное самолюбіе писателя заставляетъ меня сказать

это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданья были сейчасъ названы побасенками. Нѣтъ, я вижу свои недостатки и вижу, что достоинъ упрековъ. Но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннѣйшія творенія честились именами пустяковъ и побасенокъ! Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія, отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: побасенки! Побасенки!... а вонъ протекли вѣки, города и народы спеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ, и полный благороднаго стремленія юноша. Побасенки! А вонъ: стонутъ балконы и перила театровъ: все потряслось съ низу до верху, превратись въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человека, всѣ люди встрѣтились, какъ

братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтъ. Слышутъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!... А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы пришолъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку, и брызнули вдругъ свѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнью и просить вновь у неба горя и страданій, чтобы только жить и залиться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки! Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обомлѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылся бы души. Побасенки!... О, да пребудутъ же вѣчно священные въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнья былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ.

Бодрый же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но приметь благодарно указанія

недостатковъ, не омрачась даже и тогда, еслибы отказали ей въ высокихъ движеніяхъ; и въ святой любви къ человечеству! Міръ, какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнія и толки, но все перемалываетъ время. Какъ шелуха, слетаетъ ложь и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеніемъ. Во глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И почему знать, можетъ-быть будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣды, въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто имеетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтъ!...

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

